

Дк $\frac{76-7}{366}$

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

01

ЛИ БЕН ДО

ЮЖНЫЙ САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА
В ГОДЫ ЯПОНСКОГО ГОСПОДСТВА

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

K179850

Москва

1976

СО Д Е Р Ж А Н И Е

02

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	I
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЮЖНЫМ САХАЛИНОМ И КУРИЛЬСКИМИ ОСТРОВАМИ	
§ I. Формирование населения	22
§ 2. Административно-территориальное управление	33
В ы ы ы ы ы	42
ГЛАВА II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ	
§ I. Хищническая эксплуатация лесных богатств	44
§ 2. Целлюлозно-бумажная промышленность - основная отрасль экономики на Южном Сахалине	50
§ 3. Особенности развития угольной промышленности и ее роль в колонизации острова и милитаризации страны	56
§ 4. Эксплуатация морских ресурсов и ее последствия...	65
§ 5. Сельское хозяйство - подсобная отрасль экономики.	78
§ 6. Строительство путей сообщения, портов и линий связи и их значение для империалистической Японии	89
В ы ы ы ы ы	101
ГЛАВА III. СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ	
§ I. Положение японских трудящихся	102

§ 2. Национальная политика по отношению к аборигенам и корейцам	113
§ 3. Милитаризация общественной жизни населения	125
§ 4. Классовая борьба	137
В ы в о д н	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
ПРИЛОЖЕНИЯ: I. Сравнительные японско-русские географические названия	152
2. Таблицы	155
3. Карты Южного Сахалина и Курильских островов в 1905-1945 гг.	164
4. Список использованных источников и литерату- ры	165

В В Е Д Е Н И Е

В конце XVI в. русские люди начали осваивать Сибирь и двигались дальше на Дальний Восток. Казаки и крепостные крестьяне, спасаясь от жестокого феодально-помещичьего гнета, переселялись на эти далекие необжитые земли. К середине XVII в. русские путешественники открыли о. Сахалин и Курильские острова. Россия вышла к берегам Тихого океана. Громадные не изведанные ранее никем пространства вошли в состав Российского государства. В последующие годы эти новые земли были исследованы и освоены казаками, русскими торгово-промышленными людьми и мореплавателями.

Большая заслуга в исследовании и освоении Курильских островов принадлежит экспедициям во главе с И. Козыревским в 1711-1713 гг. М. Шпанбергом в 1738-1740 гг. и отрядом Русско-Американской компании в начале и середине XIX в., которые окончательно закрепили эти земли за Россией. Выдающимся событием в истории Сахалина была экспедиция Г. Невельского в 1849-1853 гг., в результате которой был открыт и описан вход в Амур со стороны Охотского моря, подтверждено островное положение Сахалина и было объявлено о принадлежности Приамурья и о. Сахалина к России. С этого периода происходило заселение этих островов русскими людьми, основывались их поселения, что свидетельствует о приоритете России в открытии, исследовании и освоении Курильских островов и Сахалина.

В то время, когда в мире совершались великие географические открытия и русские землепроходцы шли к берегам Тихого океана, феодальное правительство Японии проводило политику "закрытых дверей". Эта политика не отвечала интересам государства. Она тормозила развитие экономики, культуры и науки. Этот фактор послужил основой того, что Япония периода правления Бакуфу (XVII - середина XIX вв. была не осведомлена о географии земель, расположенных севернее

о. Хоккайдо.

С развитием капиталистической промышленности в стране буржуазно-помещичье правительство Японии начало проводить экспансионистскую внешнюю политику в отношении сопредельных с ней стран.

В.И. Ленин указывал, что " всякая страна с быстроразвивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний..."¹.

Воспользовавшись слабой позицией России на Дальнем Востоке, Япония пыталась в середине XIX в. овладеть южной частью о. Сахалина и Курильскими островами. Поэтому в 1854 г. для установления добрососедских отношений и разрешения пограничных вопросов русское правительство послало в Японию посольство. С тех пор эти проблемы несколько раз обсуждались на русско-японских переговорах, в результате чего в 1875 г. по Петербургскому договору Япония вынуждена была признать всю территорию Сахалина законным владением России. Однако при этом Япония сумела взамен претензий на владение Южной Сахалином выторговать у России исконные ее земли - Курильские острова.

В начале XX в. наблюдалось резкое усиление территориальной экспансии Японии. В 1904 г. Япония вероломно напала на Россию и о. Сахалин был оккупирован японскими захватчиками. В 1905 г. на основании несправедливого Портсмутского мирного договора южная часть Сахалина была отторгнута от России, что означало односторонний насильственный пересмотр Японией Петербургского договора.

В годы японского господства Южный Сахалин и Курильские

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 379.

острова превратились в сырьевой придаток японской промышленности. Естественные ресурсы хищнически эксплуатировались, и сырье, полуфабрикаты вывозились в метрополию. В силу интенсивной экономической колонизации трудовое население особенно неапонское, находившееся в бесправном положении, подвергалось сильной эксплуатации. Накануне и в годы второй мировой войны общественная жизнь этих островов была милитаризована. В период японского владычества на данных территориях происходила классовая борьба, направленная против японского империализма.

Целью настоящей работы было раскрыть сущность политики японского империализма на Южном Сахалине и Курильских островах в годы японского господства (1905-1945 гг.; 1875-1945 гг.) как в области экономики, так и в области социальных отношений. Особое внимание уделено исследованию истории развития экономики, ибо она более наглядно показывает колониальный характер политики японского империализма на этих территориях. Однако, ввиду многогранности исследуемой темы и ограниченности материалов автор сознательно сузил круг вопросов исследования. Так, не освещаются проблемы культуры и здравоохранения.

Методологической основой исследования в настоящей работе являются марксистско-ленинские учения об империализме и, в частности, об особенностях японского империализма, о колониальном и национальном вопросах, которые нашли отражение в работах Маркса, Ленина, а также программные документы КПСС, материалы и решения XXIУ съезда КПСС, документы международных коммунистических и рабочих партий.

В советской историографии до сих пор еще не предпринимались попытки создания обобщающего исследования по истории Южного Сахалина и Курильских островов в годы японского господства. Изу-

чение данной темы представляет определенный научный интерес и имеет важное политическое значение. Мы располагаем немногими специальными работами по нашей теме^I. Необходимо отметить, что при изучении литературы мы пришли к следующему выводу: до 30-х годов не выходило в свет сколь-либо значительных работ или специальных разделов в работах общего характера по истории и экономике Японии, в которых содержались бы обобщенные сведения по исследуемым нами проблемам.

^I Попов К. Экономика Японии. М., 1936; Андреев В. Курильские острова. Морской сборник. № II. Л., 1938; Соловьев А.И. Курильские острова. М.-Л., 1947; Сергеев М.А. Курильские острова. М., 1947; Стадниченко А.И. Южный Сахалин и его хозяйственные возможности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. Л., 1949; Перцева К.Т. Сельскохозяйственная колонизация Японией Южного Сахалина. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 1950; Рыжков А.И. Подвиги русских людей на Сахалине и Курилах. Южно-Сахалинск, 1955; Чернявский Г.И. Заметки о развитии рыбной промышленности Сахалина и Курил. Южно-Сахалинск, 1958; Багров Н.В. Южно-Сахалинские и Курильские операции. М., 1958; Власов С.Т. Леса Южного Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959; Ли Бен Дю. Классовая борьба японских рыбаков на Южном Сахалине (1905-1909 гг.). История, социология и философия Дальнего Востока. Владивосток, 1971; Он же. Лишняя человеческая эксплуатация лесных богатств Южного Сахалина в годы японской оккупации. Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973.

Рассмотрим отечественную историографию исследуемой проблемы в хронологическом порядке. В 1936 г. вышла монография К. М. Попова "Экономика Японии", в которой имеется глава "Южный Сахалин"¹. В ней кратко рассматриваются население и экономика Южного Сахалина.

В 1947 г. вышла в свет книга М. А. Сергеева "Курильские острова", посвященная истории этих островов². Она написана в классовых позициях и в ней дается подлинная история островов Курильской гряды. В работе поэтапно и подробно показана история открытия, исследования и освоения русскими островов Курильской гряды. К ней приложены копии оригинальных карт XVIII в., что документально доказывает принадлежность этой территории России. Автор широко освещает роль Российско-Американской компании в освоении и закреплении этих островов за Россией. В разделе "Курильские острова под властью Японии"³ автор описывает трагическую судьбу айнов о. Сикотан (Шикотан), разоблачает японских "колонизаторов" как жестоких эксплуататоров и поработителей аборигенов. В работе показана роль Курильских островов как плацдарма для агрессии против СССР.

Проблемы населения и экономики Курильских островов рассмотрены в монографии А. И. Соловьева "Курильские острова", вышедшей в 1947 г. В одном из разделов этой книги дана краткая характеристика населения и экономики данных островов в годы японского господства. Здесь, на наш взгляд, довольно хорошо описаны судьбы айнов, насильственно переселенных японскими империалистами на о. Сикотан, а также освещен пушной промысел. Автор дает оценку

¹ Попов К. Экономика Японии. М., 1936, с. 366-370.

² Сергеев М. А. Курильские острова. М., 1947.

³ Там же, с. 121-131.

хищнической деятельности торговцев и промышленников Японии и других стран, приведшей к истощению запасов ценнейших морских зверей и акватории Курильских островов. Однако в книге слабо показано японское рыболовство и не выявлены причины уменьшения ресурсов рыбы и морепродуктов в этих водах в годы японского господства¹.

Заслуживает большого внимания диссертация К. Т. Перцевой (1950 г.) на тему "Сельскохозяйственная колонизация Японией Южного Сахалина", в которой рассматриваются экономические аспекты проблемы. В работе достаточно полно освещено сельское хозяйство в целом. Автор широко использовал таблицы, которые отражают динамику развития данной отрасли хозяйства, особенно животноводства. Вместе с тем, в диссертации, по нашему мнению, недостаточно рассматривается динамика урожайности основных видов сельскохозяйственных культур по годам. Следует отметить, что в работе мало исследованы опубликованные источники и справочные материалы, а также экономическая литература на иностранных языках.

Диссертация К. Т. Перцевой привлекает внимание и тем, что автор разоблачает сущность колониальной политики японского империализма в области сельского хозяйства на Южном Сахалине. Она является первой попыткой в нашей стране обобщить материал по сельскому хозяйству Южного Сахалина в годы японского господства.

Монография Г. И. Чернявского "Заметки о развитии рыбной промышленности Сахалина и Курил" издана в 1958 г. В ее втором разделе автор дает обзор развития японского рыболовства в акватории Сахалина и Курильских островов в 1905-1945 гг.². В работе приве-

¹ Соловьев А. И. Курильские острова. М.-Л., 1947, с. 58-59.

² Чернявский Г. И. Заметки о развитии рыбной промышленности Сахалина и Курил. Южно-Сахалинск, 1958, с. 14-46.

дены данные по улову основных видов рыбы за 1906-1944 гг. и оснащении японского флота орудиями лова за 1941-1944 гг. На основе этих данных автор прослеживает динамику развития рыбной промышленности. Довольно полно показан промысел основных видов рыбы по районам островов. Однако, по нашему мнению, автор недостаточно полно исследует колониальный характер японского рыболовства, хотя и касается этого вопроса, показывая уменьшение сырьевых запасов сельди в районе Анив. Вместе с тем, следует отметить, что крайне поверхностно дана характеристика рыбной промышленности Курильских островов. Слабо освещена и рыбообрабатывающая отрасль хозяйства в целом. Далее, некоторые показатели по улову значительно расходятся с цифрами статистических данных губернаторства Южного Сахалина (см. таблицу 4).

В статьях автора данной диссертации рассматриваются рабочее движение японских рыбаков, экономическая политика Японии в области лесной промышленности на Южном Сахалине и борьба айнов против японской экспансии на о. Кунаширу (Кунашир).

Что касается японской историографии, то рассматриваемые вопросы получили в ней более широкое, хотя и тенденциозное освещение. Следует указать, что много литературы по проблемам Южного Сахалина и Курильских островов появилось с 30-х годов, когда усилился интерес колониальной Японии к данным территориям. Ввиду того, что японская историография по теме нашего исследования обширна и затрагивает самые различные вопросы, мы предлагаем ее рассмотрение в том порядке, в котором расположен материал в нашей работе, учитывая одновременно ее хронологическую последовательность.

Первую группу рассматриваемых работ составляют исследования, содержащие общую характеристику интересующих нас территорий,

проблемы их народонаселения¹, административно-территориального управления². Необходимо отметить, что в указанной литературе проблема народонаселения рассматривается японскими авторами с точки зрения пресловутой теории перенаселения Японии. Этим самым довольно тенденциозно оправдывается экспансионизм японского империализма. Что касается административного управления и территориального деления, то, по нашему мнению, эти вопросы не получили полного освещения: не указаны некоторые особенности губернаторской власти и территориального деления острова в системе японских колоний.

В трудах японских исследователей наиболее широкое освещение получили проблемы экономической колонизации Южного Сахалина. В одних из них изучаются отдельные отрасли экономики³, в других - экономика в целом⁴. Все эти работы базируются на достаточно полных

¹ Ямасита Рюмон. Карафуте рон. Токио, 1929; Осно Камэо. Каккоку сёкумин си оёби сёкумин ти но кэнкю. Токио, 1939; Якусин Нихон дайкан. Токио, 1937; Хосокава К. Сёкумин си. Токио, 1941; Номэ Кайдзо. Нихон но дзинко то кайдзай. Токио, 1941.

² Карафуте дзити. Тоёхара, 1935; Карафуте дзити хоки сиран. Тоёхара 1937; Син Нихон тиси. Токио, 1937.

³ Карафуте но гёгё. Тоёхара, 1933; Такаока Кумао. Карафуте ногё сёкумин мондай. Саппоро, 1935; Карафуте ринсэй сандзёинэн си. Тоёхара, 1936; Окамото сёити. Гёгё хаттацу си. Токио, 1944; Карафуте но суйсан. Тоёхара, 1945.

⁴ Ямасита Рюмон. Карафуте рон. Токио, 1929, с. 86-151; Одомарино энхаку то дзинбуцу. Одомари, 1921, с. 32-62, с. 104-116, с. 158-161; Дай Нихон такусёку си. Токио, 1934, с. 36-133; Оно Тоун. Карафуте тиси. Токио, 1935, с. 109-169; Карафуте тё сисэй сандзёинэн си. Токио, 1936, с. 311-873; Ямамото Куматаро. Син Нихон тиси. Токио, с. 895-916.

фактических материалах. Однако авторы зачастую не дают анализа приведенных фактов и их выводов. Поскольку эти работы имеют много общего, то целесообразно рассмотреть только некоторые из них.

Так, в 1933 г. в г. Тоёхара (Южно-Сахалинск) вышла книга "Карафутто но гёгё" ("Рыболовство Южного Сахалина"). В ней показано экономическое значение японского рыболовства в водах Южного Сахалина, динамика развития рыболовства: добыча рыбы и морепродуктов, виды промысла, орудия лова и флот и т.д. В книге хорошо отражен сезонный характер сельдяного промысла, но слабо освещена рыбообрабатывающая отрасль промышленности. Основную причину истощения промысловых запасов сельди авторы видят в гидрологическом факторе¹. Это, по нашему мнению, не главное. Истинной причиной такого явления мы считаем хищнические методы японского рыболовства в акватории южной части Сахалина.

В 1934 г. в Японии издана коллективная работа "История колонизации Великой Японии" ("Дай Нихон такусёку си")². В ней содержатся основные экономические показатели и некоторые другие материалы по колониям японской империи. Авторы этой книги с буржуазной объективистской точки зрения рассматривают экономическую деятельность японских колонизаторов на Южном Сахалине. Истощение природных ресурсов острова относят за счет отдельных капиталистов - "недобродетелей". Работа носит описательный характер, без анализа фактов.

В 1935 г. была опубликована монография профессора Хоккайдоского университета Такаока Кумао "Карафутто ногё сёкумин мондай" ("Проблемы сельскохозяйственной колонизации Южного Сахалина")³. Книга заслуживает внимания, так как в ней изложены особенности веде-

¹ Карафутто но гёгё. Тоёхара, 1933, с.158.

² Дай Нихон такусёку си. Токио, 1934.

³ Карафутто ногё сёкумин мондай. Саппоро, 1935.

ния сельского хозяйства в северных условиях. В работе автор выдвигает на примере о. Хоккайдо идеи развития смешанного хозяйства земледелия и животноводства. Он рекомендует обращать больше внимания на селекцию семян и мелиорацию земель как основной фактор развития сельского хозяйства на Южном Сахалине. В своей работе К. Такаока рассматривает также политику переселения сельского населения на Южный Сахалин. Однако, он не дает ее анализ. В монографии приведено много таблиц, что придает документальный характер данной работе.

На наш взгляд, определенный интерес представляет книга "Карафуто ринсэй сандзэнэн си" ("История лесного хозяйства Южного Сахалина за 30 лет"), изданная в 1936 г. губернаторством Южного Сахалина¹. Она насыщена цифровым материалом, но, по нашему мнению, не отражает фактического положения данной отрасли экономики, так как в работе слабо показана хищническая деятельность монополистического капитала Японии в области лесной промышленности на Южном Сахалине.

В 1936 г. в связи с 30-летним юбилеем японского господства в южной части Сахалина был опубликован труд "Карафуто тэ сисэй сандзэнэн си" ("История управления Южным Сахалином за 30 лет"). Книга содержит обильный фактический материал по разным отраслям экономики. Но в работе приводятся только положительные факты и мало освещены отрицательные явления. Так, в разделе рыбной промышленности даны основные показатели по добыче рыбы и морепродуктов, но ничего не сообщается о преждевременном истощении рыбных ресурсов². Рассматривая лесное хозяйство, авторы видят причину истощения лесных запасов лишь в пожарах и уничтожении леса короедами, а не в хищничес-

¹ Карафуто ринсэй сандзэнэн си. Тоёхара, 1936.

² Карафуто тэ сисэй сандзэнэн си. Токио, 1936, с. 327-348.

кой эксплуатации лесов Южного Сахалина¹. В работе обстоятельно освещается строительство путей сообщения, портов и линий связи, а также помещены данные по угольной промышленности. Но авторы монографии не отмечают важное значение транспорта и связи в колонизации и милитаризации острова, а также стратегическое значение южносахалинского угля в системе милитаристской Японии. В разделе сельского хозяйства не показана динамика урожайности сельскохозяйственных культур, что затрудняет выявление полной картины развития данной отрасли хозяйства Южного Сахалина.

В трудах японских авторов получили освещение вопросы социальной и национальной политики правящих кругов Японии на исследуемых территориях². Мы же остановимся на наиболее важных из них.

Монография Ямасита Рэмон "Карафуте рон". Токио, 1929г. ("Рассуждения о Южном Сахалине"), проникнута экспансионистскими и националистическими идеями японского империализма. В работе, в частности, автор выдвигает теорию японской экспансии на "Север"³.

¹ Карафуте тэ сисэй сандзюэн си. Токио, 1936, с. 532-557.

² Ямасита Рэмон. Карафуте рон. Токио, 1929; Такасу Ёсихиро. Нихон ва сэкай о сэйфुकү сэн. Токио, 1931; Араки Садао. Сёва Нихон но симэй. Токио, 1932; Накано Ёсио. Карафуте о катару. Маока, 1933; Дай Нихон такусёку си. Токио, 1934; Сугимото Дзэндзиро. Карафуте гёсэй кайсэй энкаку си. Тоёхара, 1935; Хоти К. Гёмин ундо но кэйка о каэримиру. Тоёхара, 1935; Карафуте тэ сисэй сандзюэн си. Токио, 1936; Наканон Хироси. Карафуте дзинбуцу рон. Токио, 1937; Карафуте додзин. Тоёхара, 1940; Додзин но ханаси. Тоёхара, 1940; Аоки Такэтаро. Нихон номин ундо си. т. 4, Токио, 1959.

³ Автор понимает под "Севером" не только Северный Сахалин, но и весь советский Дальний Восток, Сибирь, Маньчжурию и Монголию.

Суть этой идеи состоит в том, что Японии необходимо решить проблемы перенаселения, продовольствия и сырьевых ресурсов за счет "Севера" путем "экономической войны"¹. Автор книги защищает националистическую политику правящих кругов страны и выдвигает конкретные планы и методы осуществления этой "войны" путем максимального использования резервов "дешевой рабочей силы" колониальных территорий Японии. В частности, он считает необходимым организовать эмиграцию корейцев и китайцев на советский Дальний Восток, в Сибирь, Маньчжурию и Монголию². При этом опорными базами должны стать Корея и Южный Сахалин. Ямасита Рюмон предлагает осуществлять дифференцированную эмиграцию: японцев на Северный Сахалин, корейцев в Маньчжурию и Монголию, китайцев и маньчжуров в Сибирь.

Он целиком и полностью поддерживает националистическую линию правительства по ограничению переселения корейцев в японскую метрополию, в том числе и на Южный Сахалин, якобы опасаясь роста безработицы среди японских рабочих и появления неблагонадежных корейских рабочих в случае разрешения им свободного переселения.

Автор "Рассуждения о Южном Сахалине" поучает японский империализм применять методы экономической экспансии на основе националистической политики по отношению к корейцам и китайцам, считая их низшей расой, которая должна заниматься только физическим трудом ради превосходящей ее расы "ямато".

С буржуазной объективистской точки зрения написаны Накано Ёсио очерки "Карафуту о катару" ("Рассказы о Южном Сахалине"), вы

¹ Автор понимает под "Севером" не только Северный Сахалин, но и весь советский Дальний Восток, Сибирь, Маньчжурию и Монголию.

² Там же, с. 184.

шедшие в свет в 1933 г.¹. В них рассматривается социальная политика колониальных властей Японии на Олном Сахалине. Автор очевидец событий, наблюдал их и слышал рассказы, свидетельствующие о негативных сторонах жизни населения.

Автор объективно пишет о том, что богатые природные ресурсы нещадно расхищались монополистическим капиталом и другими предпринимателями. Однако он считает это не следствием колониальной экономической политики Японии, а следствием безответственности местных властей и коорупции крупного капитала². В монографии лишь затронут вопрос тяжелой жизни олно-сахалинских крестьян. Материальное положение рабочих отражено, по нашему мнению, неверно, хотя автор ссылается на тот факт, что на острове рабочие получали более высокую заработную плату по сравнению с другими колониями и самой метрополией. Такое утверждение автора книги мы считаем ошибочным, так как товары первой необходимости на острове стоили примерно в полтора раза дороже, чем в метрополии. Описана критически система "такобэя" (см. главу II, § I). Накано сочувствует рабочим, попавшим в положение рабов, приводит различные факты жестокого насилия со стороны хозяев "такобэя" над "тако". В заключении своего раздела о "такобэя" он пишет: "Эта система (такобэя - Л.Б.) носила бесчеловечную форму эксплуатации рабочих. Ее существование не уместно в Японии XX в."³.

Социальная политика японского империализма в колониях получила отражение в монографии "Карафутто гёсэй кайсэй энкаку си" ("История рыбопромышленного дела Олногo Сахалина")⁴, вышедшей в

¹ Накано Ёсио. Карафутто о катару. Маока, 1933.

² Там же, с. 67.

³ Там же, с. 45.

⁴ Сугимото Дзэндзиро. Карафутто гёсэй энкаку си. Тоёхара, 1935.

1935 г. Эта работа посвящена борьбе рабочих рыбной промышленности южной части острова за свои жизненные права. В ней показаны формы угнетения и дискриминации массы рядовых рыбаков. В монографии освещается демократическое движение рабочих-рыбаков, но не указаны его этапы. Автор книги Сугимото Дзэндзиро видит причины его поражения только в аресте руководителей движения и их соглашательской тактике. Классовая ограниченность не позволила ему подняться до признания необходимости сплочения рабочих и организации партийного руководства их работой. Мы считаем, что, несмотря на известную политическую незрелость автора, в целом эта работа написана под влиянием идей марксизма-ленинизма и пролетарской революции в России, и может быть оценена положительно.

Оригинальна монография Пак Ген Сик "Тёсэндзин кёсэй рэнко но кироку" ("Документы о насильственной мобилизации корейцев") (1968 г.)¹. В отличие от других монографий, в ней приведены многочисленные документы полицейских управлений и других властей Японии. Автор показывает трагическую судьбу корейцев в годы японского господства в Корее, насильственно переселенных со своей Родины в различные районы Японии и ее колонии в качестве дешевой рабочей силы. В монографии получила отражение тяжелая подневольная жизнь южно-сахалинских и курильских корейцев-рабочих², наглядно показана тяжелая жизнь земельно-строительных рабочих этих островов. Автор документально разоблачает националистическую политику японского империализма по отношению к корейцам.

Большое количество статей по политике, экономике и идеологии мы находим в "Карафутё тёхо" ("Вестник губернаторства Южного

¹ Пак Ген Сик. Тёсэндзин кёсэй рэнко но кироку. Токио, 1968.

² Пак Ген Сик. Указ. соч., с. с. 41, 83, 96, 187.

Сахалина")¹ и в "Карафутто дзихо" ("Бюллетень Южного Сахалина")², которые были написаны в основном ответственными чиновниками официальных властей острова. Эти статьи отражают основную линию колониальной политики японского империализма в южной части Сахалина.

В журнале "Карафутто" ("Южный Сахалин") имеются критические статьи в адрес отдельных чиновников и учреждений, которые помещались под рубрикой "Южно-сахалинская сатира"³, "Весенняя и осенняя сатира"⁴ и другие⁵. Однако, после 1937 г. из-за усиления цензуры статьи критического характера встречаются крайне редко. В целом публикации этого журнала носили, по сравнению с другими сахалинскими периодическими изданиями, демократический характер. Об этом говорят, в частности, статьи о "такобэя".

Таким образом, в большинстве работ японских авторов исторический процесс развития Южного Сахалина и Курильских островов в годы японского господства показан тенденциозно, с позиции буржуазного объективизма.

Источниковедческой базой данной работы являлись различного рода неопубликованные и опубликованные источники и справочные материалы. К их числу относятся: 1) архивные фонды Государственного архива Сахалинской области; 2) стенограммы выступлений на сессии

¹ Ж. Карафутто тёхо. Тоёхара, 1919, № 5. 1938, № 8, 1935.

² Ж. Карафутто дзихо. Тоёхара, № 4, 1939, № 1, 1941, № 4, 1942.

³ Ж. Карафутто. Тоёхара, № 7. 1932, с. 58-61. № 6, 1938, с. 63-75. № 8, 1936, с. 82-87.

⁴ Ж. Карафутто. Тоёхара. № 4. 1936, с. 96.

⁵ Ж. Карафутто. Тоёхара. № 8, 1936, с. 82-87; № 6. 1938, с. 58-61.

⁶ Ж. Карафутто. Тоёхара. № 3. 1936, с. 80-86.

японского парламента по делам колоний; 3) статистические сборники губернаторства Южного Сахалина; 4) сборники документов; 5) ежегодники; 6) справочники губернаторства Южного Сахалина, справочники по делам колоний и другие справочники; 7) известия Восточного института (Владивосток), периодические журналы, вестники губернаторства Южного Сахалина и газеты, а также беседы со старожилами и личные наблюдения. Каждый из этих видов материалов имеет свои особенности, которые автор учитывал при работе над ними.

Среди неопубликованных источников весьма ценными являются материалы управления полиции Южного Сахалина Государственного архива Сахалинской области (ГАСО)¹, где хранились донесения о наблюдении полицейских властей за корейцами и другими лицами неяпонской национальности². Они в какой-то степени отражают картину антияпонского движения на Южном Сахалине. Здесь же содержатся указания губернаторов Южного Сахалина за 1926-1944 гг.³ по важнейшим вопросам полицейской работы общего характера. Они дают возможность представить политическую обстановку, демократическое движение и подпольную коммунистическую работу на острове. В архиве обнаружены материалы о деятельности акционерной компании целлюлозно-бумажной промышленности "Одзи сэйси" и материалы по характеристике шахт и численности горняков⁴. Вместе с тем, следует указать, что в фондах ГАСО материалов по нашей теме недостаточно, полностью отсутствуют данные по Курильским островам. Имеющиеся сведения отрывочны и разрознены по годам, т.к. в 1945 г. большинство фондов было уничтоже-

¹ ГАСО. ф. I и-с, оп. I с. д. д. 9, 10, 19, 23, 24, 46, II 4, 152.

² ГАСО. ф. I и-с, оп. I с, д. д. 19, II 3, 24, 46.

³ ГАСО. ф. I и-с, оп. I с, д. д. 9, 19, 23, 10.

⁴ ГАСО. ф. I и-с, оп. I с, д. 152.

но или вывезено японцами.

Основные данные для написания настоящей работы взяты нами из опубликованных японских источников: статистических сборников, сборников документов, стенограмм выступлений государственных чиновников, справочных материалов и т. д., которые сохранились в библиотеках Сахалинского комплексного научно-исследовательского института, Дальневосточного научного центра (г. Владивосток), в Государственной библиотеке им. В.И.Ленина в г. Москве, в библиотеках института востоковедения (г.г. Москва и Ленинград), иностранной литературы, в Государственной публичной исторической библиотеке и т. д.

Оригинальными источниками по теме являются опубликованные стенограммы выступлений на сессии японского парламента по делам колоний¹. В них помещены выступления министров, членов правительственного комитета и других лиц в виде ответов на вопросы по различным проблемам колоний, в том числе Южного Сахалина. Эти материалы особенно ценны для исследователя тем, что в них содержатся данные для служебного пользования, которых нет в других официальных документах.

К числу наиболее важных опубликованных источников относятся "Карафуто тэ токэйсё" ("Статистический сборник губернаторства Южного Сахалина")², издававшийся ежегодно губернаторством острова. В нем содержатся основные статистические данные по Южному Сахалину. Сборник состоит из 18 разделов, в том числе 9 посвящены экономике, остальные - проблемам населения, полиции, гигиены, законодательного права, финансов и т. д. Особенно полно отражена эконо-

¹ Тэйкоку гикай такуму гидзи сёроку. Токио, за 1934, 1935, 1940 гг.

² Карафуто тэ токэйсё. Тоёхара. за 1928, 1931, 1933, 1935, 1937, 1939, 1940, 1941 гг.

мика. Например, аграрная статистика дает подробные данные по производству всех видов сельскохозяйственных культур, размерам земельной площади, урожаю и его стоимости, количеству скота по видам, указывает общее количество крестьянских хозяйств и сельского населения. По такому же принципу даются статистические сведения по другим отраслям хозяйства. Второй раздел статистического сборника содержит сведения о населении. Однако здесь не показаны виды занятий населения по отраслям, кроме сельского и рыбного хозяйства. Не показана и социальная структура населения, что характерно для буржуазной статистики в целом. В сборниках хорошо отражена динамика численности населения острова, даны сведения об аборигенах и других народах без указания смертности населения.

К следующей группе источников можно отнести сборники документов. Сюда относится "Карафутто сёкумин но энкаку" ("Развитие колонизации Южного Сахалина")¹. В них, наряду с другими документальными материалами, для нас большой интерес представляют данные по сельскому хозяйству: законодательство о землепользовании и переселении крестьян на Южный Сахалин; указы губернаторов о льготах и помощи переселенцам, об аренде земель и скота.

К этой же категории источников относится "Карафутто такусёку но дзэнбо" ("Обзор плана колонизации Южного Сахалина")². Материалы представлены документами обзорного характера: приведены перспективные планы на 15 лет (1934-1948 гг.) в области развития экономики Южного Сахалина.

Важным материалом для исследования социального положения населения являются данные бесед, проведенных автором со старожилами этого региона.

¹ Карафутто сёкумин но энкаку. Тоёхара, 1929.

² Карафутто такусёку но дзэнбо. Токио, 1934.

Большую ценность для исследования данной темы представляют различные ежегодники. К их числу относятся "Карафутто нэнкан" ("Ежегодники по Южному Сахалину")¹, "Хоккайдо Карафутто нэнкан" ("Ежегодники по Хоккайдо и Южному Сахалину")², "Хоккайдо нэнкан" ("Ежегодники по Хоккайдо")³, "Хоккай таймс нэнкан" ("Ежегодники Хоккайдо таймс")⁴, "Кокумин нэнкан" ("Национальный ежегодник")⁵. По структуре "Ежегодники по Южному Сахалину" почти идентичны "Справочникам по Южному Сахалину". Но в первых показаны такие разделы, как обзор печати, спорт, которых нет в справочниках и статистических сборниках. Остальные ежегодники также отражают различные данные о Южном Сахалине, только в меньшем объеме.

Далее следует указать ежегодники на английском языке: "The Japan year book" ("Ежегодник по Японии")⁶, "The orient year book" ("Ежегодник по странам Востока")⁷, из которых использованы данные по экономике Южного Сахалина.

Одним из основных справочных материалов являются "Кара-

¹ Карафутто нэнкан. Тоёхара, за 1934, 1935, 1936, 1937, 1938, 1939, 1940 гг.

² Хоккайдо Карафутто нэнкан. Огару, за 1934, 1935, 1936, 1940, 1941 гг.

³ Хоккайдо нэнкан. Саппоро, 1940.

⁴ Хоккай таймс нэнкан. Саппоро, 1938, 1939.

⁵ Кокумин нэнкан. Токио, 1938.

⁶ The Japan year book. Токуе, 1907, 1908-1909, 1911, 1936, 1938 гг.

⁷ The orient year book. Токуе, 1943.

фүто ёран" ("Справочники по Южному Сахалину")¹, ежегодно издававшиеся губернаторством. Это официальные книги губернаторства, выпущенные для служебного пользования. Здесь имеются почти те же сведения, что и в статистических сборниках. Однако эти справочники отличаются тем, что в них дается общий обзор по каждому разделу.

К рассматриваемой категории справочных материалов относятся "Такуму ёран" ("Справочники по делам колоний")², ежегодно издававшиеся министерством по делам колоний Японии. Здесь содержатся основные политические, экономические и другие данные по японским колониям, в том числе и по Южному Сахалину.

К следующей группе справочных материалов относятся периодические издания: вестник³, отраслевые экономические журналы⁴, газеты⁵ и другие⁶. Из перечисленных "Вестники губернаторства Южного

¹ Карафүто ёран. Тоёхара, 1914, 1917, 1919, 1924, 1928, 1930, 1931, 1934, 1935, 1936, 1937, 1939, 1941, 1942 гг. Примечание: "Карафүто ёран" издавались еще другими названиями: "Карафүто тёдзи иппан", "Карафүто тёдзи ёран".

² Такуму ёран. Токио, 1938, 1939 гг.

³ Ж. Карафүто тёхо. Тоёхара, 1919, 1935-1938.

⁴ Ж. Суйсан. Токио, 1913, 1924, 1927, 1935; Ж. Суйсан кай. Токио, 1931, 1940; Ж. Дай Нихон суйсан кайхо. Токио, 1910; Ж. Карафүто когё кайси. Тоёхара, 1939, 1943.

⁵ Советский Сахалин. Южно-Сахалинск, 1945-1948; Газ. Синсэймэй. Южно-Сахалинск, 1947 (на японском языке); Тёсон родондя (Корейские рабочие). Южно-Сахалинск, 1949-1965. (на корейском языке); Ленин и гилло (По Ленинскому пути). Южно-Сахалинск. 1966-1975 (на корейском языке).

⁶ Сёва ёнан си. Сёва гонэн си. Сёва кюэнэн си. Токио, 1929, 1930, 1931

Сахалина" являются официальными изданиями, в которых помещались указы и постановления губернаторов.

Наряду с перечисленными материалами, автор использовал географические карты Южного Сахалина и Сахалинской области, изданные в Японии и Советском Союзе. На основе этих карт нами был составлен перечень сравнительных географических названий, которые использовались в данной работе.

В целом, имеющиеся в нашем распоряжении литературные материалы и исторические исследования, архивные фонды и опубликованные источники содержат достаточное количество данных, чтобы правильно осмыслить и объективно показать историю развития экономики, социальную и национальную политику правящих кругов Японии на Южном Сахалине и Курильских островах в годы японского господства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЮЖНЫМ САХАЛИНОМ И КУРИЛЬСКИМИ ОСТРОВАМИ

§ I. Формирование населения

В древности о. Сахалин был населен аборигенами, родственными племенами нивхов и других народностей, населяющих русский Дальний Восток¹. К моменту японской оккупации Южный Сахалин был населен русскими и представителями различных небольших народностей. Наиболее многочисленной народностью юга острова были айны. Другие аборигены были крайне малочисленны и их представляли в основном нивхи и ороки. Еще в XIX в. все эти народности находились на стадии разложения родового строя. Более развитыми были айны и нивхи, которые вели оседлый образ жизни.

По данным статистики, в 1906 г. общее количество аборигенов составляло 2600 чел., в том числе айнов около 2300, нивхов и ороков — по 134 чел.². Кроме них, на юге острова жили небольшие группы киленов (нанайцев), мангунов (ульчей) и якутов. Всего их насчитывалось около 25 чел. Все аборигены, за исключением айнов, селились на северо-восточном побережье южной части Сахалина. Они занимались охотой, рыболовством и оленеводством. Айны жили по всей южной части острова, основным занятием их было рыболовство и охота.

На Южном Сахалине проживало немалочисленное русское население. Его численность в 1905 г., по неполным данным, составляла свыше 5 тыс. чел. (не включая военных)³. Население занималось земледе-

¹ Козырева Р. В. Древний Сахалин. Л., 1967, с. 109-118.

² Тайсё саннэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1914, с. 37-38.

³ Русско-японская война. 1904-1905. Том IX. С. П. Б., 1910, с. 133.

лием и скотоводством. Формировались по тому времени довольно большие селения, как Владимировка, на базе которого основывался японский город Тоёхара, Соловьевка, Ближний, Троицкое и т. д. Однако с захватом Японией южной части острова в 1905 г. большинство русского населения было вывезено на материк. Это являлось, по существу, насильственным выселением. Об этом свидетельствует заявление японских оккупационных властей, в котором говорилось, что в случае невъезда с японской части острова "оставшиеся будут обожжены пожать"¹. Вследствие чего в 1906 г. на Южном Сахалине осталось 264 чел. В последующие годы численность русских из года в год уменьшалась, и в 1940 г. она составляла около 140 чел.¹.

Что касается японского населения, то следует отметить, что до 1875 г., когда по Петербургскому договору о Сахалине официально был признан Японией владением России, на южной части острова не было постоянных жителей из числа японцев. Японские рыбаки весной приезжали с о. Хоккайдо и северной части Хонсю, а летом или осенью возвращались обратно. То же самое происходило и в последующий период - 1875-1905 гг., когда японские рыбаки занимались рыболовством в водах Сахалина по разрешению русских властей. Отсутствие в то время постоянного японского населения признают и власти Японии. В официальной книге губернаторства Южного Сахалина "История управления Южным Сахалином за 30 лет" говорится: "... (на южной части Сахалина - Л.Б.) были лишь сезонные рыбаки, еще (до 1905г. - Л.Б.) не было постоянных жителей из числа японцев"³.

¹ Русско-японская война. 1904-1905. Том IX. С. П. Б., 1910, с. 133.

² Сёва дзюрокунэн Карафуто тё токэйсё. Тоёхара, 1943, с. 26.

³ Карафуто тё сисэй сандзюнэн си. Тоёхара, 1936, с. 86.

Особенность Южного Сахалина, как колонии, заключалась в том, что эта территория имела малочисленное коренное население, которое не могло обеспечить рабочей силой колонизацию данной территории. В силу этого, сюда "привозилась" рабочая сила из числа японцев, частично, - корейцев. Правящие круги страны проводили организованное переселение рабочих и крестьян на остров. В этом отличие Южного Сахалина от Кореи и Тайваня, где потребность в рабочей силе для растущей капиталистической промышленности и сельского хозяйства удовлетворялась за счет трудовых ресурсов местного населения.

Организованное переселение преследовало далеко идущие цели: превращение Южного Сахалина и Курильских островов в экономический придаток и сырьевую базу на границе с Россией; превращение этих районов в плацдарм для дальнейшей экспансии на Северный Сахалин, Камчатку и материк русского Дальнего Востока. Японские империалисты стремились как можно быстрее привлечь на эти земли большую массу рабочих и крестьян для колонизации названных территорий и дальнейшей экспансии. Об этом свидетельствует официальная книга "Развитие колонизации Южного Сахалина", вышедшая губернаторством острова. В ней говорится: "С колонизацией Южного Сахалина нельзя медлить ни одного дня. То, что наш народ с пониманием отнесется к освоению земель Южного Сахалина на государственной границе и приобретет для этого соответствующие навыки, является первым шагом для дальнейшей колонизации материка, расположенного через пролив (Татарский - Л.Б.)^I.

Поэтому уже в первые годы японского господства официальные власти развернули широкие агитационные мероприятия с целью переселения своих граждан на влную часть Сахалина. Газеты и журналы про-

^I Карадзито такусёку но энкаку. Токио, 1929, с. 97.

пагандировали необходимость заселения земли, "завоеванной кровью нации "ямато" в японо-русской войне", возбуждая у населения анти-русские и экспансионистские настроения. Создавались переселенческие бюро на Хоккайдо, в районах Северного Хонсю, а затем и в других префектурах страны. Таким образом, переселение японских граждан в новую колонию проводилось в масштабах всего государства.

Осуществляя идеологическую обработку населения методами пропагандистского воздействия, правящие круги Японии издавали и ряд законов, которые поощряли переселение. Законодательные акты давали известные привилегии переселенцам для ведения сельского хозяйства. Так, к важным законам, регулирующим отношения между местной администрацией и переселенцами, относятся указы губернаторства Южного Сахалина. В апреле 1907 г. были изданы "Правила об аренде государственных земель"^I. Они гарантировали получение участка для постройки жилища в размере 1000 цубо (цубо = 3,305 кв.м.), для занятий земледелием - 30000 цубо и под пастбища - 50 000 цубо. В последующие годы эти "Правила" изменялись и дополнялись в зависимости от притока переселенцев и потребности в рабочей силе.

Законы также предусматривали привлечение рабочих и в промышленность. Переселение рабочих и служащих для различных ее отраслей проводилось заинтересованными фирмами на основе "Правил о вербовке рабочих", изданных местными властями острова. В 1907 г. "Правила" предоставили право фирмам возможность вербовать людей по договорам. Обычно завербованные получали аванс на проезд и питание, который они должны были возместить к определенному сроку.

Несмотря на предоставление таких льгот, к 1920 году население увеличилось незначительно: оно составляло около 89 тыс.чел.,

^I Карафута сёкумин но энкаку. Токио, 1929, с. 61-65.

в том числе 510 корейцев¹. Среди переселенцев было немало сезонных рабочих. Это связано с тем, что условия жизни на новом месте были трудными в силу не привычных для японцев природно-климатических и социально-бытовых условий. С другой стороны, в эти годы на острове еще не было, за исключением рыбной промышленности, ни одной отрасли хозяйства, способной поглотить большое число рабочих.

Однако в связи с усиленным проникновением промышленного капитала в лесную, целлюлозно-бумажную промышленность и транспорт, начиная с 20-х годов на Южном Сахалине отмечалось заметное увеличение населения. Так, в 1925 г. общая численность населения достигла 190 тыс. чел.². В последующие годы население Южного Сахалина продолжало расти и только в середине 30-х годов и в 1941 г. отмечалось незначительное уменьшение его численности в связи с возвращением некоторой части населения в метрополию, вызванным обострением международной обстановки в Восточной Азии и в бассейне Тихого океана. По сравнению с 1925 г. население южной части Сахалина увеличилось в 1940 г. немногим более чем в 2 раза³, а в 1945 г. - в 2,3 раза⁴. Среднегодовой прирост населения за период 1925-1940 гг. составлял в среднем 15 тыс. чел.

На Южном Сахалине рождаемость была сравнительно низкая. Она уступала таким колониям, как Тайвань и Корея, не говоря уже о метрополии. Так, по данным 1930 г., в метрополии естественный прирост

¹ Карафута тэдзи ишан. Саппоро, 1924, с. 53, 62-63, 69-70, 74-83.

² Сэва гонэн Карафута ёран. Тоёхара, 1930, с. 38.

³ Сэва дзирокунэн Карафута тэ токэйсэ. Тоёхара, 1943, с. 24.

⁴ Там же. с. 24; АСГУ. Основной фонд № 3786. История геологического изучения угольных месторождений о. Сахалин. Южно-Сахалинск, 1970, с. 3.

населения составлял 32,4 чел. на каждую тысячу чел.¹, тогда как на Южном Сахалине - 18,05 чел.². Следует отметить, что в северной колонии была низкая смертность по сравнению с самой Японией и ее остальными колониями. Это связано с тем, что среди населения южной части Сахалина число стариков и грудных детей было сравнительно невелико; преобладали люди молодого и среднего возраста.

Теперь рассмотрим уровень плотности населения. По данным 1935 г., плотность населения в японской империи (включая колонии) составляла 97 чел. на кв. км.³. Однако Южный Сахалин по этому показателю занимал последнее место. Здесь плотность населения составляла 9 чел. тогда как в Корее - 104 чел., на Тайване - 145 чел., в собственной Японии - 181 чел. на кв. км.⁴

Размещение и плотность населения по районам была тесно связана с развитием экономики и территориальным размещением промышленности на острове. В уездах Тоёхара (Южно-Сахалинском), Одомари (Корсаковском) и Отнай (Долинском) наблюдалась наибольшая концентрация населения. Это объясняется тем, что экономическое освоение начиналось с южных, наиболее доступных для колонизации районов, а затем постепенно продвигалось на север. Со второй половины 30-х годов в связи с развитием в центральных и северных районах угольной промышленности и сельского хозяйства картина распределения населения по районам резко изменилась. Уже в 1941 г. ведущее место по численности занимал уезд Эсутору (Углегорский), в котором было сосредоточено около 100 тыс. чел.⁵. Население увеличилось также в

¹ Нома Кайдзо. Нихон но дзинко то кайдзай. Токио, 1941, с. 362.

² Сёва дзинэн. Карафуто нэнкан. Сясука, 1935, с. 12.

³ Нома Кайдзо. Указ. соч., с. 53.

⁴ Там же. с. 53.

⁵ Сёва дзирокунэн Карафуто тё токайсё. Тоёхара, 1943, с. 20-21.

уездах Томариору (Томаринском) и Сисука (Поронайском), тогда как в южных уездах в последние годы японского господства не наблюдалось значительного роста населения.

В основном население было сосредоточено в городах, являвшихся промышленными и административными центрами острова. В начале 40-х годов насчитывалось 15 городов с населением свыше 10 тыс. чел. Среди них ведущее место по числу жителей занимали г. Тоёхара (40 тыс., около 10% от общего количества населения острова) и Маока (43 тыс.)¹. Данные губернаторства свидетельствуют о том, что основную массу жителей южной части острова составляли выходцы с о. Хоккайдо, Северного Хонсю, причем первые преобладали. Они составляли около половины всех переселенцев², хотя эти районы по плотности населения всегда стояли на последнем месте в Японии. Преобладание выходцев с Хоккайдо и Северного Хонсю на Южном Сахалине объясняется географической близостью этих районов к Сахалину, сходством природно-климатических условий.

По национальному признаку население южных районов Сахалина распределялось следующим образом: японцы (94,5% в 1940 г.), корейцы - (около 3,8%). Весьма незначительную группу составляли аборигены и другие национальности (1,7%)³. Но в 1945 г. это соотношение несколько изменилось в связи с резким увеличением корейского населения, которое к этому времени составляло примерно 8%.

Отсутствие данных о классовом составе населения южной части о. Сахалина не дает возможности представить его социальную структуру. Мы располагаем лишь данными о распределении населения по отраслям

¹ Сёва дэрокунэн Карафуто тё токэйсё. Тоёхара, 1943, с. 24-25.

² Там же, с. 24.

³ Там же, с. 22-23.

и роду занятий. Но и эти сведения японская статистика дает в общем, не разделяя на конкретные профессии. Кроме того, надо учесть, что в данной статистике показатели по лесной промышленности включены в сельское хозяйство, по целлюлозно-бумажной, пищевой и другим отраслям хозяйства - в легкую промышленность.

В таблице 2 приведены сравнительные данные за 1930 и 1940 гг. Судя по ним, резкое увеличение самодеятельного населения отмечалось в угольной промышленности: в 1940 г. - около 7% от общего количества самодеятельного населения острова против 0,9% в 1930 г. Также заметно увеличилось население, занятое в транспорте (2,6% против 1,4%) и в легкой промышленности (7,1% против 4,8%). Возросла численность самодеятельного населения и в сельском хозяйстве (включая лесную промышленность), где сосредоточилось 10,6% против 9,2% самодеятельного населения. Здесь следует отметить, что в 1940 г. доля рабочих, крестьян и служащих, занятых в лесной промышленности, составила около 4% от общего числа самодеятельного населения (см. табл. 2).

Однако рыбная промышленность, которая до начала 20-х годов была ведущей по числу занятых в ней рабочих, в 1930 г. занимала лишь четвертое место. К 1940 г. доля рабочих в этой отрасли упала еще ниже, составив 3,6% против 4,4%. Снизилась занятость самодеятельного населения и в торговле (6,5% против 8%). В рассматриваемый нами период, численность служащих государственного аппарата и различных учреждений, а также лиц, свободных профессий оставалась почти на одинаковом уровне, составляя около 3 - 3,1%. К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, какие группы населения и профессии учитывались в категории, выделенной в статистике в категорию других профессий. Доля этой части самодеятельного населения высока: в 1930 г. 9,4%, в 1940 г. 4,5% от общего количества населения. Надо полагать, что к этой категории относились в основном земельно-строи-

тельные рабочие, поскольку в статистике они отдельно не выделены.

Безработные составляли примерно 1% населения, и их численность оставалась в рассматриваемый период на одном уровне. Сравнительно низкое число безработных объясняется тем, что на Южном Сахалине постоянно наблюдалась нехватка рабочей силы. Сюда обычно приезжали люди на временные заработки. Что касается несамодеятельного населения (дети, старики, домохозяйки, больные и др.), то оно составляло 56,9% в 1930 г., 54,1% в 1940 г. Как видно из этих цифр, в 1930-1940 гг. наблюдалось большое сокращение несамодеятельного населения, что объясняется усиленным поглощением в условиях военного времени некоторой части людей данной категории в качестве рабочей силы.

Таким образом, как видно из таблицы 2, в последние годы японского господства наибольшая часть самодеятельного населения была занята в угольной и легкой промышленности (в производстве целлюлозы, бумаги и др.), в сельском хозяйстве (включая лесную промышленность) и торговле. Хотя мы не имеем статистических данных за 1942-1945 гг., косвенные материалы свидетельствуют о большом увеличении числа горнорабочих в годы второй мировой войны, в связи с возросшей милитаризацией страны.

Курильские острова в прошлом были населены айнами, являвшимися аборигенами и проживавшими на всех этих островах. Общая численность айнского населения Курильской гряды в предшествующие годы нам неизвестна. Следует отметить, что на острове Кунасиру во время подавления японскими самураями крупного восстания айнов (1789 г.), направленного против японского вторжения и насилия, почти все айнское население было уничтожено^I. В то время только на о. Кунасиру

^I Сиракина Гэндзо. Айну. Токио, 1957, с. 185.

проживало несколько сотен айнов.

Численность айнов, проживавших на Северных Курильских островах, в 1879 г. составляла около 100 чел.¹. Эти айны имели тесную связь с русскими еще в ХУП в., когда они осваивали острова Курильской гряды. Айны были русскими подданными, говорили по-русски и носили русские фамилии и имена². Эти люди следовали русским обычаям и многие приняли православную веру. Их дети учились русской грамоте

Однако, в отличие от периода правления Россией, в годы японского господства на Курильских островах положение айнского населения диаметрально изменилось. Так, в 1885 г. под предлогом "русской опасности" айны Северных Курильских островов были насильно вывезены на о. Сикотан, расположенный рядом с Хоккайдо. Японские завоеватели боялись, что симпатии айнов к русским, приведут к добровольному переходу их на сторону России. Переселенцы жили в ужасных антисанитарных условиях и работали на наиболее трудных и грязных участках рыбных промыслов. В результате уже в 1891 г. на этом острове осталось только два айна из тех, которые переселились с северных островов Курилы³.

С развитием японского пушного и рыбного промысла на Курильских островах постепенно увеличивалось население, в 1904 г. оно составляло 2115 чел.⁴. Так, включая айнов, переселенных с Хоккайдо на Ожные Курильские острова, сравнительно заметный рост населения наблюдался примерно с момента русско-японской войны и он продолжал-

¹ Кюдодзин идзю косэки хо. Б.М., Б.Д.

² Там же.

³ Позднеев Д. Материалы по истории северной Японии и ее отношений к матерку Азии и России. т.2, ч.2, Иоксхама, 1909, с.25.

⁴ Хоккай таймс нэнкан. Саппоро, 1938, с.97.

ся за счет японских переселенцев. В 1913 г. число жителей Курил составляло около 6 тыс. чел., в том числе айнов 620 чел.¹. В это же время на о. Иторупу (Итуруп), наиболее населенном из всех островов Курильской гряды, проживало свыше 2400 чел.².

Со второй половины 30-х годов в связи с усилением милитаризации и колонизации Курильских островов происходил быстрый рост населения. По японским данным, в 1934 г. общая численность жителей этих островов составляла 15 тыс. чел., в том числе айнов 490 чел.³. В годы империалистической войны на Тихом океане население Курил резко увеличилось в основном за счет земельно-строительных рабочих, занятых на военных объектах.

На Курильских островах в силу климатических, географических и экономических условий численное распределение населения было неравномерно. В то время, как на южных островах наблюдалась высокая концентрация населения, на северных островах проживало незначительное число поселенцев, а в среднем звене гряды их было и того меньше.

По национальному составу японцы преобладали абсолютно. В годы второй мировой войны на островах проживало около 5 тыс. корейцев, насильственно мобилизованных из Кореи на строительство военных объектов⁴. В это же время здесь было большое количество китайцев - военнопленных. Плотность населения была крайне низка. По нашим подсчетам, в 1934 г. она составляла 1 чел. на 1 кв. км, тогда как на

¹ Соловьев А. И. Курильские острова. М.-Л., 1947, с. 58.

² Там же, с. 58.

³ Хоккай таймс нэнкан. Саппоро, 1938, с. 97.

⁴ Пак Ген Сик. Указ. соч., с. 50.

Южном Сахалине - 8,32 чел., а в собственно Японии достигала 169 чел.¹

Что касается распределения населения по отраслям экономики и роду занятий, то оно было занято в основном в рыболовстве, добыче морского зверя и обработке продукции этих промыслов. Наибольшая часть населения была занята в сельском хозяйстве и в лесной промышленности на разработке и добыче серы и других полезных ископаемых. Следует указать, что в годы империалистической войны на Тихом океане большое число рабочих было занято в строительстве портов, дорог, военных объектов.

Таким образом, в последние годы японского господства на Южном Сахалине, особенно на Курильских островах, проживало малочисленное население. Японские идеологи-сторонники пресловутой "теории продвижения на Юг" утверждали, что японцы будто не приспособлены к природно-климатическим условиям Севера. Однако такое утверждение противоречит широко пропагандировавшейся самими официальными кругами страны накануне и в годы агрессивных войн "теории перенаселения", что свидетельствует об экспансионистском характере этой "теории".

§ 2 Административно-территориальное управление

В начале XX в. Япония вступила в стадию империализма. Она стала одной из ведущих колониальных держав мира. В состав японских колоний входили Тайвань, Корея, Южный Сахалин, Ляодунский полуостров, острова Южных морей, территория которых составляла около 300 тыс. кв. км с населением примерно 30 млн. чел.², которое находилось под гнетом японского империализма.

Характеризуя Японию как одного из мировых могущественных хищников, В. И. Ленин писал: "Капитализм перерос во всемирную сис-

¹ Сёва дзюнэн Карафутто нэнкан. Сисука, 1935, с.17.

² Сёва дзюгонэн такуму ёран. Токио, 1940, с.с.13-17, 27-30.

тому колониального угнетения и финансового удушения горстью "передовых" стран гигантского большинства населения земли"¹.

На территориях японских колоний была введена так называемая система колоний. С формированием гражданских властей на южной части Сахалина была установлена колониальная система управления, которая определяла основные направления развития этой колонии как в политическом, так экономическом и военном отношениях. Однако в годы оккупации, в 1905 г., в Одомари было создано военное губернаторство, во главе которого стоял генерал-губернатор. В функции генерал-губернатора входили все военные и гражданские административные дела, в том числе законодательные и юридические. Однако, фактически гражданскими делами занимался его заместитель - чиновник при гражданском административном управлении, подчиненном военному губернаторству.

На Южном Сахалине система военного губернаторства существовала недолго, так как Портсмутский мирный договор вынудил Японию "демилитаризовать" остров². Поэтому в 1907 г. был отменен институт военного губернатора. Однако вопреки этому договору и официальному упразднению военного управления, Япония продолжала держать здесь

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.27, с.305.

² В статье 9 этого договора говорится: "Россия и Япония взаимно соглашаются не возводить в своих владениях на острове Сахалине и на прилегающих к нему островах никаких укреплений, ни подобных военных сооружений". См.Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). М., 1927, с.167.

свои войска, возводить укрепления и т. д. На Южном Сахалине сначала дислоцировался полк, затем два. В период Николаевского инцидента 1920 г., спровоцированного японской военщиной, и в ходе японской интервенции на Северном Сахалине численность войск в южной части острова увеличилась. В годы второй мировой войны на Южном Сахалине дислоцировалась 88-ая пехотная дивизия, состоявшая из 125-го и 306-го пехотных полков, 88-го артиллерийского полка и подразделений усиления. В общей сложности насчитывалось 20 тыс. солдат и офицеров и около 10 тыс. резервистов¹. Японские милитаристы, готовившиеся к войне против СССР, возвели мощные укрепления. На границе, в районе Харамитогэ, они создали укрепленный район, в котором находилось 198 дзетов, 87 железобетонных дотов и 24 наблюдательных пункта². Кроме того, были построены военные аэродромы в Тоёхара, Отани (Сокол), Хигаси-Сисука (Леонидово), Одэмари и Торо (Шахтерск).

С упразднением военного губернаторства, 1 апреля 1907 г., по императорскому указу № 4 было создано так называемое губернаторство Южного Сахалина³, которое существовало до 1945 г. В отличие от военного губернаторства, которое существовало в Корее и на Тайване, во главе губернаторства Южного Сахалина стоял не генерал, а чиновник. Это объясняется тем, что на Южном Сахалине проживали в основном японцы.

В структурном отношении аппарат управления губернаторства состоял из канцелярии и четырех бюро. В составе каждого бюро было несколько отделов. Первое бюро называлось бюро внутренних дел. Оно

¹ Багров В. Н. Южно-сахалинские и Курильские операции. М., 1959, с. 12.

² Сахалинская область. Южно-Сахалинск, 1960, с. 234.

³ Карафута тэ сисэй сандзюэн си. Токио, 1936, с. 155.

занималось вопросами муниципалитетов, просвещения, налогов, материального обеспечения и здравоохранения. Начальник бюро внутренних дел являлся заместителем губернатора и во время отсутствия последнего, выполнял его функции. Второе бюро ведало колонизацией. Его отделы ведали хозяйственно-экономической деятельностью. В этом бюро имелись следующие отделы: организационный, лесной, горный и рыбной промышленности и инспекция рыбопродукции. Третье бюро ведало деятельностью связи и транспорта. В него входили отделы земельно-строительных работ, почты и телеграфа, железных дорог. Четвертое бюро заведывало полицейской службой. Оно имело отделы полицейских дел, канцелярии, пожарной службы, охраны общественной безопасности, охраны экономики, уголовных дел, идеологической работы и гигиены.

Отдел идеологической работы занимался идеологической обработкой населения, выявлении государственных преступников, неблагонадежных и идейно опасных печатных изданий, листовок и т. д. Во всех населенных пунктах южной части Сахалина полицейская служба была поставлена безупречно, она внимательно следила за деятельностью неугодных лиц. Так, полицейские, переодетые в гражданскую форму, постоянно находились в приграничных районах и занимались сбором шпионских сведений, выявлением "иностранных агентов" и неблагонадежных. В пограничных районах не разрешалось проживание лицам корейской национальности^I, поэтому корейские шахтеры не могли наниматься на работу в шахты, расположенные неподалеку от границы.

В системе японской империи губернаторы колоний находились на особом положении. Они были членами правительственного комитета и имели право совещательного голоса в парламенте. Губернаторы назначались премьер-министром или министром внутренних дел и утверждались императорским указом. В 1929 г. с образованием министерства по де-

^I ГАСО. ф. I-с, оп. с, д. 24 (все дела япон. фондов не пронумерованы).

лам колоний, губернатор Южного Сахалина стал непосредственно подчиняться этому министерству.

Компетенция губернатора определялась значимостью данной колонии в системе японской империи. В этом отношении Южный Сахалин уступал Корее и Тайваню, так как последние являлись форпостом японской агрессии против Китая и Монголии, которые по плану японских империалистов должны были стать базой для дальнейшей экспансии на советский Дальний Восток: Приморье, Приамурье, Сибирь и пр. В свою очередь, Южный Сахалин и Курильские острова являлись базой для захвата Советского Северного Сахалина, Камчатки и других окраинных территорий.

Губернатор, как правитель колонии, проводил в жизнь законы и приказы, издаваемые министерством по делам колоний. Однако он имел чрезвычайно ограниченные полномочия в управлении делами почты, телеграфа, банков и в других областях, деятельностью которых руководили соответствующие министерства. Это объясняется особенностями сферы деятельности данных ведомств, требующих унификации в масштабе всей Японии. Что касается бюджета губернаторства, то он определялся и финансировался министерством по делам колоний, министр которого осуществлял контроль за деятельностью губернатора.

Примечательно ограничение права губернатора распоряжаться войсками, дислоцированными на Южном Сахалине, хотя, в Корее и на Тайване местные войска находились в полном распоряжении генерал-губернаторов. Статья 5 закона губернаторства Южного Сахалина говорит: "В экстренном случае, когда потребуются применение военной силы, губернатор должен сообщить командующему дивизии^I и просить у

^I Бригады, дислоцированные на Южном Сахалине, подчинялись 7-ой дивизии сухопутной армии Японии на Хоккайдо.

него военной помощи"¹. Такое разграничение функций в использовании губернаторами дислоцированных на местах войск, по нашему мнению, объясняется малочисленностью на острове неяпонского населения.

Рассматривая административно-территориальное деление Южного Сахалина, можно сказать, что в силу абсолютного преобладания японского населения над неяпонским, на Южном Сахалине система административно-территориального деления была такая же, как и в собственно Японии. Существовала система "си тэ сон-сэй" (си - город первого разряда, тэ - город второго разряда, сон - село). Территория Южного Сахалина была разделена на несколько районов (гун), и в зависимости от социально-экономического развития данной территории, административно-территориальное районирование изменялось. В первые годы прихода сюда японцев Южный Сахалин был разделен на три района: Одомари, Отнай и Маока. В 1929 г. данная территория была разделена уже на 8 районов куда входило II городов². В 1942 г. южная часть острова была реорганизована в 4 муниципальных района с 15 городами³. Эта система сохранилась до 1945 г.

Административным центром Южного Сахалина являлся город Тоёхара. Он был культурным, хозяйственным и транспортным центром южной части острова. В нем размещались губернаторство, музей, радиостанция редакции газет, библиотека и т. д.

В отличие от других колоний японской империи, на Южном Сахалине применялась система самоуправления муниципальных районов, которая существовала в собственно Японии. Сначала она была введена в не-

¹ Сёва дзэситинэн Карафутэ ёран. Тоёхара, 1943, с.38.

² Яманои Хиреси. Карафутэ дзинбуцу рон. Токио, 1937, с.50.

³ Ямадзаки Тансё. Гайти тоти не кэнкю. Токио, 1943, с.260.

которых городах, но с 1929 г. распространилась по всей южной части острова. Особенность местного самоуправления заключалась в том, что уездные муниципальные власти самостоятельно проводили общественно-хозяйственные мероприятия, исходя из собственного бюджета, определяемого доходом и указаниями губернаторства. Система местного самоуправления предусматривала выборность депутатов из числа местных жителей в так называемые городские и уездные собрания на основе муниципальной избирательной системы.

Избирательная система Южного Сахалина и Курильских островов была идентична применяемой в Японии. Она носила классовый характер. В выборах могли участвовать только мужчины в возрасте свыше 25 лет и прожившие в одном месте более 1-2 лет. Не имели избирательного права бедняки, которые получали пособие от государства или от частных лиц, и больные, не занятые на производстве свыше 1 года. Следует указать, что специфика выборов на острове проявлялась в том, что на Южном Сахалине не распространялись выборы депутатов в парламент от различных политических партий, ибо здесь, в отличие от собственно Японии, партии не функционировали.

Во главе городских и уездных муниципалитетов стояли мэры, назначаемые губернатором из числа избранных депутатов. И только мэр г. Тоёхара избирался на городском собрании депутатов сроком на 4 года^I. Структура городских и уездных муниципалитетов была идентична структуре губернаторства. Мэры проводили в жизнь приказы, указы и постановления губернатора.

Говоря о том значении, которое имели Курильские острова для Японии, следует отметить, что эти острова вместе с Южным Сахалином являлись северным плацдармом для агрессии Японии против СССР. Еще в конце прошлого века, в 1893 г., японское правительство в качестве

^I Карафуто тихо сэйдо хоки. Тоёхара. 1937, с.15.

передового отряда дислоцировано на о. Семусю (Шумшу) 300 солдат под командованием капитана Гундзи Наритада. Однако эти действия военщины проводилось скрыто. Правительством было создано так называемое "Общество служения Отечеству и справедливости" из числа "добровольцев-патриотов", которые в действительности были военными. О значении и будущей роли этого "Общества" говорит тот факт, что проводимые "Общества" были организованы в государственном масштабе: устраивались митинги с участием государственных деятелей. Только в 1900 г. правительство отпустило "Обществу" субсидий на сумму 70000 иен^I. В период русско-японской войны и японской интервенции на советском Дальнем Востоке группа японских солдат из отряда Гундзи Наритада пытались захватить Камчатку. Это подтверждает истинные замыслы японской военщины в отношении северных дальневосточных территорий России.

В 30-40-х годах японский флот и засылаемые с Курильских островов экипажи некоторых рыболовных судов проявляли большой интерес к водам и береговой линии Камчатки и советского крайнего Севера и побережья. Ежегодно под предлогом охраны японских рыболовных судов в Охотское и Беринговое моря посылались японские миноносцы. В 20-30-х годах очень часто наблюдались нарушения японскими рыболовными судами границы территориальных вод СССР. Эти нарушения являлись предметом неоднократных серьезных обсуждений на советско-японских переговорах.

В середине 30-х годов, подготавливая войну против СССР, Япония вела усиленные работы по созданию посадочных площадок, морских и авиационных баз на островах Семусю, Парамусиру (Парамушир), Иторупу, Кунасиру. Об этом свидетельствует тот факт, что в связи с отказом Японии присоединиться к Лондонскому соглашению, в 1936 г. од-

^I Андреев В. Курильские острова. В кн. Морской сборник. № II, Л., 1938, с. 82.

на из ведущих японских газет от 10 октября 1936 г. "Нитинити" в передовой статье писала: "... для нас невозможно допустить демилитаризацию зоны островов Рюкю, Тайваня и Курильских островов..."^I. Во время освобождения Курильских островов советским военно-морским флотом японские оккупанты упорно сопротивлялись, ибо северные острова Курил, где проходили ожесточенные бои, были превращены в сильно укрепленные крепости.

В административно-территориальном отношении Курильские острова входили в состав муниципалитета Немуро губернаторства Хоккайдо. Там действовало общепринятое японское гражданское законодательство. Административно-территориальным центром этих островов был Сяна (Курильск), во главе с сельским старостой. Помимо Сяна сравнительно крупными населенными пунктами на островах считались Фурукамаппу (Южно-Курильск) и Сякотан (Мало-Курильск).

Таким образом, введение системы самоуправления на Южном Сахалине свидетельствует о том, что правящие круги Японии стремились ликвидировать официальную систему колонии путем постепенного перевода колоний в обычные префектуры с целью унификации административно-территориального управления всей страны. Это предпринималось с тем, чтобы сделать видимость стирания различия между метрополией и колониями. Накануне и в годы второй мировой войны японские империалисты, выдвигая лозунг "Япония и Корея - одно целое", подготавливали ликвидацию системы колонии в Корее, чтобы в дальнейшем включить ее в систему японских префектур. Это были далеко идущие замыслы японского империализма, который мечтал создать так называемую "Сферу взаимного сопроцветания в Великой Восточной Азии", где японская нация должна была господствовать над всеми остальными покорен-

^I Андреев В. Указ. соч., с. 77.

ными ее нациями. В целях пропаганды Япония заверяла, что в империи вовсе не существует дискриминации между метрополией и колониями.

В заключение следует отметить, что японские империалисты и их идеологи пытались представить свои колонии, как "зону добродетельности". Захват чужих территорий они объявляли жизненно необходимой проблемой своей нации, обеспечивающей ее существование. Еще в 30-е годы нашего столетия они заявляли, что "Китай и зона Тихого океана" имеют важнейшее и неотложное значение для Японии. Коренные различия в заинтересованности США и Англии в бассейне Тихого океана в отличие от интересов Японии в этом районе состоят в том, что первые две стремятся к собственному обогащению, тогда как последняя, по утверждению ее пропаганды, ищет право на существование своей нации, пути решения проблемы перенаселения и продовольствия в Японии^I. В действительности, колонии нужны были Японии не для того, чтобы разрешить так называемую проблему перенаселения и продовольствия, а ради господства нации "ямато" в Азии и в мире и для наживы японских монополий. Для осуществления этих замыслов нужны были сырьевые ресурсы Южного Сахалина и Курильских островов.

В ы в о д ы

Южный Сахалин и Курильские острова, расположенные на юго-востоке советского Дальнего Востока, занимают большое место в развитии народного хозяйства этой зоны страны. Вместе с тем они имеют важное политическое и стратегическое значение. Поэтому этот регион издавна является объектом захватнической экспансии японских империалистов. В годы японского господства проводилось массовое переселение японцев, частично, корейцев на эти территории. Цель этого переселения - быстрейшая колонизация и милитаризация Южного Сахалина и

^I Якусин Нихон тайкан. Токио, 1937, с. 29.

Курильских островов для подготовки дальнейшей военной и экономической экспансии на территории советского Северного Сахалина, Камчатки и других. Руководящими и организационными центрами, практически осуществлявшими на местах этот замысел империалистической Японии, были губернаторства Южного Сахалина и Хоккайдо. Губернатор руководил административной, хозяйственной, культурной деятельностью и полицейской службой губернаторства Южного Сахалина. В отличие от других колоний Японии административно-территориальное деление Южного Сахалина было идентично метрополии. Здесь функционировала система самоуправления муниципальных районов, во главе которых стояли мэры, исполнявшие указания губернатора. Курильские острова входили в состав муниципалитета Немуро губернаторства Хоккайдо, являвшегося частью метрополии. В годы японского господства, вопреки условиям Портсмутского мирного договора 1905 г. и Вашингтонского соглашения 1922 г., исследуемые нами территории были милитаризованы и служили плацдармом для агрессивных действий Японии против СССР.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ

§ I Хищническая эксплуатация лесных богатств.

Остров Сахалин богат лесом. Его растительный мир впервые был исследован и описан русскими учеными еще в 1809-1812 гг. Позднее, в 1859-1862 гг., изучение богатств сахалинского леса большой вклад внесла Сибирская экспедиция Русского Географического общества под руководством Ф.Б. Шмидта, который впоследствии издал труд "Флора Сахалина". Шмидт составил систематический каталог 608 видов растений и древесных пород¹. Основными породами леса являлись ель и пихта. С точки зрения экономики, эти породы представляли большую ценность и составляли 80% всех лесных запасов. По японским данным, общий объем древесины Южного Сахалина исчислялся в 834 млн. куб. м., лес занимал 90% всей территории этой части острова².

Экономическая политика японских империалистов на Южном Сахалине и Курильских островах была направлена на извлечение максимальных прибылей при эксплуатации природных ресурсов. Эти территории стали сырьевым придатком японской промышленности в проведении Японией агрессивной военной и экономической политики в бассейне Тихого океана. Это прослеживается в характере эксплуатации природных ресурсов и, прежде всего, лесных богатств острова.

Массовая вырубка леса началась в 20-х годах в связи с развитием целлюлозно-бумажной промышленности на острове. В 1922 г. по всей южной и средней части острова были учреждены так называемые "временные лесозаготовительные участки", на которых планировалась

¹ Власов С.Т. Леса Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959, с. 65.

² Я. Карафута. № 6. Тоёхара, 1931, с. 21.

вырубка древесины в объеме 2,8 млн. куб. м.¹. В 1927 г. закончилась заготовка древесины по намечавшемуся объему. Однако, "временные лесозаготовительные участки" существовали до 1930 г., а заготовка древесины продолжалась и в дальнейшем². Столь большой объем вырубки леса губернаторские власти мотивировали поражением лесных массивов насекомыми-вредителями³.

По данным губернаторства Южного Сахалина, только с 1906 по 1932 гг. объем вырубленного леса составлял 3,3 млн. куб. м.⁴. Однако, как подтверждают результаты обследования лесных запасов, проведенного государственной комиссией по колонизации Южного Сахалина в 1933 г., фактические цифры в два раза превышают официальные⁵.

Лесные богатства острова "законно" расхищались монополистическим капиталом целлюлозно-бумажной промышленности. С 1911 по 1934 гг. было зафиксировано свыше 4300 случаев хищения леса, в результате чего было уничтожено примерно 1,5 млн. куб. м. древесины⁶. За этот период общий ущерб от расхищения леса составил около 3 млн. 400 тыс. иен⁷, а за 1936-1940 гг. - 32 млн. иен⁸, что равняет-

¹ Карафуте ринсэй сандзюнэн си. Тоёхара, 1936, с. 55.

² Сёва дзигонэн Карафуте тё токэйсё. Тоёхара, 1942, с. 37.

³ Карафуте такусёку кэйкаку но дзэнбо. Токио, 1934, с. 22.

⁴ Там же, с. 22.

⁵ Карафуте тё сисэй сандзюнэн си. Тоёхара, 1936, с. 541.

⁶ Сёва дзигонэн Карафуте тё токэйсё. Тоёхара, 1942, с. 125.

⁷ Карафуте ринсэй сандзюнэн си. Тоёхара, 1936, с. 128-129.

⁸ Сёва дзигонэн Карафуте тё токэйсё. Тоёхара, 1942, с. 125.

ся почти среднегодовой стоимости валовой продукции лесной промышленности за указанный период¹.

Монополистический капитал являлся непосредственным проводником в жизнь колониальной экономической политики японского империализма в лесном хозяйстве. Причем губернаторы острова были непосредственными ее организаторами. Они покровительствовали монополиям и предоставляли им лицензии на право вырубki леса на более выгодных условиях. "Одзи сэйси" и другие компании заключали долгосрочные соглашения на 20 лет на поставки древесины для целлюлозно-бумажных фабрик острова с правом вывоза леса в Японию. По этим соглашениям компании "Одзи сэйси", "Фудзи сэйси" и "Карафуто когё" получили право на вырубку 5 млн. куб. м. древесины, а в 1928 г., с истечением срока соглашения были продлены на тех же условиях и на прежний объем². Кроме того, в 1931 г. акционерное общество "Нихон дзинкэн", приступившие к производству целлюлозы для переработки на вискозу, заключило договор на 20 лет. На основе этого договора оно получило право вырубki леса в объеме 3,6 млн. куб. м.³.

Следовательно, крупные компании получали право ежегодно рубать и реализовывать древесины в размере более 430 тыс. куб. м. в год. Надо учесть, что средние и мелкие компании других отраслей хозяйства также получили лицензии на разработку леса в объеме 140 тыс. куб. м. Кроме того, значительная часть древесины использовалась различными государственными и частными организациями острова.

Таким образом, в течение 1925-1945 гг. объем годовой вырубki леса промышленного значения превышал 3,3 млн. куб. м. Следует ука-

¹ Сёвадзюрокунэн Карафуто тё токэйсё. Тоёхара, 1943, с. 37.

² Дай рокудзюго тэйкоку гикай такуму гидзи сёроку. Токио, 1934, с. 4.

³ Там же, с. 12.

зять, что реализация столь большого объема древесины монополистическим капиталом целлюлозно-бумажной промышленности Японии приводила к тому, что лес вырубался на "законном основании", что, в свою очередь способствовало процессу быстрого истощения лесных богатств южной части острова.

На Южном Сахалине огромные массивы леса уничтожались также частыми пожарами, причина которых заключалась в плохой охране лесных богатств и в умышленных действиях, связанных с расхищением древесины. Первый крупный лесной пожар произошел в 1907 г. в районе Тоёхара, уничтоживший свыше 1 млн. куб. м. леса¹. Пожары имели место и в последующие годы. Так, только в 1916 г. было зафиксировано 33 крупных пожара, уничтоживших свыше 1 млн. 800 тыс. куб. м леса². Особенно часто лесные пожары возникали в 20-х годах. В 1928 г. от них погибло 1,5 млн. куб. м древесины, а в следующем году отмечались крупнейшие лесные пожары в районах Эсутору (Углегорек) и Рутака (Анива)³

Массовая вырубка южно-сахалинского леса была связана неразрывно с вывозом огромного количества древесины в Японию. В начале 20-х годов среднегодовой объем вывоза леса составлял 700 тыс. куб. м, а с 1926 г. он превышал 2,8 млн. куб. м (исключая период мирового экономического кризиса)⁴. И только со второй половины 30-х годов местные власти вынуждены были резко сократить объем выводимой древесины в связи с сильным истощением промышленных запасов леса на острове.

¹ К. Карафутто тёхо. № 6. Тоёхара, 1919, с. 231.

² Оно Тоун. Карафутто тиси. Токио, 1935, с. 120.

³ Там же, с. 120.

⁴ Карафутто тё сисэй сандзюэн си. Токио, 1936, с. 463-464.

За период 1905-1945 гг. вывоз южно-сахалинского леса составил около 120 млн. куб. м.¹.

Хищническая и безхозяйственная эксплуатация лесных богатств и вывоз большого количества древесины в Японию за короткий период привели к резкому уменьшению запасов леса на Южном Сахалине. По данным японских специалистов, в середине 30-х годов оставшихся запасов ели и пихты хватило бы для эксплуатации целлюлозно-бумажных фабрик острова лишь только в течение 60 последующих лет.

Такое состояние сырьевых запасов промышленного леса не могло не обеспокоить японских колонизаторов. Поэтому официальные власти Японии вынуждены были пересмотреть лесохозяйственную политику на Южном Сахалине. В 1934 г. был опубликован 15-летний план воспроизводства запасов леса. На основании этого плана повсеместно осуществлялись лесонасаждения, предусматривалась посадка основных древесных пород на площади 6 тыс. га и естественный прирост на площади 600 га в год. Осуществление этих мероприятий позволило бы за период 15 лет² восстановить лес на площади 99 тыс. га. Однако уже через три года в связи с возрастанием потребности в древесине этот план был пересмотрен. В 1937 г. был введен новый 10-летний план лесонасаждения, по которому общая площадь возобновляемого леса определялась в 120 тыс. га при ежегодной посадке леса на 11,7 тыс. га³. Эта площадь равнялась 1/3 от общей площади, планируемой под лесонасаждения на всем Южном Сахалине⁴.

¹ И. Санрин. № 3. Тоёхара, 1944, с. 68.

² И. Карафутто тёхо. № 5. Тоёхара, 1938, с. 144.

³ И. Карафутто тёхо. № 5. Тоёхара, 1938, с. 141-142.

⁴ Там же, с. 141-142.

Однако статистические данные губернаторства за пятилетие, 1937-1941 гг., показывают, что и этот план лесонасаждений не был выполнен: посадки осуществлялись на площади не более 4-6 тыс. га в год, что составляло около половины планового задания¹. Таким образом, "новая лесохозяйственная политика" на Южном Сахалине не дала практически ценных результатов.

Кроме того, 15-летний план по лесному хозяйству предусматривал воспроизводство запасов леса также за счет сокращения объема выруб-ки, но он остался невыполненным и хищническая рубка древесины продолжалась. Об этом свидетельствует тот факт, что акционерные компании целлюлозно-бумажной промышленности, по существу, не были ограничены в размерах рубки леса, так как работали на основе ранее заключенных договоров. Они по-прежнему были основными потребителями южно-сахалинской древесины. Колониальные власти страны были не в состоянии снизить концерну "Одзи сэйси" и другим компаниям годовую норму выруб-ки леса. Они мотивировали это тем, что военные действия в Китае и в бассейне Тихого океана требуют увеличения расхода древесины по всей стране.

Действительно, в связи с увеличением добычи угля на Южном Сахалине, со второй половины 30-х годов возросла потребность в древесине для ремонтно-строительных работ на шахтах. В начале 40-х годов на эти нужды расходовалось свыше 1 млн. куб. м против 800 тыс. куб. м в середине 30-х годов². С этого времени началось широкое использование южно-сахалинского леса в военных целях.

За период сорокалетнего господства на Южном Сахалине запасы леса сократились до такой степени, что на месте дремучих и непрохо-

¹ Сёва дзюрокунэн Карафутто тё токэйсё. Тоёхара, 1943, с. 108-113.

² Дай ситидзиго тэйкоку гикай такуму гидзи сёроку. Токио, 1940, с. 427.

димых лесов оставались голые сопки и пни¹. Уже в начале 30-х годов промышленные запасы леса уменьшились до 25 млн. куб. м, в том числе ели и пихты до 17 млн. куб. м².

О хищнической эксплуатации лесных богатств также свидетельствует выступление министра по делам колоний Коисо Куниюки в 1940 г. на заседании 75-ой сессии японского парламента. Он заявил: "Я очень сожалею, что до настоящего времени лес Южного Сахалина, равноценный сокровищу, уничтожался хищнически..."³. Это еще раз подтверждает, что истощение лесных ресурсов Южного Сахалина является следствием колониальной экономической политики Японии на этой территории.

§ 2 Целлюлозно-бумажная промышленность - основная отрасль экономики на Южном Сахалине.

Характеризуя общие тенденции колониальной политики империалистических стран, В.И. Ленин в свое время указывал, что "монополии привели к усиленному захвату важнейших источников сырья, особенно для основной, и наиболее картеллированной промышленности капиталистического общества..."⁴. Это ленинское положение подтверждается на примере Японии, ее борьбой за источники сырья и сферы приложения капитала. Южный Сахалин, как колония, служил не только сырьевым придатком метрополии, но и местом приложения монополистического капитала страны, который рассчитывал извлечь большую прибыль на целлюлозно-бумажной промышленности в северной колонии.

Основой зарождения и развития целлюлозной промышленности

¹ Дай Нихон такусёку си. Токио, 1934, с. 71-78.

² Карафуто такусёку но дзэнбо. Токио, 1934, с. 22.

³ Дай ситидзюго тэйкоку гикай гидзи сёроку. Токио, 1940, с. 192.

⁴ Ленин В.И. Поли. соб. соч., т. 27, с. 42.

Японии на Южном Сахалине служили богатые промышленные запасы ели и пихты, являющиеся наиболее подходящим сырьем для производства целлюлозы и бумаги. Развитие этой отрасли промышленности обуславливалось еще и тем, что ель и пихта считались малопригодными строительными материалами. К тому же наличие на острове больших запасов каменного угля и прекращение импорта целлюлозы из стран северной Европы в связи с ухудшением международной обстановки и началом первой мировой войны также служили причиной, вызвавшей бурное развитие целлюлозной промышленности Японии.

Япония впервые начала производить целлюлозу на Южном Сахалине в годы первой мировой войны¹. В 1913 г. буржуазная акционерная компания "Одзи" приступила к строительству целлюлозно-бумажной фабрики в г. Одомари. Первая целлюлозная фабрика была построена при технической помощи шведских специалистов и полностью оснащена шведским оборудованием. Остальные предприятия, вступившие в строй позже, также были полностью или частично оснащены шведским оборудованием. В декабре 1914 г. целлюлозная фабрика Одомари начала выпуск своей продукции. За первый год работы было произведено 12 тыс. т целлюлозы².

Прибыльное производство целлюлозы повлекло за собой строительство фирмами Японии ряда аналогичных предприятий на Южном Сахалине. В 1915 г. фирмой "Карафуто когё" была построена целлюлозная фабрика в г. Томариору (Томари), в 1917 г. акционерная компания "Одзи сэйси" ввела в строй фабрику в г. Тоёхара. В последующие годы возникли целлюлозно-бумажные предприятия и в других районах южной

¹ Одзи сэйси кабусики кайся аннай. Токио, 1925, с. 5-6.

² Там же, с. 33.

части острова¹. В 1919 г. компания "Нихон кагаку сэйси" построила целлюлозно-бумажные предприятия в г. Отай, в 1921 г. "Одзи Сэйси" - в гг. Маока и Нода (Чехов). В 1925 г. фирма "Карафуто когё" построила фабрику в г. Эсутору, а в 1926 г. акционерная компания "Фудзи сэйси" - последнюю целлюлозно-бумажную фабрику на Южном Сахалине в г. Сиригору (Макаров)².

С завершением строительства этих 8 предприятий целлюлозно-бумажная промышленность Южного Сахалина стала ведущей отраслью экономики острова. Как показано в таблице 3, уже в 1927 г. производство целлюлозы превысило 150 тыс. т, стоимость продукции составила свыше 37 млн. yen, или около 45% стоимости валовой продукции южной части Сахалина³. По данным министерства земледелия и лесоводства Японии, за пятилетие, 1930-1934 гг., на Южном Сахалине общее производство целлюлозы (включая и целлюлозу второго сорта) составляло около 283-331 тыс. т, тогда как на Хоккайдо, занимавшем второе место по выпуску целлюлозы в Японии, за эти годы было произведено 148-197 тыс. т⁴. Общее производство целлюлозы в стране в 1930-1934 гг., включая колонии, составило около 570-700 тыс. т⁵.

Не менее важное значение для метрополии имело производство бумаги. Почти на всех целлюлозно-бумажных фабриках острова, наряду с выпуском целлюлозы, производилась и бумага. Как видно из таблицы 3, в 1927 г. производство бумаги резко возросло, составив около

¹ Одзи сэйси кабусики кайся аннай. Токио, 1925, с. 32-37; Сёва гонэн Карафуто ёран. Тоёхара, 1930, с. 245-246.

² Там же, с. 246.

³ Карафуто тё сисэй сандзюэн си. Токио, 1936, с. 474, 873.

⁴ Сёва дзюэн Карафуто нэнкан. Сисука, 1935, с. 344.

⁵ Там же, с. 344-345.

60 тыс.т. В последующие годы выпуск бумаги из года в год заметно увеличивался. Так, по данным статистики за 1930-1934 гг., производство бумаги составило примерно 140-160 тыс.т (см. табл.3). Однако в 1931 г., когда мировой экономический кризис охватил и Японию, в производстве бумаги наблюдалась депрессия, вызванная падением цен на бумагу и уменьшением ее экспорта. Но в бумажной промышленности экономический кризис длился недолго. Как видно из таблицы 3, в годы второй мировой войны производство бумаги превысило 200 тыс.т.

Следует отметить, что на Южном Сахалине объем выпускаемой бумаги составлял более 25% от общеяпонского¹. Целлюлозно-бумажная промышленность играла большую роль в снабжении метрополии и ее колоний необходимым материалом для полиграфической промышленности. Начиная с середины 30-х годов, когда японские империалисты развертывали военно-психологическую и великодержавную идеологическую "войну" в собственной стране и странах Азии, бесспорно, бумага сыграла свою роль в пропаганде шовинистических устремлений.

Южно-сахалинские ель и пихта использовались японскими промышленниками не только в производстве простой целлюлозы и бумаги. В 30-х годах Япония планировала строительство новой целлюлозной фабрики для производства полуфабриката искусственного волокна. В 1931-1932 гг. модернизировались некоторые цеха целлюлозных производств в г. Томариору и Нода, чтобы перевести их на выпуск целлюлозы для получения искусственного волокна - вискозы. В 1934 г. эти фабрики производили всего 35 тыс.т этого вида целлюлозы². Это был первый выпуск полуфабриката искусственного волокна не только в

¹ Сёва кэнэн си. Токио, 1935, с.531. Примечание: период Сёва охватывает с 1926 г. по настоящее время.

² Сёва дзэнэн Карафутто нэнкан. Сисука, 1935, с.360.

южной части Сахалина, но и в Японии¹.

Успешное освоение технологического процесса и производства целлюлозы для получения волокна послужило поводом к строительству новой целлюлозной фабрики. В 1935 г. акционерная компания "Нихон дзинкэн" завершила строительство такого предприятия в г. Сисука. Первоначально его производительность составляла 30 тыс. ц целлюлозы, а с расширением цехов фабрика стала выпускать еще 20 тыс. ц целлюлозы для производства оберточной бумаги².

Производство полуфабриката вискозы вызвано международной обстановкой в бассейне Тихого океана, которая сложилась не в пользу японских монополистов. В середине 30-х годов импорт хлопка, шерсти и целлюлозы резко сократился. В 1937 г. общий импорт Японии составлял 3,7 млрд. иен, в том числе на долю указанных товаров приходилась 1/3 части³. Поэтому Япония остро нуждалась в большом количестве собственного искусственного волокна, чтобы этим покрыть в случае "большой войны" часть дефицита на хлопок и шерсти.

В 1938 г. на Южном Сахалине плановый выпуск этой целлюлозы составлял 65 тыс. т или 80% потребления страны⁴. В последующие годы, вплоть до 1943 г.⁵ предусматривалось ежегодное увеличение производства на 5 тыс. т. В 1943 г. плановый объем производства целлюлозы для получения вискозы составлял свыше 90 тыс. т⁶ и занимал значитель-

¹ Сёва дзинэн Карафутто нэнкан. Сисука, 1935, с.360.

² Карафутто тэ сисэй сандзинэн си. Токио, 1936, с.868.

³ И. Карафутто тэхо. Тоёхара, 1938, с.107.

⁴ Сёва дзинэн Карафутто нэнкан. Сисука, 1935, с.360.

⁵ И. Карафутто тэхо. № 5. Тоёхара, 1938, с.108.

⁶ Там же, с.108.

ную часть производства этого вида продукции в Японии.

Целлюлозно-бумажная промышленность Южного Сахалина развивалась в интересах монополистического капитала Японии. Она была тесно связана с колониальными властями страны. Поэтому "Одзи сэйси" и другие акционерные компании монополично пользовались привилегией колониальных властей. Под предлогом необходимости быстрой колонизации южной части острова местные власти представляли им на льготных условиях лицензии на рубку леса в ущерб мелким и средним компаниям. Именно, "Одзи Сэйси" и другие компании покупали лес дешевле и на лучших лесоучастках, чем остальные предприниматели¹.

Следует также отметить, что в силу самой природы капитализма эти фирмы вели ожесточенную конкурентную борьбу. В 1933 г., в период мирового экономического кризиса, "Одзи Сэйси" поглотила предприятия трех других упомянутых выше фирм, и стала контролировать более 95% капитала целлюлозно-бумажной промышленности Японии². В 1940 г. капиталовложения "Одзи Сэйси" только в целлюлозно-бумажную промышленность Южного Сахалина составляли 262 млн. иен³ или около 30% всех капиталовложений других компаний⁴.

Из сказанного выше следует, что целлюлозно-бумажная промышленность Южного Сахалина имела огромное значение для Японии. Со второй половины 20-х годов она была главной отраслью экономики этой территории. С указанного периода на эту отрасль хозяйства приходилось около 50% от стоимости всей продукции перерабатывающей промыш-

¹ Ж. Карафутто. № 7. Тоёхара, 1936, с. 24.

² Кайся нэнкан. Токио, 1935, с. 133.

³ Сёва дзюгонэн Карафутто токэйсё. Тоёхара, 1942, с. 168.

⁴ Там же, с. 168-172.

ленности данной территории¹, а в отдельные годы более 60%². В годы японского господства в погоне за прибылью целлюлозно-бумажная промышленность Южного Сахалина развивалась быстрыми темпами, но она до предела истощала лесные запасы острова.

§ 3 Особенности развития угольной промышленности и ее роль в колонизации острова и милитаризации страны

Остров Сахалин богат каменным углем. Его запасы были обнаружены русскими еще в прошлом веке и впервые были ими исследованы и освоены. Известные горные инженеры Кеппен, Носов, Лопатин и другие занимались оценкой качества и запасов сахалинского угля, имевшего определенное значение для развития русского Дальнего Востока.

По японским данным, в 1940 г. площадь, занятая угленосными районами, составляла 20% всей территории Южного Сахалина, а запасы угля исчислялись в 2 млрд. 600 млн. т³. К тому же южно-сахалинский уголь обладает высокими качествами - высококалорийностью, хорошей воспламеняемостью и низкой зольностью. Наиболее качественный уголь залегает в северо-западной части этой территории.

На Южном Сахалине угольная промышленность развивалась поэтапно. По нашему мнению, к первому этапу можно отнести период с 1905 г. до середины 20-х годов - до периода бурного развития лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, строительства железных дорог. Второй этап - с середины 20-х годов до начала японской агрессии в Китае в 1937 г., а третий этап - с 1937 г. по 1945 г.

В первые годы японского владычества угольная промышленность развивалась крайне медленно. Основная причина этого заключалась в

¹ Карафута тэ сисэй сандзюэн си. Токио, 1936, с. 873.

² ГАСО. ф. I-с, оп. с. д. 152. (Все дела японских фондов постранично не были пронумерованы).

³ Дай ситидзюго тэйкоку гикай такуму гидзи сёроку. Токио, 1940, с. 63.

том, что в 1912 г., по решению японского правительства, основные угольные бассейны Южного Сахалина были объявлены "резервными угольными бассейнами"¹. Угленосные территории делились на шесть районов и добыча угля в них запрещалась законом. Ее мог разрешить только в крайне необходимых случаях министр по делам колоний. Как явствует из заявления министра по делам колоний на заседании японского парламента 28 созыва, причиной образования "резервных бассейнов" в южной части Сахалина явились два фактора². К первому относилась нерациональность использования шахтовых машин и оборудования при наличии рядом крупных и мелких шахт, что привело бы к высокой себестоимости угля. Ко второму фактору относилось наличие достаточных запасов угля в самой Японии, которыми можно было обеспечить и нужды Южного Сахалина. По нашему мнению, милитаристская Япония нуждалась в резервных запасах южно-сахалинского угля, необходимого ей в случае "большой войны" против Советского Союза. Это и следует считать основной причиной сохранения "резервных угольных бассейнов" на Южном Сахалине

Из этого следует, что угольная промышленность в южной части Сахалина не получила развитие в первые годы японского господства. В 1915-1917 гг. при наличии 3-5 действующих шахт в Центральном угольном бассейне она составляла только 30-60 тыс. т в год³. С 1918 г., в связи с открытием в этом же районе новой шахты добыча угля превзошла 100 тыс. т, а в 1926 г. на 9 шахтах составила 245 тыс. т, что не соответствовало объему потребляемого угля южной частью острова (см. табл. 3).

Второй этап развития угольной промышленности был неразрывно связан с бурным ростом целлюлозно-бумажного производства, которое

¹ Дай Нихон такусёку си. Токио, 1934, с. 88.

² Там же, с. 88.

³ Карафуто тёдзи иппан. Саппоро, 1924, с. 260.

требовало увеличения добычи местного угля в целях снижения себестоимости продукции. Увеличения добычи южно-сахалинского угля требовал и монополистический капитал Японии. Кроме того, с точки зрения финансовых затрат, для Японии был крайне невыгоден ввоз угля с Хоккайдо. Поэтому уже в 20-х годах Япония вынуждена была частично снять запрет на разработку "резервных угольных бассейнов". Так, в 1928 г. открылась новая шахта в южном угольном бассейне в Найхоро (Горнозаводск), которая стала одной из крупнейших шахт Южного Сахалина, а в 1929 г. открылась такая же шахта в северо-восточном угольном бассейне в Найкава (Тихменево)¹. В то время 12 шахт давали в год 500-600 тыс. т угля. В начале 30-х годов действовали уже около 20 шахт, на которых ежегодно добывалось примерно 600-700 тыс. т угля, а в середине 30-х годов - уже свыше 1,5 млн. т. (см. табл. 3).

В связи с усилением милитаризации страны, со второй половины 30-х годов Япония вдобавок к другим открыла "резервные угольные бассейны" всей южной части Сахалина. Новые шахты открылись в основном в северо-западном угольном бассейне, где залегал наиболее качественный уголь, а также в ряде других районов. Так, в 1939 г. действовало уже 28 шахт, которые давали 2,3 млн. т угля. В 40-х годах, в связи с развертыванием агрессивной войны в бассейне Тихого океана, Япония лихорадочно увеличивала добычу угля для военной промышленности и флота как в самой Японии, так и в ее колониях. В этот период количество шахт на Южном Сахалине увеличилось до 30, возросла также их производительность. В 1941 г. добыча угля достигла рекордной цифры: - 6,5 млн. т (см. табл. 3), т. е. в 4 раза больше по сравнению с 1935 г. В 1942 г. плановое производство угля равнялось 10 млн. т², но не выполнялось из-за затруднений с транспортировкой

¹ Сёва гонэн Карафуто ёран. Тоёхара, 1930, с. 184-185.

² Дай ситидзюго тэйкоку гикай гидзэ сёроку. Токио, 1940, с. 63.

угля в Японию, т.к. американский флот контролировал продвижение японских судов через пролив Лаперуза. Вследствие этого добыча угля была ограничена до 2,7 млн.т (см. табл.3). Следует отметить, что Япония планировала к 1948 г. довести добычу угля на Южном Сахалине до 15 млн.т в год¹.

Наиболее производительными были шахты районов Эсутору, Торо, Найбути, Каваками, Отнай, Найбути и Каваками; каждая из которых ежегодно давала свыше 350 тыс.т угля в год². Все они были расположены в северо-западном и в центральном угольных бассейнах. По данным за 1941 г., на долю шахт первых двух районов приходилось 4,7 млн.т против 1,9 млн.т угля, добываемого остальными шахтами³. Это объясняется наличием в северо-западном угольном бассейне больших запасов коксующегося угля и антрацита, необходимых для военной экономики и флота милитаристской Японии.

Южно-сахалинский уголь имел немаловажное значение в колонизации острова. В первые годы⁴ потребление угля было незначительным (см. таблицу3) из-за отсутствия на острове крупных промышленных предприятий, слабого развития сети железных дорог, судоходства. К тому же население пользовалось для отопления жилищ дровами. Однако со строительством целлюлозно-бумажных фабрик на Южном Сахалине потребность в угле существенно возросла. Как видно из таблицы 3, до 20-х годов расход угля был незначительным, а в 1925 г. он уже превысил 300 тыс.т. В последующие годы бурный рост целлюлозно-бумажной промышленности и некоторых других отраслей хозяйства потребо-

¹ Дай ситидзюго тэйкоку гикай гидзи сёроку. Токио, 1940, с. 427.

² ГАСО. ф. I и, оп. I-ш, д. 152.

³ АСГУ. Основной фонд № 3786. История геологического изучения угольных месторождений о. Сахалин. Южно-Сахалинск, 1980, с. 50.

⁴ И далее в тексте первые годы понимаются как первые годы японского господства на Южном Сахалине.

вал большого количества угля. В 1935 г. на Южном Сахалине общий расход угля составил 1 млн. т (см. табл. 3). В последние годы потребление угля возросло до 1,5 млн. т. В то время, как на долю целлюлозно-бумажных и других промышленных предприятий приходилось в среднем более 73% от общего потребления угля¹, среднегодовое потребление угля на железных дорогах и судах составляло всего около 10%, на бытовые ^{нужды} расходовалось примерно 17%².

Несмотря на то, что в недрах южной части Сахалина залегали большие запасы угля, в первые годы японского владычества шахты были не в состоянии удовлетворить все потребности острова в угле. Поэтому часть угля для промышленных нужд этой территории³ ввозилась с Хоккайдо, Кюсю и даже из южной части Маньчжурии. До 1920 г. ввоз составлял свыше половины добычи местного угля и только в 1930 г. дефицит в снабжении углем был ликвидирован (см. табл. 3).

Будучи важным стратегическим сырьем, южно-сахалинский уголь был необходим для вывоза в метрополию, Корею⁴. В отдельные годы крайне незначительная доля вывозимого угля приходилась на советский Дальний Восток. Из таблицы 3 видно, что в 1937 г. вывоз превысил расход и в последующие годы из года в год увеличивался. Наибольший вывоз отмечался в 1941 г., составив 4 млн. т или 62% годовой добычи на южной части Сахалина. С 1942 г. в связи с затруднением транспортировки угля через пролив Лаперуза вывоз угля резко сократился⁵.

¹ И. Карафутто. № 9. Тоёхара, 1937, с. 23.

² Там же, с. 23.

³ И. Карафутто. № 9. Тоёхара, 1937, с. 23; И. Карафутто. № 3, Тоёхара, 1939, с. 54.

⁴ Карафутто когё кайси. № II. Тоёхара, 1936, с. 67.

⁵ ГАСО. Ф. I и, оп. I с, д. 152.

В угольной промышленности было занято значительное количество рабочей силы. Значительная концентрация рабочих наблюдалась с третьего этапа развития угольной промышленности, когда началась чрезмерная эксплуатация шахт. В начале 40-х годов общее число рабочих и специалистов, включая и служащих, составляло свыше 30 тыс. чел. в том числе рабочих около 28 тыс. чел.¹. Забойщики и проходчики составляли свыше 36% от общего числа рабочих. Однако с 1942 г., в связи с сокращением добычи угля на Южном Сахалине большое количество шахтеров было переведено на шахты о. Кюсю. В годы империалистической войны в бассейне Тихого океана в угольной промышленности Южного Сахалина было занято рабочих больше, чем в какой-либо другой отрасли промышленности острова.

Механизация шахт Южного Сахалина проводилась в основном с начала 30-х годов, в связи с возросшей потребностью в угле. До этого только на крупных шахтах можно было встретить очень незначительное количество машин и механизмов, применявшихся при добыче и доставке угля на поверхность и откатке вагонеток. В большинстве шахт преобладал тяжелый физический труд. Доставка угля в очистные забой при помощи транспортеров производилась только на четырех шахтах из 30. На пластах пологого падения использовалась ручная откатка с загоном вагонеток в забой. Долгое время господствовал физический труд и на откатке вагонеток. Еще в 1945 г. ручная откатка была основным видом транспортировки на трех шахтах, а на 13 шахтах она использовалась как вспомогательное средство транспортировки².

О низкой степени механизации шахт Южного Сахалина свидетель-

¹ Материалы по истории и о современном состоянии угольной промышленности Южного Сахалина. Южно-Сахалинск, 1947, с. 24-25.

² Там же, с. 53.

ствуется и уровень их электрификации. Во многих шахтах из-за отсутствия вертикальных, скиповых и клентьевых подъездов механический спуск и подъем людей не производился. Рабочие проходили пешком по наклонным шахтам и уклонам до 20° расстояние около 1000 м. Кроме того, подъемы и рудничные дворы не были связаны телефонной связью как между собой, так и с поверхностью. Телефонизация в целом была слабо развита, а система оповещения совершенно отсутствовала, что часто являлось причиной несвоевременной помощи при несчастных случаях. Также следует отметить, что осветительная сеть во многих шахтах была выполнена плохо, центральные заземления почти отсутствовали, а местных заземлений совершенно не было.

Кроме того, шахты Южного Сахалина крайне недостаточно были оборудованы вентиляционными установками, которые имеют большое значение в охране труда и здоровья горняков. Так, несмотря на то, что почти все шахты острова были газоносными, только некоторые крупные шахты (Торо, Найхоро) были оснащены соответствующими вентиляционными установками центрального проветривания. Большинство же шахт имело маломощные установки участкового характера. Даже такая крупная шахта, как Найбути, имела только диагональное проветривание. Причем, на шахтах не было резервных вентиляционных агрегатов. Из 29 шахт II функционировало на естественном проветривании вплоть до 1945 г.^I

Такое слабое техническое оснащение вентиляционными установками не могло не привести к частым несчастным случаям. В 1925-1945 гг на шахтах Южного Сахалина было зарегистрировано 42 вспышки и 10 взрывов газа². Самые сильные взрывы отмечались в Торо в 1941 и 1943 гг., где погибло 96 чел.³. За период 1925-1945 гг. от взрывов

^I Материалы по истории и о современном состоянии угольной промышленности Южного Сахалина. Южно-Сахалинск, 1947, с.113.

² Там же, с.110.

³ Там же, с.110.

метана погибло 194 чел. Кроме того, часто вспыхивали пожары. Только в шахтах Найхоро было зарегистрировано 35 очагов пожара¹.

В связи с форсированием развития военной экономики, строительства военно-морского флота и авиации в середине 30-х годов Японии остро ощущался недостаток отечественной нефти. В то время в стране годовой расход нефти составлял около 3,5 млн. т, а импорт равнялся 90% этого количества². Причем годовое увеличение расхода нефти в среднем составляло 13%³.

Поэтому с целью сокращения импорта нефти и увеличения объема жидкого топлива, получаемого из угля, в 1935 г. в Найхоро был построен завод по производству искусственного жидкого топлива, работавший на принципе полукоксования. Этот завод был одним из первых в стране, и в его строительстве техническую помощь оказывало топливное управление министерства военно-морского флота Японии, что свидетельствует о военном значении данного завода. На строительство завода было израсходовано 96 млн. иен, включая расход на строительство тэц, нефтепровода и пр.⁴. Производственная мощность завода составляла 200 тыс. т жидкого топлива в год с расходом 1,2 млн. т угля⁵. В 1942 г. этот завод давал до 8 т бензина в сутки. За все время работы он переработал 1545 тыс. т угля и произвел около 14 тыс. т бензина⁶. Общий выход полукокса составлял 817 тыс. т.

¹ Материалы по истории и о современном состоянии угольной промышленности Южного Сахалина. Южно-Сахалинск, 1947, с. 110.

² Ш. Карафута. № 2. Тоёхара, 1937, с. 8.

³ Там же, с. 13.

⁴ Там же, с. 13.

⁵ Там же, с. 8.

⁶ Там же, с. 28.

или 52,7% от сырого угля¹. В 1940 г. однотипный завод был построен в Хигаси-Найбути (Углезаводск).

В основном вся продукция, выпускаемая этими заводами, вывозилась в Японию, в том числе и полукокс, идущий в качестве сырья для производства бытовых брикетов. В незначительном количестве полукокс потреблялся на острове для газогенераторных автомашин и катеров.

Таким образом, со второй половины 30-х годов южно-сахалинские заводы жидкого топлива, работавшие на базе местного сырья, выпускали бензин и полукокс для военных нужд милитаристской Японии. В годы второй мировой войны количество заводов по производству искусственного жидкого топлива выросло в стране до 13 (включая Маньчжурию, Корею и Южный Сахалин). Планировалось произвести в 1943 г. 2 млн. т бензина и полукокса из угля². Однако этот план не был осуществлен, по всей вероятности, ввиду того, что с середины второй мировой войны не все заводы работали на полную мощность вследствие затруднений связанных с транспортировкой продукции через проливы Корейский и Лаперуза.

Горную промышленность Южного Сахалина контролировали через свои дочерние компании такие представители "Дзайбацу", как концерны "Мицуй" и "Мицубиси". В середине 30-х годов угольная промышленность занимала второе место по капиталовложениям, которые составили примерно 132 млн. иен в 1938 г. За 10-летие, с 1928 по 1938 гг., сумма капиталовложений в горную промышленность Южного Сахалина возросла в 2,5 раза³. Хотя мы не располагаем данными

¹ Материалы по истории и о современном состоянии угольной промышленности Южного Сахалина. Южно-Сахалинск, 1947, с.33.

² Ш. Карафуто. № 2. Тоёхара, 1937, с.28.

³ The orient year book. Токио, 1943, с.469.

40-х годов, но, по всей вероятности, в связи с расширением шахт и резким увеличением добычи угля, капиталовложения этих концернов в угольную промышленность Южного Сахалина намного превысили указанные цифры. За годы японского владычества на Южном Сахалине добыча угля составила свыше 50 млн. т^I. В годы агрессии японского империализма в Восточной Азии и в бассейне Тихого океана южно-сахалинский уголь служил важным стратегическим сырьем для военной промышленности и военно-морского флота Японии.

§ 4 Эксплуатация морских ресурсов и ее последствия.

Право рыболовства в водах Сахалина Япония получила от России по Петербургскому договору 1875 г. Однако японское рыболовство в этом районе отмечалось еще задолго до заключения договора, что было связано с экспансией Японии на южную часть Сахалина. В это время в акватории Сахалина еще слабо развивался японский рыбный промысел. Он получил должное развитие с 1875 г., с отменой политики "закрытых дверей" в стране и с этого периода промысел сельди и лососевых быстро активизировался.

Поэтому в 1883 г., через 8 лет после заключения Петербургского договора, Россия для ограничения развития японского рыболовства на Сахалине впервые ввела налог за аренду рыболовных участков. Однако эти меры не принесли желаемых результатов. Число японских рыбаков на Южном Сахалине продолжало увеличиваться. Росли и уловы рыбы. В 1894 г. японскими рыбаками было добыто

^I АСГУ. Основной фонд № 3786. История геологического изучения угольных месторождений о. Сахалин. Приложение, Южно-Сахалинск, 1970, с. 140.

58 тыс. ц рыбы¹, а в 1901 г. - свыше 200 тыс. ц². В 1899 г. русская администрация Сахалина сократила число арендуемых японцами рыболовных участков на 167³. В 1903 г. японские рыбопромышленники владели 99 участками, на которых работало свыше 4 тыс. рыбаков⁴. В это время вылов рыбы составлял свыше 2 млн. ц, в том числе лососевых около 1,5 млн. ц⁵.

Таким образом, промысел рыбы и морепродуктов японскими рыбопромышленниками и рыбаками в русских территориальных водах Южного Сахалина наблюдался еще до 1905 г. Ф.И. Августович, посетивший в те годы о. Сахалин, в своей работе "Заметки об острове Сахалине" писал: "...японцы приходят всякий год на нескольких десятках джонок (каждая поднимает от трех до четырех тысяч пудов), тотчас после очищения Охотского моря от льда в мае и июне месяцах, и остаются там до 10 или 15 сентября, распорядясь на чужом острове, как на своем собственном, и не спрашивая дозволения на ловлю рыбы от местной администрации острова"⁶.

В годы японского господства на Южном Сахалине его акватория стала одним из основных районов японского рыболовства в северных водах. Здесь Япония вылавливала сельдь, горбушу, кету, минтай, камбалу, а также крабов и морскую капусту. Важнейшими районами рыбного промысла являлись: юго-западное и юго-восточное побережье

¹ Сахалинский календарь на 1896 г. Типография на о. Сахалине. 1895, с. 18.

² Сенченко И. А. Очерки истории Сахалина. Южно-Сахалинск, 1957, с. 30.

³ Карафутто тэ сисэй сандзюнэн си. Токио, 1936, с. 313.

⁴ Карафутто но гёгё. Тоёхара, 1933, с. 135.

⁵ Там же, с. 135.

⁶ Августович Ф. М. Заметки об острове Сахалине. Спб, 1891, с. 112.

южной части Сахалина и залив Анива. Причем первые два относились к наиболее богатым промысловым районам.

В водах Южного Сахалина наиболее интенсивно велся промысел сельди. Как видно из таблицы № 4, в первые годы запасы сельди были более или менее постоянными, колебания в ее уловах незначительны. До 20-х годов добыча сельди составляла более половины общей добычи рыбы и морепродуктов Южного Сахалина. Среднегодовой улов сельди достигал 1,5 млн. ц, на 40% больше среднегодового улова сельди в акватории Хоккайдо, включая район Курильского архипелага¹. Со второй половины 20-х годов, в связи с совершенствованием способов и интенсификацией добычи, улов сельди резко увеличился. Так, с 1926 по 1935 гг. годовой улов ее в среднем составлял около 3,5 млн. ц., что более чем в 2 раза превышало среднегодовые уловы предыдущих лет (см. табл. 4). В эти годы вылов сельди составлял 80% добычи рыбы в акватории Южного Сахалина и занимал ведущее место в Японии². Интенсивность промысла сельди, особенно со второй половины 30-х годов, резко подорвала ее воспроизводство. Как видно из таблицы 4, во второй половине 30-х годов среднегодовой улов сельди снизился до 2,2 млн. ц. Причем минимальный улов ее составил 1,4 млн. ц, а максимальный менее 3 млн. ц, хотя затраты на промысел были гораздо большими по сравнению с предыдущими годами.

Таким образом, в результате многолетнего хищнического ведения промысла, во второй половине 30-х годов по сравнению с предыду-

¹ Дай Нихон суйсан кайхо. № 334. Токио, 1910, с. 33-34.

² Оно Тоун. Карафуто тиси. Токио, 1935, с. 116-125. Ямамото куматаро. Син Нихон тиси. Токио, 1937, с. 903.

³ Чернявский Г.И. Заметки о развитии рыбной промышленности Сахалина и Курил. Южно-Сахалинск, 1958, с. 31-32.

шими десятилетиями уловы сельди сократились в 2-3 раза (см. табл. 4). Причем с середины этого периода добыча сельди сократилась более заметно. В отдельные годы улов не достигал даже 1,4 млн. ц, хотя интенсивность промысла была намного выше в связи с появлением самоходных судов и увеличением их количества.

Так же хищнически велся промысел наиболее ценных видов - кеты и горбуши вплоть до 30-х годов (см. табл. 4). Добыча лососевых увеличилась. В отдельные годы она достигала почти 400 тыс. ц. Отмечались и резкие колебания улова от 90 до 250 тыс. ц, что явилось следствием чрезмерного вылова промысловых запасов рыбы. Это подтверждают и японские ученые. По их мнению, такое большое колебание объясняется недостаточной эффективностью мер, принятых для сохранения рыбных ресурсов¹.

На уменьшение запасов лососевых значительно повлияло браконьерство на реках Южного Сахалина в период нереста. Наглядным примером этого являлась р. Хоронай (Поронай), где улов горбуши и кеты нередко превышал 50-60% общей добычи². В период путины сюда проникали рыбаки-браконьеры не только из других районов южной части Сахалина, но и с Хоккайдо и даже с Северного Хонсю. К тому же, местные жители района Хоронай сами "сотрудничали" с браконьерами в промысле лосося. Об этом в свое время красноречиво писала местная газета "Карафутто нитинити симбун", "... в период путины 30 тыс. жителей города Сисука употребляли в пищу лосось, выловленный браконьерами в р. Хоронай"³. Подобная картина наблюдалась и на других про-

¹ Ш. Карафутто. № 7. Тоёхара, 1939, с. 43.

² Сёва дзюгонэн Карафутто тё токэйсё. Тоёхара, с. 129; Сёва дзюнинэн Карафутто тё токэйсё. Тоёхара, ¹⁹³⁷с. 124.

³ Карафутто дзихо. Тоёхара, 1936, с. 34.

мысловых участках Южного Сахалина.

Варварское ведение промысла лососевых пагубно повлияло на сохранение запасов этих видов рыбы. Хотя для воспроизводства рыбных ресурсов проводилось разведение этих ценных пород, но оно не могло восстановить основательно подорванные сырьевые запасы. В 40-х годах по сравнению с предыдущими годами вылов горбуши и кеты сократился еще больше¹.

Несколько иное положение сложилось в промысле камбалы. Со второй половины 20-х годов вылов камбалы увеличился, тогда как добыча других объектов лова уменьшилась (см. табл. 4). Большие стабильные уловы отмечались во второй половине 30-х годов и в последующие годы². Это объясняется тем, что траление, наиболее эффективный способ лова донной рыбы - камбалы, начало развиваться только со второй половины 20-х годов, поэтому в 40-х годах еще сохранились ее большие запасы.

Таким образом, с введением траления лов камбалы японскими рыбаками в водах южной части Сахалина в последние годы³ значительно увеличился. Однако это еще не означает, что к промыслу камбалы японские рыбопромышленники подходили с учетом сохранения ее ресурсов. Скорее это объясняется тем, что на протяжении долгого времени не был найден метод активного ведения ее добычи.

Хищнический характер ведения рыбного промысла отчетливо наблюдался на промысле трески, вылов которой занимал одно из ведущих мест в японском рыболовстве в целом. В первые годы японского господства в водах Южного Сахалина имелись большие запасы трески. Однако в результате интенсивного вылова запасы этой рыбы быстро ис-

¹ Сёва дзюрокунэн Карафуту тэ токэйсё. Тоёхара, 1943, с. 120-121.

² Там же, с. 121.

³ И далее в тексте последние годы понимаются как последние годы японского господства на Южном Сахалине.

тощализь. Так, если до начала 30-х годов улов трески в среднем составлял около 300 тыс. ц в год, а в отдельные годы - свыше 400 тыс. ц¹, то в последующие годы, за исключением 1941 г., он не превышал 200 тыс. ц, а в отдельные годы падал до 100 тыс. ц².

В водах Южного Сахалина чрезмерно интенсивно велся и промысел камчатского краба. В 1905-1913 гг. вылов его не превышал 700-900 тыс. шт. в год³. Район лова был ограничен акваторией Маока и Хонто (Невельск). Примерно с 1914-1915 гг. район добычи краба расширился и охватил всю западную часть острова. В результате этого в 1917 году улов достиг рекордной за весь период японского господства цифры - свыше 5 млн. шт.⁴. Такой большой улов объясняется, во-первых, наличием больших запасов краба, во-вторых, значительной активностью промысла краба в связи с возрастанием спроса на крабовые изделия на внутреннем и мировом рынках. В последующие годы интенсивность крабового промысла увеличилась, что отрицательно повлияло на сохранение его запасов. В 1920 г. улов уменьшился до 1 млн. шт.⁵. В первой половине 20-х годов, благодаря мерам по сохранению промысловых запасов краба, добыча его несколько стабилизировалась. Но затем, во второй половине 20-х годов, интенсивность лова краба возросла и объем добычи его ежегодно падал, составив в конце того периода менее 400 тыс. шт. ежегодно⁶. Аналогичные колебания улова кра-

¹ Сёва дзюэн Карафутто тё токэйсё. Тоёхара, 1935, с.130.

² Сёва дзюрокунэн Карафутто тё токэйсё. Тоёхара, 1943, с. 121.

³ И. Суйсан. № 10. Токио, 1913, с.17.

⁴ И. Суйсан. № 3. Токио, 1924, с.45.

⁵ Карафутто тёдзи иппан. Саппоро, 1924, с.214.

⁶ Сёва гонэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1930, с.214-215.

ба отмечались и в 30-х годах. Но меры, принятые по увеличению численности этого ценного объекта лова принесли некоторые положительные результаты. С 1931 по 1935 гг. ежегодно выпускали по 15 тыс. шт искусственно выращенных мальков¹. Кроме того, в 1936-1937 гг. рыбопромышленники, обеспокоенные истощением запасов краба, вынуждены были запретить промысел камчатского краба в западной части акватории и в заливе Анива, за исключением восточной акватории Южного Сахалина. Повидимому, это благоприятно повлияло на увеличение запасов краба, вылов которого в конце 30-х годов составлял в среднем 1,6 млн. шт в год². Однако, эти данные говорят и о том, что меры по восстановлению промысловых ресурсов краба, не могли существенно повлиять на промысловую обстановку в водах Южного Сахалина в целом, так как чрезмерный вылов данного объекта промысла превышал воспроизводство запасов краба. Это привело к тому, что уже в начале 40-х годов уловы краба в среднем сократились на 10% к уровню уловов второй половины 30-х годов.

Поскольку рыболовство в водах Южного Сахалина носило прибрежный характер, то в промысле преобладали мелкие самоходные шхуны. Количество самоходных судов с небольшим тоннажем заметно увеличилось только со второй половины 30-х годов. В 1931 г. количество рыболовных судов, имевших приписку к порту Южный Сахалин, составляло свыше 14 тыс.³. Через пять лет, в 1936 г., оно достигло уже более 16 тыс., в том числе 650 шт. самоходных судов небольшого тоннажа⁴. В последующие годы количество самоходных судов из года в

¹ Карафуто тёхо № 4. Тоёхара, 1938, с. 103.

² Хоккайдо Карафуто нэнкан. Отару, 1940, с. 523.

³ Карафуто но суйсан. Тоёхара, 1945, с. 5.

⁴ Там же, с. 5.

год увеличивалось, и в 1941 г. оно превысило 1000¹. Следует учесть, что в их число не входило большое количество судов с Хоккайдо и Северного Хонсю, работавших в разгар путины в акватории Сахалина.

О хищническом лове рыбы также свидетельствует и чрезмерная концентрация орудий лова в районе промысла. Даже в 40-х годах, когда заметно сократилась численность запасов основных видов рыбы, насыщенность ставных орудий лова была очень высокой. Кроме ставных неводов, в добыче нерестовой летней сельди и лососевых использовалось огромное количество плавных и ставных сетей, а также значительное число закидных неводов. В 1941 г. в акватории Южного Сахалина было выставлено на лов сельди одновременно около 1200 неводов, 90 тыс. шт. сетей и 530 закидных неводов².

В рыбном промысле было занято большое количество рабочих, особенно в весеннюю путину, которая была основным сезоном промысла в водах южной части острова. В это время приток сезонных рабочих, приезжавших с Хоккайдо и Северного Хонсю колебался от 10 до 18 тыс. чел.³. Кроме сезонных рыбаков, в разгар весенней путины работали и местные рабочие других отраслей хозяйства: лесорубы, крестьяне, разнорабочие. В период путины на рыбных промыслах были заняты женщины, старики и даже дети. В начале 30-х годов общее количество сезонных рыбаков превышало 20 тыс. человек⁴. Немалое число составляли постоянные рыбаки Южного Сахалина. По данным на 1931 г. их было около 25 тыс. человек, а в 1941 - 22 тыс. чел.⁵.

¹ Карафутто но суйсан. Тоёхара, 1945, с.5.

² Чернявский Г.И. Указ. соч., с.32.

³ Ямамото Куматаро. Син Нихон тиси. Токио, 1937, с.905.

⁴ Чернявский Г.И. Указ. соч., с.39.

⁵ ж. Суйсанкай. № 6. Токио, 1931, с.37; Сёва дэврукунэн Карафутто тё токэйсё. Тоёхара, 1943, с.136.

Таким образом, в разгар путины в рыбной промышленности Южного Сахалина было занято более 15% общей численности рабочей силы Южного Сахалина, а в отдельные годы 20-30%¹. Хозяйство Южного Сахалина было настолько подчинено требованиям путины, что обычная деятельность таких крупных портов как Маока и Хонто прекращалась, и они использовались только для приема рыбы².

Большая часть добытой рыбы и морепродуктов использовалась для производства кормовой муки, филе, консервов, икры, рыбьего жира, пресносушеных, малосоленых и копченых изделий. Основная часть добытой сельди (см. табл. 5) и значительная часть улова камбалы перерабатывались на кормовую муку, которая широко использовалась в сельском хозяйстве и животноводстве Японии. В течение более чем 30 лет кормовая мука занимала ведущее место в рыбной продукции Южного Сахалина. Для ее производства в 40-х годах использовались более 2 тыс. туковарных котлов, 6 утилизационных заводов, 8 полумеханизированных цехов³.

Со второй половины 30-х годов доля свежей и мороженой рыбы занимала ведущее место среди других видов рыбных изделий. Большим спросом пользовались сельдь, лососевые, треска и камбала. В 1940 г. доля свежей сельди и горбуши несколько преобладала над остальными видами рыбной продукции (см. табл. 5). Потребление в пищу свежей и мороженой камбалы (93 тыс. ц) было более чем в 20 раз больше производимой из нее кормовой муки. Потребление свежей и мороженой трески (88 тыс. ц) почти в 2 раза превышало уровень производимых из нее

¹ ж. Суйсан. № 9. Токио, 1935, с. 22; Ямамото Куматаро. Указ. соч., с. 902.

² Чернявский Г. И. Указ. воч., с. 39.

³ Там же, с. 38.

видов продукции¹. Следует отметить, что краб, пользовавшийся большим спросом, реализовался в основном в свежем виде, и лишь небольшое количество его вылова шло на производство консервов. В 1940 г. потреблялось свыше 1,3 млн. шт. свежего краба². Большой удельный вес в рыбной продукции занимала пресносушеная рыба. В 1940 г. производство пресносушеной сельди составляло свыше 10 тыс. т (см. табл. 5) а сушеной трески - свыше 1 тыс. т³. Спрос на малосоленую продукцию из горбуши, кеты, трески также был большой. Как видно из табл. 5, малосоленая горбуша и кета всегда занимали ведущее место в продукции лососевых. Треска занимала второе место. В общем вылове в 1940г. ее лов составлял около 30 тыс. т. Доля производства малосоленой сельди всегда была незначительной, хотя в последние годы она несколько увеличилась. Основная часть ее экспортировалась в Китай и на Тайвань. Большим спросом пользовалась свежая и малосоленая икра сельди и трески. Причем спрос на нее возрастал из года в год (см. табл. 5). Следует отметить, что сельдь и треска использовались не только для производства кормовой муки, но также для получения рыбьего жира. Как видно из таблицы 5, в 1940 г. производилось свыше 134 тыс. ящиков рыбьего жира⁴. В этом же году только из трески его было получено свыше 7 тыс. ящиков⁵.

На Южном Сахалине большое место в валовой продукции рыбы занимало производство консервов из горбуши. На базе небольших це-

¹ Сёва дзюрокунэн. Карафутто ёран. Тоёхара, 1942, с. 268, 272.

² Там же, с. 276.

³ Там же, с. 268.

⁴ Там же, с. 268.

⁵ Там же, с. 268.

хов было создано 8 сравнительно крупных консервных заводов¹. Здесь же производились консервы из крабов и кеты. Основная их часть шла на экспорт в США. В 1940 г. было изготовлено около 6,5 тыс.ящ. консервов из горбуши (см.табл.5) и примерно 37 тыс.ящ. консервов из краба². В то же время производство копченостей из кеты и сельди получило крайне незначительное распространение.

Рыбная промышленность занимала большой удельный вес в экономике Южного Сахалина. Примерно до 1915 г. стоимость продукции этой отрасли составляла свыше 60% от общей стоимости продукции южной части Сахалина³. Однако с развитием лесной, целлюлозно-бумажной и горной промышленности на острове ее доля стала из года в год падать: в 1920 г. - около 23%, в 1930 г. - 14%, в 1940 г. - около 12%⁴. Одной из причин снижения доли стоимости рыбной продукции является сокращение уловов рыбы и морепродуктов, а также снижение стоимости рыбопродуктов.

х х х

Находясь на стыке двух течений, теплого и холодного, акватория Курильских островов являлась богатым районом рыболовства в северной части Тихого океана. В водах Курильской гряды так же, как и Южного Сахалина, японские рыбопромышленники интенсивно вели вылов рыбы, морепродуктов, а так же добычу ценных морских зверей. В последней четверти XIX- начале XX вв, в первые годы японского вла-

¹ М. Суйсанкай. № 12. Токио, 1940, с. 24.

² Сёва дзюрокунэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1942, с. 276.

³ Такаока Кумао. Карафутто ногё сёкумин мондай. Токио, 1935, с. 7.

⁴ Карафутто тёдзи иппан. Саппоро, 1924, с. 471; Сёва дзюгонэн Карафутто тё токэйсё. Тоёхара, 1942, с. 37.

дичества, зона Курильского архипелага превратилась в арену японского зверобойного промысла. В погоне за прибылью в чрезмерных масштабах велся промысел котиков, бобров и других морских зверей. За короткое время морские звери были практически уничтожены. Не менее хищнически велся и промысел китов, организованный "Дальневосточным китобойным обществом" Японии в северных водах Тихого океана, включая район Курильских островов. Японские промысловики ежегодно добывали здесь 1,5-2 тыс. китов, что составляло около 20% мировой добычи¹. Чрезмерное истребление китов некоторыми странами, в том числе Японией, сильно отразилось на численности китового стада.

В то время, как промысел морских зверей и китов в районе Курил велся в больших масштабах, лов рыбы здесь в эти годы не получил развития, если не считать лососевого промысла в устьях рек Южных Курильских островов. Это объясняется тем, что, во-первых, до начала XX в. еще плохо были исследованы запасы рыбы, морепродуктов и промысловая гидрология данной акватории, во-вторых тем, что Япония концентрировала свое рыболовство в водах Сахалина, Приморья, Приамурья и Камчатки, доступ к которым она получила по рыболовной конвенции 1907 г., и, в-третьих, наличием слабой обрабатывающей базы.

В начале XX в. активизировалось исследование сырьевых запасов рыбы и путей ее миграции в водах Курильского архипелага. По инициативе ведущей государственной рыбопромышленной ассоциации "Дай Нихон суйсан кай" ("Общество рыболовства Великой Японии") проводилось изучение рыбных запасов в районе Сюмсю, где были обнаружены большие запасы трески². Кроме того, в результате подробного исследования

¹ Соловьев А.И. Курильские острова. М.-Л., 1947, с. 44.

² Там же, с. 39.

в 30-х годах японским ихтиологам удалось установить пути миграции лососевых от Алеутских и Командорских островов к берегам Камчатки и Курил. Это дало возможность начать эффективный промысел рыбы не только в прибрежных водах Курил, но и в открытом океане¹.

С развитием советского рыболовства в водах Камчатки, которое постепенно вытесняло японских рыбопромышленников из этой акватории, а также в связи с уменьшением запасов и регулированием промысла морских зверей, с 30-х годов японское рыболовство начало развиваться по всей акватории Курил.

Основным объектом лова являлись лососевые, треска, иваси, краб, морская капуста. Наиболее важным из них были горбуша и кета. Однако до 30-х годов в японском рыбном промысле в водах Курильских островов преобладал вылов трески. С 30-х годов, когда на путях миграции лосося в океане стали применяться дрейфтерные (плавучие) сети, улов рыбы резко вырос. Так, в 1932 г. добыча лососевых в районе Северных Курил составляла 216 тыс. ц, а в 1933 г. - около 1,3 млн. ц². В 40-х годах улов лосося почти ежегодно превышал 1 млн. ц и резко упал лишь в последние годы в связи с изменившейся военной обстановкой в районе Курильских и Алеутских островов³.

Наряду с лососевым промыслом большое значение имел лов краба, однако в основном это был камчатский краб. Промысловые районы краба тянулись вдоль всей акватории Курильского архипелага. По имеющимся данным у Южных Курил вылов краба из года в год снижался; среднегодовой улов одного судна в 1934 г. составлял 212 тыс. шт; в 1937 г. - 113 тыс. шт.⁴

¹ Хоккайдо Карафутто нэнкан. Отару, 1934, с. 219-220.

² Чернявский Г.И. Указ. соч., с. 41, 44.

³ Там же, с. 41, 44.

⁴ Окамото Сёити. Гёгё Хаттацу си. Токио, 1944, с. 356.

Развитие рыбной промышленности Южного Сахалина и Курильских островов велось в интересах монополистического капитала Японии. Основной формой рыболовной организации являлись артели, которым было предоставлено некоторое преимущество в приобретении разрешительных билетов. Вся деятельность рыбной промышленности острова регулировалась ассоциацией, объединявшей местных рыбаков и рыбопромышленников компании "Карафуто сэйсан гёгё". Эта компания занималась выловом рыбы, переработкой ее и реализацией рыбной продукции. В погоне за прибылью она делала ставку на максимальное использование морских биоресурсов Южного Сахалина и Курильских островов^{не считаясь}, с необходимостью их воспроизводства. В результате этого в данном регионе быстро истощались большие запасы рыбы и морепродуктов, что наглядно показывает хищническую сущность экономической политики японского империализма на Южном Сахалине и Курильских островах.

§ 5 Сельское хозяйство – подсобная отрасль экономики

Сельское хозяйство на Южном Сахалине появилось еще задолго до японского господства. В XIX в. М. Мицуль и его последователи на практике доказали возможность ведения сельского хозяйства на острове. Русские поселенцы вели земледелие в трудных климатических условиях Сахалина. Они выращивали рожь, пшеницу, овес, ячмень, картофель и овощи, занимались и животноводством. В 1901 г. только на Южном Сахалине общее поголовье рогатого скота, лошадей и свиней превышало 6700 голов^I, что составляло 1/3 общего поголовья скота в последние годы японского господства. Эти обстоятельства имели определенное значение для развития японского сельского хозяйства в северных условиях. Японцы использовали семена, породистых лоша-

^I Лилеев. Остров Сахалин, Спб, 1906, с. 6.

дей, рогатый скот, оставленные русскими на Сахалине.

В первые годы японцы скептически относились к возможности развития сельского хозяйства, ссылаясь на климатические и почвенные условия острова. Однако в дальнейшем же их мнение изменилось.

Широкая сельскохозяйственная колонизация требовала прежде всего освоения целины. Поэтому японские власти издали соответствующие законы. В 1919 г. вышел указ губернатора "Правила о поощрении переселений", на основании которого переселенец получал 100 иен за освоение более 1 га целины за определенный срок - до сентября следующего после поселения года¹. Однако, на практике эти "Правила" мало чем привлекали крестьян-переселенцев, о чем свидетельствует незначительное на протяжении ряда лет увеличение площади пахотной земли. Так, в 1922 г. площадь пахотной земли составляла 15 тыс. га, а через пять лет - 23 тыс. га². Таким образом, за 1922-1927 гг. площадь пахотной земли увеличилась всего на 8 тыс. га³.

В связи с недостаточностью принятых мер по освоению целины в 1929 г. были изданы "Правила о поощрении и помощи в освоении целины", которые в последующие годы изменялись и дополнялись. На основании этих "Правил" переселенец получал материальную помощь в размере 40% стоимости затрат на распашку целины в течение года после заселения. Но несмотря на усилия колониальных властей по увеличению площадей пахотных земель, за 10-летие, с 1931 по 1940 гг., целина осваивалась медленно. Это подтверждают и статистические данные за эти годы: в 1931 г. площадь пахотной земли составляла 29

¹ Банкин Дай Нихон такусёку си. Токио, 1932, с.198.

² Карафутто тёдзи иппан. Саппоро, 1924, с.175; Сёва гонэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1930, с.146.

³ Сёва гонэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1930, с.148.

тыс. га, в 1940 г. - 32 тыс.га¹.

Таким образом, за 40 лет японского господства площадь пахотной земли не достигла и 1/10 площади, пригодной к ведению сельского хозяйства. Планы по расширению площади пахотной земли, четырежды пересмотренные за 40 лет, так и не были выполнены в силу того, что на южной части острова, богатой рыбой, лесом и углем, сельское хозяйство оставалось подсобной отраслью по сравнению с другими отраслями производства. Кроме того, причиной этому являлись также непривычные для японцев климатические условия Сахалина.

По данным губернаторства Южного Сахалина, общая площадь земли, пригодной для ведения сельского хозяйства, составляла 723 тыс.га, в том числе для посева сельскохозяйственных культур - около 470 тыс.га². В то же время, анализ состояния данных площадей показывает, что 90% их были болотистыми, а почва чрезмерно кислой. Отсюда следует, что почва, непосредственно пригодная к ведению сельского хозяйства без специальных работ по окультуриванию земли, составляла 50 тыс.га, причем, 1/3 указанной площади располагалась в слабо-болотистой местности³.

Почвы Южного Сахалина, в основном, подзолистые и бедны минеральными солями, необходимыми для нормального возделывания сельскохозяйственных культур. Поэтому мелиорация земель была наиболее важной и насущной проблемой в сельском хозяйстве. Однако в первые годы колониальные власти не придавали значения этой проблеме, ссылаясь на финансовые затруднения губернаторства. Только в середине 20-х годов за счет государственного фонда проводилась частичная

¹ Сёва дзюгонэн Карафуту тэ токэйсё. Тоёхара, 1942, с.43.

² Карафуту сангё ронсё. Тоёхара, 1936, с.10.

³ Карафуту тэ сисэй сандзюэн. Токио, 1936, с.670.

мелиорация земель, которая выражалась в первичном их осушении. Эти мероприятия были проведены в основном на новых местах поселения. Более организованная, расширенная мелиорация земель осуществлялась только с конца 20-х годов. С этого времени началось групповое переселение японских крестьян на целину, чтобы ускорить освоение новых районов и тем самым обеспечить активную колонизацию этой территории в целом. После первичного осушения крестьяне-переселенцы сами вручную рыли дополнительные каналы на полях. В результате этих мероприятий, как свидетельствуют данные губернаторства, в 1934 г. общая длина каналов в деревнях составляла 480 км¹.

По 15-летнему плану колонизации сельского хозяйства Южного Сахалина, который начал осуществляться с 1934 г., на мелиоративные мероприятия было ассигновано свыше 15 млн. иен². Отсюда можно предположить, что в 30-х годах японские колонизаторы вынуждены были активизировать мелиорацию земель для подъема сельского хозяйства. Однако, мы не располагаем данными о мелиорации земель за последние 10 лет японского господства. Это не дает, к сожалению, возможности в полной мере судить о степени осушения земель.

Наряду с мелиорацией земель осуществлялись мероприятия по повышению плодородия почв. К ним относились: нейтрализация кислых почв известью и сернокислым аммонием; удобрение их навозом, туком, азотом. Анализ стоимости затрат по повышению плодородности почв показывает, что до 1935 г. власти не заботились о плодородии. Лишь только со второй половины 30-х годов затраты выросли в 3-4 раза по сравнению с предыдущими годами³.

¹ Карафуто тэ сисэй сандзюнэн си. Токио, 1936, с. 661.

² Карафуто такусёку кэйкаку но дзэнбо. Токио, 1934, с. 70.

³ Сёва дзюрокунэн Карафуто тэ токэйсё. Тоёхара, 1943, с. 60.

Исходя из географических, почвенных и климатических условий острова, сельскохозяйственные районы Южного Сахалина можно разделить на три зоны. К первой относилось все западное побережье. В этой части располагался основной район сельского хозяйства, где преимущественно выращивались зерновые культуры и картофель, занимавшие ведущее место в валовой продукции на юге Сахалина. Животноводство в данном сельскохозяйственном районе носило подсобный характер, но в южной части этой территории оно имело большее значение, чем в северо-западном районе. Ко второй зоне сельскохозяйственного производства относился район, прилегающий к заливу Анива и центральная южная часть Южного Сахалина. Здесь на обширной площади выращивались различные культуры с преобладанием картофеля, овощей, кормовых и технических культур, способствовавших развитию животноводства. Основные сельскохозяйственные районы располагались у устьев рек Судзюя (Сусуя), Рутака, Найбути (Найба). К третьей зоне относилось восточное побережье, где сельское хозяйство развивалось слабее, чем в первых двух зонах.

На Южном Сахалине насчитывалось около 40 видов сельскохозяйственных культур, из которых основными являлись овес, картофель, кормовые травы, горох, ячмень, сахарная свекла, пшеница, редька, капуста (см. таблицу 6).

Сельское хозяйство специализировалось в основном на производстве зернофуражных культур преимущественно для промышленной переработки на пищевые продукты и животноводства. Как видно из таблицы 6, зернофуражные культуры занимали свыше половины всей посевной площади, в том числе зерновые - 1/3. Среди зерновых культур преобладали овес, ячмень, которые занимали примерно 80-85% общей площади зерновых культур (см. табл. 6). Эти зерновые, в основном, культивировались в северо-западной части, а также в районах

Маока, Тоёхара и Рутака. В 1940 г. только в районе Эсутору, расположенном в северо-западной части, было произведено свыше 20% всего урожая зерновых культур¹. За последние 10 лет общая площадь, занятая под зерновыми культурами увеличилась с 7100 до 9600 га, однако, в связи с депрессией экономики в целом, валовый сбор урожая, напротив, снизился².

Наряду с зерновыми культурами, большое распространение получило возделывание картофеля. Его выращивание имело в основном промышленное назначение и служило для производства спирта, крахмала и кондитерских изделий. Как показывает таблица 6, площадь, занятая под картофель, занимала второе место после зерновых и составляла около 20% общей посевной площади. За период 1925-1940 гг. она увеличилась с 1445 до 2077 га, однако в последние 6 лет этого периода площадь земель под картофелем резко сократилась, чему способствовала общая депрессия экономики Японии³. Наряду с этим снизилась урожайность картофеля с 15,7 до 14 т с га⁴. Широкое распространение имели также такие огородные культуры, как редька, капуста, морковь, лук, помидоры и др. Посевные площади под ними почти равнялись площадям, занятым под картофель.

Развитие животноводства на острове требовало выращивания кормовых культур и трав: турнепса, кормовой свеклы и др. Как показывает таблица 6, удельный вес площади, занятой только под кормовыми культурами, составлял примерно 15% возделываемой земли, занимая третье место после посевов зерновых и овощей. Однако, несмотря на

¹ Сёва дзюгонэн Карафуту тё токэйсё. Тоёхара, 1942, с. 53-54.

² Там же, с. 53.

³ Сёва саннэн Карафуту тё токэйсё. Тоёхара, 1930, с. 49;
Сёва дзюгон Карафуту тё токэйсё. Тоёхара, 1942, с. 53.

⁴ Там же, с. 53.

увеличение посевных площадей, урожай кормовых так же, как и других видов сельскохозяйственных культур, в последние годы снизился. Основные районы посева этих культур находились в южной и восточной частях острова.

На Южном Сахалине также выращивались бобовые культуры, имевшие большой спрос на японском рынке. Основными видами бобовых являлись горох и зеленый горошек. По размерам занимаемых им посевных площадей горох занимал четвертое место и в последние годы получил большее распространение, но урожайность его значительно снизилась (см. табл. 6). Зоны наибольшего распространения бобовых культур располагались в самом развитом сельскохозяйственном районе - в Эсутору

В последнее 20-летие японского господства на Южном Сахалине получила распространение сахарная свекла, необходимая для производства сахара на базе местного сырья. Выращивание сахарной свеклы всячески поощрялось местными властями. В 1927-1931 гг. 430 крестьянских хозяйств южной части острова занимались пробным ее возделыванием на 80 гектарах, выделенных для этой цели¹. Уже в 1934 г. ее выращиванием занимались в 68 деревнях². Основные районы посева располагались на юге острова. В 40-х годах сахарная свекла выращивалась в средней и северной частях Южного Сахалина. Плановая посевная площадь под нее в 1940 г. должна была составить 4000 га³.

Урожайность сахарной свеклы была достаточно высокой, особенно на опытных участках Центрального сельскохозяйственного научно-исследовательского института Южного Сахалина. Однако с 1934 по 1940 гг. средний урожай ее снизился по всем районам с 2,5 т до

¹ Ж. Карафуто. № 5. Тоёхара, 1937, с. 44.

² Там же, с. 44.

³ Там же, с. 44.

0,9 т с одного га. Самая низкая урожайность отмечалась в 1940 г. - от 0,5 до 1,5 т с га¹.

С 1938 г. на сахарном заводе Тоёхара, принадлежавшем акционерной компании "Карафутто сэйто", из свеклы стали получать сахар. Плановый объем переработки свеклы должен был составлять 600 т в сутки при 150 рабочих днях в год². Однако, японские промышленники не достигли этого объема производства из-за незначительности посевных площадей.

Следует отметить, что сельское хозяйство Южного Сахалина было подчинено интересам милитаристской Японии. Об этом свидетельствует тот факт, что такие виды сельскохозяйственных культур как картофель, ячмень, сахарная свекла являлись сырьем для производства спирта, который использовался в авиационной и автомобильной промышленности, а овес и кормовые травы применялись в качестве фуража для армейских лошадей.

Машины и техника в сельском хозяйстве Южного Сахалина использовались крайне слабо. Тракторы и машины почти не использовались. До 1927 г. в сельском хозяйстве не было ни одного трактора. С началом группового переселения крестьян, когда переселенцы селились на целине, отведенной властями, на полях появились тракторы. В 1928 г. их было два, через пять лет стало 10³. Однако часть этих тракторов использовалась на полях опытных участков исследовательского института. В 1935 г. в сельском хозяйстве использовалось всего 29 тракторов, причем большинство их было занято на плантациях сахарной свеклы, выращиваемой по заданию государства⁴. В последние годы на по-

¹ Сёва дзюгонэн Карафутто тё токэйсё. Тоёхара, 1942, с. 62-63.

² Карафутто тё сисэй сандзюэн си. Токио, 1936, с. 728.

³ Там же, с. 668.

⁴ Там же, с. 669.

лях опытных участков в качестве экспериментальных применялись комбайны и культиваторы, но они не нашли практического применения в крестьянских хозяйствах.

Как было упомянуто выше, животноводство на Южном Сахалине носило подсобный характер, но некоторые его отрасли имели большие перспективы. Природно-климатические условия южной части острова вполне благоприятствовали развитию животноводства; здесь была возможность для выращивания зернофуражных культур, кормовых трав, имелся дешевый корм из рыбы. Поэтому уже в первые годы колониальные власти принимали меры для поощрения крестьян, занимавшихся животноводством. Так, в 1907 г. были изданы различные указы: "Правила об аренде скота", "Правила об аренде племенных коров, лошадей и свиней" "Правила об аренде коллективных пастбищ"^I, которые могли бы способствовать развитию животноводства на острове.

Однако, в первые годы заселения из-за отсутствия нормальных условий для жизни и труда, большинство переселенцев ограничилось лишь содержанием лошадей, являвшихся основной тягловой силой в сельском хозяйстве. Это привело к значительному развитию коневодства для армии. В нем были заинтересованы не только землепашцы, но и японская армия. Наряду с о. Хоккайдо, включая Курильские острова, Южный Сахалин занимал важное место в развитии коневодства. В Рутака был самый большой конный завод на острове. Коневодству Южного Сахалина, расположенного на границе с Советским Союзом, милитаристская Япония придавала большое значение, видя в нем одно из средств мобильности армии. С 1936 г. в официальных источниках отсутствуют, по-видимому, по стратегическим соображениям, данные о поголовье лошадей в крестьянских хозяйствах. Однако известно, что с 1936 г.

^I Карафутто сёкумин но энкаку. Тоёхара, 1929, с. 88.

начал осуществляться 15-летний план развития коневодства на Южном Сахалине, ставивший целью увеличение количества лошадей до 30 тыс. голов¹.

По данным статистики губернаторства Южного Сахалина, в 1910 г. число лошадей составляло 1573 головы, в 1920 г. - 5654 головы, в 1930 г. - 12 480 голов, а в 1935 г. - 13 373 головы².

Рогатый скот был представлен коровами, овцами и козами. Однако последние два вида из-за малочисленности не имели хозяйственного значения. В 1940 г. общее количество коров составляло 8100 голов³. Судя по этим данным, ведение крупного рогатого скота было крайне недостаточным. Наибольшее распространение этих видов животных отмечалось в южных районах острова.

На Южном Сахалине так же слабо было развито и свиноводство. Это подтверждают статистические данные губернаторства за 1931-1940 гг., которые свидетельствуют о том, что до 1935 г. прирост числа свиней происходил неравномерно, а в последующие годы он даже уменьшился⁴. Так, в 1940 г. поголовье свиней достигло лишь 4142 шт.⁵. Этот уровень приблизительно соответствует данным 1931 г. и в 2 раза ниже уровня 1934-1936 гг. Такой спад численности свиного поголовья объясняется нерентабельностью данного вида животноводства.

Сравнительно большее развитие получило птицеводство, особенно разведение кур. В 1931 г. на острове насчитывалось около 123 тыс.

¹ Ж. Карафутто тёхо № 1. Тоёхара, 1936, с.32.

² Тайсё саннэн Карафутто ёран. Саппоро, 1914, с.156; Сёва дзюнэн Карафутто тё токэйсё. Тоёхара, 1935, с.81.

³ Сёва дзюгонэн Карафутто тё токэйсё. Тоёхара, 1942, с.76-77.

⁴ Там же, с. 82.

⁵ Там же, с. 82-85.

кур, однако через 10 лет, в период общего спада экономики Японии, число их уменьшилось до 90 тыс. шт.¹. Кроме того, в годы войны в связи с нехваткой меха, необходимого для изготовления военной спецодежды для японской армии, получило большое развитие кролиководство.

На Южном Сахалине большое распространение получило пушное звероводство, в частности, разведение лисиц. Примерно до 1915 г. звероводство было в зачаточном состоянии. В 1918 г., после первой мировой войны, в связи с большим спросом на меха на внутреннем и внешнем рынках в различных районах южной части острова возникли около 30 малых звероводческих ферм, которыми владели акционерные компании. За период 1918-1927 гг. поголовье лисиц увеличилось с 362 до 725 шт.², причем в 1927 г. почти все лисицы были чернобурными, имевшими более качественный мех, чем другие породы. Первые успехи ободрили владельцев ферм. В целях выведения и акклиматизации более дорогих пород, в 1927 году из Канады было завезено 14 серебристо-черных лисиц. В середине 30-х годов звероводческие фермы располагались не только в южной части, являвшейся центром звероводства, но и в средней и северной частях острова. На 500 фермах насчитывалось 7 тыс. лисиц³. В 1934 г. по 15-летнему плану колонизации местные власти наметили увеличение поголовья лисиц до 30 тыс. штук⁴. Однако, в 1940 г. оно оставалось на том же уровне, что и в середине 30-х годов (7-8 тыс.)⁵.

¹ Сёва дзюгонэн Карафутто тё токэйсё. Тоёхара, 1942, с.102-103.

² Карафутто тё сисэй сандзюнэн си. Токио, 1936, с.749.

³ Там же, с. 751-752.

⁴ Там же, с. 752.

⁵ Сёва дзюгонэн Карафутто тё токэйсё. Тоёхара, 1942, с.96-97.

Пушное звероводство имело большое экономическое значение. Меха серебристых и чернобуровых лисиц являлись основным экспортным товаром в торговле с заграницей: Англией, Францией и другими европейскими странами. В 1940 г. общая сумма экспорта пушнины составляла более 1,2 млн. иен, в том числе на долю Южного Сахалина приходилось 24,8%¹.

Таким образом, сельское хозяйство за весь период японского господства на Южном Сахалине развивалось сравнительно медленно. Удельный вес валовой продукции этой отрасли экономики значительно отставал от других отраслей производства и занимал последнее место. До 1938 г. стоимость валовой продукции сельского хозяйства в целом не превышала 1 млн. иен². За период 1931-1940 гг. удельный вес сельскохозяйственной продукции снизился примерно с 4,3% до 3,2% от общей стоимости валовой продукции Южного Сахалина³. Сельское хозяйство оставалось подсобной отраслью экономики Южного Сахалина.

§ 6 Строительство путей сообщения, портов и линий связи и их значение для империалистической Японии

До захвата Южного Сахалина Японией строительство путей сообщения и линий связи на острове осуществляла Россия. В то время административным центром Южного Сахалина был Пороантомари (Корсаков), и основные дороги прокладывались к нему и Владимировке (Южно-Сахалинск). К их числу относилась такая магистраль как Пороантомари-Владимировка-Стародубск, шедшая от берегов залива Анива к восточ-

¹ Перцева К. Т. Диссертация. Сельскохозяйственная колонизация Японией Южного Сахалина (1905-1945 гг.). М., 1950.

² Сэва дзюгонэн Карафуто тэ токэйсё. Тоёхара, 1942, с. 37.

³ Там же, с. 37.

ному побережью через Владимировку, и проходившая по побережью через Мануй (Гастелло). Она соединяла южную часть острова с административным центром Северного Сахалина - Александровском и была самой протяженной и наиболее важной. Кроме нее, одной из важных магистралей считалась дорога от Пороантомари до Лесного. Существовали дороги между Владимировкой и Ближним; Троицким и Рутака; Ново-Александровском и Дальним; Луговым и Дальним и другие.

Таким образом, до 1905 г. эта дорожная сеть была единой транспортной артерией Южного Сахалина. Она охватывала и восточную часть этой территории. Дороги были труднопроходимыми, тем не менее они имели важное значение в деле освоения русскими о. Сахалина.

В годы японского владычества строительство сухопутных коммуникаций подчинялось военным целям, так как Южный Сахалин прежде всего являлся выдвинутой вперед на север стратегической базой милитаристской Японии. Об этом свидетельствует тот факт, что в первые годы строились и ремонтировались дороги, соединяющие южную часть острова - Одомари с пограничными пунктами через административный центр Тоёхара. Так, в 1905-1911 гг. спешно проводились дорожно-ремонтные и строительные работы на основных магистралях, существовавших еще до 1905 г. Такими являлись дороги, расположенные между Одомари и Сакаэхама (Стародубск), соединявшие залив Анив с центром восточного побережья¹. Сюда относились также магистрали Одомари-Тоёхара. Ремонтно-строительные работы наиболее важных дорожных магистралей проводились в 1920 г. Для этих целей было ассигновано 3,5 млн. иен. Военные власти мобилизовали население и в течение года проложили шоссейные дороги между Сакаэхама и пограничными районами². Старая дорога была расширена, дополнительно

¹ Сёва кюнэн Хоккайдо Карафутто нэнкан. Отару, 1934, с. 550.

² Карафутто тэ сисэй сандзюэн си. Токио, 1936, с. 1346.

строилась новая дорога шириной 5,5-7,3 м, общая протяженность которой составляла 400 км. В то же время японские военные власти построили дорогу между Кусюнай (Ильинск) и Мануй (Арсентьевка), соединив восточное побережье с западным, что в случае необходимости обеспечивало бы быструю передислокацию войск в этой части острова.

В период интервенции и оккупации Северного Сахалина в 1920-1925 гг. данные коммуникации использовались японскими империалистами. К тому же они имели большое значение для эксплуатации и расширения природных богатств Сахалина. Начиная с 1907 г. в течение нескольких лет строилась шоссейная дорога между Тоёхара и Маока, ставшим впоследствии крупнейшим портом западного побережья¹.

С 1922 по 1928 гг. строились дороги, соединившие южную часть острова с юго-восточным побережьем: между Одомари и Фурумаки (Новое Листвиничным и Тоннай-ко (Тунайча), Соловьевкой и Урю (Кириллово).

В последующие годы, с расширением колонизации и увеличением населения, дорожно-строительные и ремонтные работы проводились по всему Южному Сахалину. В 1929 г. местными властями был принят 10-летний план строительства дорог, согласно которому протяженность новых дорог должна была составить 964 км². Кроме того, план предусматривал ремонт дорог протяженностью 1100 км. На все эти дорожно-строительные и ремонтные работы было ассигновано 13 млн. 680 тыс. иен³. В период осуществления 10-летнего плана строились и ремонтировались основные магистрали на западном побережье, в прибрежной зоне залива Анива и дороги, соединяющие восточное побережье с западным в северной части острова. Частично осуществлялось строитель-

¹ Карафуто тёдзи иплан. Саппоро, 1924, с. 339.

² Карафуто тё сисэй сандзюэн си. Токио, 1936, с. 1346.

³ Там же, с. 1346.

ство новой дороги в юго-восточном районе, ремонтировались старые шоссе на восточном побережье, ведущие к границе с Северным Сахалином. Из числа вновь построенных наиболее протяженной и важной была трасса между Кусюнай и Анбэцу (Возвращение) на северо-западном побережье. С завершением строительства этой дороги промышленные районы юга и восточного побережья острова были соединены с промышленными районами всего западного побережья. Следует отметить, что эта дорога была доведена до границы с Северным Сахалином, что свидетельствует и о военно-стратегическом характере путей сообщения на юге острова.

В связи с истощением природных ресурсов южной части Сахалина 10-летний план строительства дорог был пересмотрен. В 1934 г. правительством был утвержден 15-летний план по дорожно-строительным и ремонтным работам на Южном Сахалине, который предусматривал строительство дорог в ряде новых районов. На эти мероприятия было ассигновано в 2 раза больше средств, чем по предыдущему 10-летнему плану¹. В 1937 г. общая протяженность основных дорог на Южном Сахалине составляла около 1800 км². С 1938 г. данные по строительству дорог не публиковались.

Империалистическая Япония придавала большое значение строительству железнодорожных путей сообщения, как важному средству развития капиталистической экономики. В 1905 г. оккупационными войсками была проложена первая железная дорога на Южном Сахалине между Одомари и Тоёхара. В 1907 г. пропускная способность узкоколейной железной дороги уже не удовлетворяла потребность в перевозке грузов. В 1910 г. она была реконструирована на общепринятую в Японии колею.

¹ Карафуто тэ сисэй сандзюэнэн си. Токио, 1936, с.с.1346, 1349;
Карафуто такусёку кэйкаку но дзэнбо. Токио, 1934, с.12.

² Сёва дзюёнэн Карафуто ёран. Тоёхара, 1939, с.129.

В 1911 г. эта железная дорога была доведена до Сакаэхама. Здесь железнодорожная линия смыкалась с шоссейной дорогой, ведущей по восточному побережью к границе с Северным Сахалином.

Колонизация Южного Сахалина началась с юга, поэтому железнодорожная сеть начала строиться в этой части острова. В 1914 г. для нормальной эксплуатации шахт Синегорска была построена железная дорога между Каваками и Конума (Ново-Александровск), соединившая административный центр южной части Сахалина с восточным побережьем острова. К 1920 г. было закончено строительство железной дороги между Хонто и Маока на западном побережье.

В 20-х годах в связи с развитием целлюлозно-бумажной и других отраслей промышленности расширилось и строительство железнодорожных коммуникаций. Железные дороги строились не только на юге, но и в северной части Южного Сахалина. Наиболее важной железнодорожной магистралью была линия Тоёхара - Маока, соединившая южные и восточные районы с крупнейшим портом и промышленным комплексом западной части острова. Эта железная дорога, в отличие от других, пересекала Сахалинский хребет, и это сильно затруднило строительные работы. Работы по сооружению этой железнодорожной линии длились 8 лет, а затраты на ее строительство составили 14 млн. иен^I. Кроме того, были построены железные дороги между Тоёхара и Каваками, между Рутака и Синба (Дачный), между Маока и Тарандомари (Калинино) (см. таблицу 7).

В 30-х годах продолжалось строительство железных дорог на севере Южного Сахалина. В течение этого периода были проложены линии на западном и восточном побережьях. Была проведена так называемая "западная береговая железная дорога" от южной точки острова -

^I Сёва кюнэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1934, с. III.

Найхоро до Кусюнай, а также некоторые промежуточные ее линии: Найхоро - Хонто, Тарандомари - Нода, Нода - Томариору, Томариору - Кусюнай (см. табл. 7). Однако агрессия в Китае и подготовка к "большой войне" в бассейне Тихого океана требовали завершения строительства "западной береговой железной дороги", ибо северо-западная часть острова представляла наиболее важный экономический район. В 1937 г. началось строительство линии между Кусюнай и Эсутору протяженностью 142 км, которую планировалось завершить в 1943 г.^I.

Милитаристская Япония, стремившаяся к захвату советского Сахалина, придавала большое значение строительству железных дорог у его границ. Так называемая "восточная железная дорога" между Отай и Сисука протяженностью более 240 км (см. табл. 7) была построена в 1936 г., а в 1941 г. она была доведена до Котон, расположенного недалеко от советской границы. С завершением строительства этой линии граница была соединена с портами Сисука и Одомари, имевшими большое экономическое и военное значение.

Таким образом, в годы японского господства на Южном Сахалине довольно активно осуществлялось строительство железных дорог, общая протяженность которых составляла свыше 650 км (см. табл. 7). Железнодорожная сеть соединяла административный центр острова и его морские порты со всеми промышленными районами (за исключением северо-западной части Южного Сахалина), что отвечало интересам колониальных властей и милитаристских кругов страны.

В колонизации Южного Сахалина железные дороги играли большую роль. Как видно из табл. 8, если до 20-х годов грузооборот железных дорог составлял менее 320 тыс. тонн, то в последующие годы

^I Дай ситидзюго тэйкоку гикай такуму гидзи сёроку. Токио, 1940, с. 196-200.

он заметно увеличился и в 1941 г. достиг 1325 тыс. тонн¹.

Островное положение Южного Сахалина обусловило развитие морского сообщения как между колонией и метрополией, так и между портами самого острова. Без морского транспорта было немислимо осуществление широких колонизаторских планов Японии на острове.

В первые годы в Одомари и Маока строились причалы, способные принимать суда незначительного тоннажа. Эти примитивные портовые сооружения не могли обеспечить обработку возрастающего потока грузов. Поэтому примерно с середины второго десятилетия началось капитальное строительство портов на Южном Сахалине, продолжавшееся в течение всего периода японского владычества. Первый порт строился в незамерзающей бухте в Хонто, на юго-западном побережье. Хонто находился рядом с богатым угольным районом, и его акватория была богата рыбой. Первый этап работ по строительству этого порта длился с 1916 по 1926 гг. На его сооружение было ассигновано 2,5 млн. иен². Порт дал возможность швартоваться среднетоннажным судам. В 1934-1937 гг. в связи с интенсивной разработкой угля и производством жидкого топлива из угля в Найхоро, расположенном рядом с Хонто, порт расширился и его причальная стенка была доведена до 382 м. Порт был способен одновременно принимать 3 судна водоизмещением по 3 тыс. тонн³.

Однако, главным портом стал Одомари, связанный через пролив Лаперуза с портом Вакканай и другими портами острова Хоккайдо. Порт Одомари расположен в удобном месте, связан железнодорожным

¹ Карафутто тэ сисэй сандзюнэн си. Токио, 1936, с.1286-1288;

Сёва дзюгонэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1943, с.162.

² Сёва Гонэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1930, с.53-54.

³ Сёва дзюёнэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1939, с.145-146.

сообщением с основными промышленными районами острова. Это обусловило его ведущую роль среди других морских портов Южного Сахалина. Первый этап строительства порта Одомари охватывал период с 1920 по 1929 гг., на его строительство было израсходовано свыше 5,87 млн. иен¹. За это время были построены причалы длиной 427 м, пирсы и другие портовые сооружения. В результате этого порт мог одновременно принимать по пять судов общим тоннажем в 10 тыс. тонн². Второй завершающий этап строительства порта Одомари длился с 1935 по 1939 гг. За это время длина причалов увеличилась до 613 м; порт мог уже принимать 5 судов общим тоннажем 16 тыс. т³. Грузооборот этого порта составлял 400 тыс. т в год⁴.

Основным портом на западном побережье являлся порт Маока. Он также был связан сетью железных и шоссейных дорог с промышленными районами Южного Сахалина. Вблизи него располагались целлюлозно-бумажные предприятия, акватория Маока была центром рыбного промысла на Южном Сахалине. Первый этап строительства порта длился с 1921 по 1927 гг., второй - с 1935 по 1939 гг. В порту могли швартоваться суда общим водоизмещением 16 тыс. т⁵.

Северные порты Южного Сахалина строились несколько позднее, что связано с более поздней по времени колонизацией северной части Южного Сахалина. Ведущими в этом районе являлись порты Сисука и Эсутору. Сисука расположен в заливе Тарайка (Терпения) в устье

¹ Сёва Гонэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1930, с. 52-53.

² Сёва дзёёнэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1939, с. 144.

³ Там же, с. 144.

⁴ Там же, с. 144.

⁵ Там же, с. 144-145.

р. Хоронай. В этом районе развивались лесная и целлюлозно-бумажная промышленность, добыча извести и лососевый промысел. Строительные работы проводились в 1934-1935 гг. Был сооружен деревянный швартовочный причал длиной 412 м, где могли швартоваться лесотранспортные суда водоизмещением 10 тыс. т¹.

В последующие годы с целью максимальной добычи коксующегося угля и вывоза его в метрополию планировалось строительство порта в Эсутору. Строительные работы начались в 1939 г. и продолжались в течение 5 лет. На его оборудование было ассигновано почти 7 млн. иен², т.е. столько, сколько было затрачено на строительство порта Одомари - крупнейшего в южной части Сахалина. По плану строительства общая длина трех пирсов порта составляла около 2 км, имелся специальный причал для погрузки угля длиной 160 м и шириной 300 м. Кроме того, строились небольшие причалы. С завершением этих работ порт мог принимать одновременно два судна тоннажем по 10 тыс. т³. Но в последние годы войны строительство порта было законсервировано.

Кроме вышеупомянутых портов, на Южном Сахалине строилось еще около 30 небольших причалов⁴, которые были способны принимать катера и раболовные шхуны.

Порты играли важную роль в эксплуатации природных ресурсов и в перевозке сырья в метрополию. Основными видами вывозимых с Сахалина грузов являлись уголь, лес, целлюлоза, бумага, рыбопродукты. Ввозились продовольствие, промышленные товары и оборудование. Мы

¹ Ямамото Куматаро. Син Нихон тиси. Токио, 1937, с. 897.

² Дай ситидзиго тэйкоку гикай такуму гидзи сёроку. Токио, 1940, с. 197.

³ Сёва дзюёнэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1939, с. 147.

⁴ Там же, с. 147.

не располагаем данными об объеме грузооборота южно-сахалинских портов, так как японская статистика дает его только в стоимостном выражении. Так, за период 1936-1940 гг. стоимость товаров вывоза и ввоза колебалась от 170 до 440 млн. иен¹. Такое большое увеличение стоимости товаров объясняется, во-первых, ростом цен на все ввозимые на Южный Сахалин товары, наблюдавшимся с конца 30-х годов по всей Японии, во-вторых, резким увеличением объема угля, вывозимого с Южного Сахалина в метрополию. По объему грузооборота порты Южного Сахалина располагались в следующем порядке: Одомари, Эсутору, Маока, Сисука, Сиритору, Томариору, Сакаэхама, Хонто и т.д.². При этом доля первых двух значительно преобладала над остальными. Таким образом объем грузооборота был выше в тех портах, которые располагались ближе к центрам целлюлозно-бумажной, лесной и угольной промышленности.

Через основные порты Одомари и Маока Южный Сахалин был связан с некоторыми зарубежными странами. Так, основными партнерами Южного Сахалина по торговле был Китай и английская колония Гонконг которые в основном вывозили с острова бумагу, лесоматериалы и рыбопродукты. Со второй половины 20-х годов южно-сахалинские порты стали принимать суда Португалии, Египта, Голландии, Бельгии, а в последующие годы - Филиппин и стран Восточной Африки³. Эти иностранные суда в основном вывозили бумагу и уголь. Что касается торговли с советским Дальним Востоком, то она велась только в отдельные годы и ее объем был крайне незначителен: в южно-сахалинские порты осуществлялся вывоз выловленной рыбы, а в порты советского Дальне-

¹ Сёва дзюгонэн Карафутто токэйсё. Тоёхара, 1942, с.191.

² Там же, с.207-208.

³ Сёва дзюсаннэн такуму ёран. Токио, 1939, с.325.

го Востока - вывоз угля¹.

С целью оперативного повседневного руководства и контроля за осуществлением экономической политики, Япония приступила к строительству линий связи. Сначала были организованы почтовые отделения во всех районах: Тоёхара, Одомари, Икусагава, Наёси и Сисука, а также в пограничной зоне. В первые годы почтовое обслуживание было неустойчивым, отсутствовало регулярное пассажирское сообщение между Южным Сахалином и Хоккайдо. Однако с развитием колонизации устанавливалось почтово-телеграфное сообщение. В 1931 г. в Тоёхара был построен главпочтамт, оборудованный коротковолновой телеграфной аппаратурой и автоматическим телефонным коммутатором. Его отделения находились в различных районах острова. В 1940 г. число почтовых отделений достигло 95, половина из них имела междугородный телефон, телеграммы принимались почти во всех отделениях². Существовали три телеграфные станции: в Одомари, Эсутору и при главпочтамте Тоёхара. Первые две, построенные в 1921 и 1937 гг. обслуживали судовой телеграф. Через главпочтамт Тоёхара осуществлялась телефонная и телеграфная связь между Южным Сахалином и метрополией. Но телеграфные переговоры с Японией стали возможными только с 1934 г., когда был проведен подводный кабель через пролив Лаперуза. По данным 1938 г., протяженность телефонных линий на Южном Сахалине составляла около 5600 км³. Они проходили от южной оконечности острова до самой границы с Северным Сахалином по восточному и западному побережьям.

В годы второй мировой войны империалистическая Япония использовала пути сообщения, порты и линии связи Южного Сахалина и Курильских островов в агрессивных целях против СССР. Об этом свиде-

¹ Сёва дзюсаннэн такуму ёран. Токио, 1939, с.323.

² Сёва дзюрокунэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1942, с.144.

³ Сёва дзюёнэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1939, с.162.

тельствует тот факт, что Япония стремилась помешать свободному судоходству советских торговых судов через проливы. Оставив за Советским Союзом право использовать Корейский пролив и пролив Лаперуза (причем, только в дневное время), Япония в 1944 году запретила, однако, советским судам проход через Сангарский пролив. Советскому Союзу явно было невыгодно принимать японское предложение, ибо предлагаемые пути были длиннее, что сократило бы число рейсов. Причем в зимнее время пролив Лаперуза замерзал. Эти действия японской стороны нарушали договор о нейтралитете 1941 г., заключенный между СССР и Японией. Тем не менее, Советский Союз был вынужден принять условия японских милитаристов, чтобы не усугублять и без того напряженные советско-японские отношения. Тем не менее, японские власти установили жесткий контроль за всеми проходящими через эти проливы советскими судами. Более того, имели место случаи непосредственного нападения на советские торговые суда и их потопления. За период 1941-1944 гг. было задержано 178 и потоплено 25 торговых судов Дальневосточного пароходства¹.

Приведем несколько примеров. Так, 20 апреля 1943 г. в порту Одомари было задержано на 35 суток транспортное судно "Двина", японская жандармерия издевалась над членами экипажа этого парохода. 29 апреля 1943 г. в этом же порту на 2 месяца было задержано судно "Ингул". 14 января 1944 г. советское торговое судно "Мария Поль" село на мель в районе Одомари, но японская сторона ему не оказала помощи, в результате чего судно затонуло. 15 июня 1944 г. в проливе Лаперуза японским военным самолетом было потоплено торговое судно "Трансбалт" и т.д.².

¹ Колотов Н. А. Океан в огне. Владивосток, 1972, с. 5; с. 121.

² Нихон но тайсо инбо. Токио, 1948, с. 198-199.

Эти факты свидетельствуют о том, что не только сухопутные пути сообщения, но и порты и морские пути использовались японскими империалистами в агрессивных целях против Советского Союза.

В Ы В О Д Ы

В годы японского господства экономика Южного Сахалина и Курильских островов имела колониальный характер. Острова с богатыми природными ресурсами служили сырьевым придатком японской промышленности. Природные богатства островов расхищались государственно-монополистическим капиталом Японии. На Южном Сахалине ведущими отраслями хозяйства были целлюлозно-бумажная, лесная и рыбная промышленность. С середины 30-х годов началась хищническая эксплуатация южно-сахалинских углей, являвшихся стратегическим сырьем. Сырье и полуфабрикаты, в основном, вывозились в метрополию, поэтому за короткое время естественные богатства - лес, рыба, морепродукты, ценные морские звери были истощены до предела. Колониальный характер развития экономики проявлялся и в сельском хозяйстве, о чем говорит его подсобное значение в экономике острова. Шоссейные, железные дороги, порты и линии связи служили интересам монополистического капитала и милитаристских кругов страны.

В целом экономика Южного Сахалина и Курильских островов была подчинена интересам монополистического капитала и военици и служила целям подготовки и ведения войны против Советского Союза и стран Азии.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я
СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА
НА ЮЖНОМ САХАЛИНЕ И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ

§ I Положение японских трудящихся

Капитализм в Японии развивался при значительном сохранении феодальных отношений во всех сферах хозяйственной и общественной жизни страны. Это обусловило особенности формирования рабочего класса, который пополнялся за счет крестьянства в условиях исключительной нищеты и жестокой капиталистической эксплуатации.

В.И. Ленин писал, что "... предшествующая капитализму форма общественного устройства - феодальная, крепостническая - сама создавала свою особую нищету, которую она и передала по наследству капитализму"¹.

Чем больше пережитков феодализма сохраняется в экономике капиталистических стран, чем больше нищеты унаследовал капитализм от феодализма, тем ниже жизненный уровень рабочих. У японских трудящихся он был еще более низким, нежели у американского или западноевропейского пролетариата.

Накануне и в годы второй мировой войны положение японского рабочего класса резко ухудшилось. Во многих отраслях экономики был установлен 12-часовой рабочий день, но фактическая продолжительность его составляла 14 и более часов. Под влиянием растущей инфляции на 50-100% и выше поднимались розничные цены на товары первой необходимости, падала реальная заработная плата. Положение основной массы японских крестьян было еще хуже. Доход крестьянина-собственника был втрое меньше среднего заработка рабочего. Безземельные крестьяне - арендаторы и батраки жили в еще более трудных

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. I, с. 477.

условиях, чем крестьяне-собственники.

На Южном Сахалине и Курильских островах на протяжении всего периода японского господства в силу малочисленности населения, интенсивной экономической колонизации ощущалась нехватка рабочей силы. Это обстоятельство привело к тому, что здесь заработная плата была несколько выше, чем в метрополии. Однако товары были примерно в полтора раза дороже. Поэтому положение рабочих и крестьян мало отличалось от положения в собственно Японии.

Нами рассмотрено положение рабочих ведущих отраслей хозяйства Южного Сахалина. В первые годы основной отраслью экономики была рыбная промышленность. В 1905 г. военным губернатором был издан указ "Временные правила рыболовства в водах Южного Сахалина". Этот указ определил экономическое положение южно-сахалинских рыбаков. На основании этого указа простые рыбаки лишались права ловить лососевую рыбу и сельдь, а также подбирать сельдь, выброшенную волной на берег¹. "Временные правила" предусматривали для них лов только второстепенных видов рыбы: минтая, наваги, трески и других. В случаях нарушения этого закона жители подвергались штрафу.

Поэтому простые рыбаки не могли прокормить свои семьи на доходы, получаемые от рыболовства. Один из руководителей движения рыбаков Южного Сахалина К. Хоти писал: "Рыбаки Южного Сахалина находились в исключительно трудных условиях. Они жили в ветхих бараках и даже не имели права подбирать рыбу, выброшенную волной на берег. Рыбаки были на грани голодной смерти"². О тяжелом положении рыбаков говорит и тот факт, что рабочие краболовной базы "Эторофу-мару" трудились более 20 часов в сутки, получая питание в виде кормовых отхо-

¹ Сугимото Дзэндзиро. Карафутто гэсэй кайсэй энкаку си. Тоёхара, 1935, с. 109.

² Гёмин ундо но кэйка о катару. Тоёхара, 1935, с. 393.

дов, которые предназначались для скота^I. В таком же тяжелом положении находились рыбаки различных рыболовных баз, работавших в районе Курильских островов и Камчатки.

Не лучшим было положение шахтеров, в формах эксплуатации которых выделялись три вида. Первая форма сводилась к полной зависимости рабочих от капиталиста. При этой форме он лично сам производил вербовку рабочей силы и занимался трудовыми и жилищными вопросами, а также выдачей заработной платы. Естественно, это не могло не привести к наиболее жестокой форме эксплуатации рабочих. Она отмечалась в основном на мелких шахтах, где работало незначительное количество горняков. Ко второй относилась такая форма эксплуатации, когда фирма, нанимающая рабочих, сама производила выдачу заработной платы, но трудовыми, жилищными вопросами, а также вербовкой рабочих занимались подрядчики, заключавшие контракты с фирмой. При этом последние получали определенную долю заработка рабочих как от самих рабочих, так и от предпринимателей. От предпринимателей подрядчики получали эту долю по контрактам. С рабочих же они взимали гораздо больше установленной "доли", так как контракты как таковые с рабочими при вербовке обычно не заключались, а ограничивались устными обещаниями. Эта форма эксплуатации была преобладающей. При третьей форме эксплуатации все вопросы разрешала фирма с помощью своих контрагентов, а не посторонних подрядческих фирм. Эта форма была наиболее распространена в Японии. На шахтах Южного Сахалина она стала основной только накануне и в годы второй мировой войны.

Вместе с тем следует рассмотреть и методы эксплуатации горняков-забойщиков. Мерой определения объема добытого угля в ряде шахт являлся ящик установленного объема. При проверке количества добытого угля нормировщик всегда мог придаться либо к объему, либо к

^I Сёва гонэн си. Токио, 1931, с. 472.

наличие камней в угле. Более того, при утере бирки, прикрепленной к ящику, нормировщик не учитывал добытый уголь. Все это свидетельствует о том, что формы и методы эксплуатации шахтеров были весьма замаскированными и жестокими.

Кроме того, горнякам Южного Сахалина приходилось работать в ужасных условиях. Во многих шахтах было очень мало вентиляционных установок, хотя почти все шахты Южного Сахалина были газоопасными. До середины 30-х годов, по степени механизации и электрификации, шахты южной части Сахалина отставали от шахт метрополии, добыча угля в них производилась ручным способом. К тому же техника безопасности на шахтах была весьма неудовлетворительной. В таких условиях рабочее время шахтеров длилось 12 часов при двухсменной системе с одним выходным днем. В силу этого горняки не могли работать в шахтах свыше 8 лет и увольнялись по состоянию здоровья. По общеяпонским данным, в начале 30-х годов 75% горняков после 3 лет уходили из шахт или переходили на другую работу^I. Особенно усилилась эксплуатация шахтеров в годы войны, что было связано с нехваткой рабочих рук и стремлением обеспечить максимальную добычу угля.

Как было сказано, одной из ведущих отраслей производства Южного Сахалина являлась лесная и целлюлозно-бумажная промышленность где было сконцентрировано довольно большое количество рабочих (см. главу I, § 2). Однако состав рабочих в этих отраслях экономики формировался по-разному. В лесной промышленности в основном были заняты сезонные рабочие. Это объясняется тем, что рубка и транспортировка леса к рекам производилась только в зимнее время. На целлюлозно-бумажных фабриках состав рабочих был относительно постоянным.

^I Огава Синьити. Родося но дзэтай оёби родо ундо си. т.2. Токио, 1932, с.18.

В зависимости от профессиональной специализации рабочих этих производств цена рабочей силы в них была разной. Угнетение и эксплуатация рабочих была сильнее в лесной промышленности. В этой отрасли хозяйства организацией труда и устройством жизни рабочих не давали подрядчики. Они получали определенный процент заработка каждого рабочего. К тому же за общежитие, питание и другие формы бытового "обслуживания" рабочие платили гораздо больше стоимости этих услуг. В результате такой жестокой эксплуатации лесорубы получали в день не более 3,5-4 иен. Это показывает, что заработки лесорубов были почти одинаковы с заработками рядовых рабочих целлюлозно-бумажных фабрик, хотя цена их труда и стоимость жизни была гораздо выше.

Характерной особенностью эксплуатации труда японских рабочих является применение европейских методов эксплуатации в сочетании с широким использованием специфических японских средневековых форм угнетения. Поэтому немалая часть японских рабочих находилась на положении рабов.

Это было особенно заметно на Южном Сахалине и Курильских островах на земельно-строительных объектах "такобэя", где процветала жесточайшая форма эксплуатации рабочих. Слово "такобэя" ("тако" - "осьминог", "бэя" - "помещение", т.е. "помещение для осьминога") красноречиво характеризует положение рабочих-землекопов, так как завербованные рабочие становились подобными беспомощному осьминогу, попавшему в пещеру, где он погибал.

Однако "такобэя" - это не только понятие жилища подневольных землекопов. Под этим словом подразумевается целая система социально-экономического угнетения и эксплуатации трудящихся, попавших в полную зависимость от своего хозяина.

Формирование системы "такобэя" в некоторой части японской империи связано с развитием капитализма в стране. "Такобэя" воз-

никла еще в конце прошлого века в северной части Хонсю и на о. Хоккайдо, которые осваивались позже, чем другие районы Японии. На Курильских островах и на Южном Сахалине она возникла позже, в XX в. Появлению здесь "такобэя" способствовала нехватка рабочей силы на земельно-строительных работах, где требовался тяжелый физический труд, особенно на строительстве железных и шоссейных дорог, шахт и т. д.

"Такобэя" организовывалась подряческими фирмами земельно-строительных работ путем вербовки рабочих в южной части Сахалина и Курильских островов, Хоккайдо и севере Хонсю. При этом формы и методы вербовки имели свои особенности. Вербовку организовывали субподрядчики, устанавливавшие связь с владельцами различного рода заведений (кабаков, публичных домов, гостиниц и т. п.). Последние оказывали услуги в вербовке рабочих и получали от этого солидную прибыль¹. Объектом вербовки служили деклассированные элементы и люди, не имевшие постоянной работы, особенно молодежь. Методом закабаления являлось предоставление ссуды с условием возврата в определенный срок². Должник, не рассчитавшийся вовремя с долгами, становился "собственностью" подрядчика и находился в положении рабочего скота до конца своей жизни.

"Такобэя" - насильственно организованная форма обезжизнения земельно-строительных рабочих, попавших в кабальные условия жизни и труда, диктуемые хозяевами. Жилье рабочих находилось в труднодоступном месте, расположенном далеко от населенных пунктов. Во главе "такобэя" стоял так называемый "ояката" ("старшина"), его помощниками являлись "сэваэку" ("распорядитель") и "когасира" ("бригадир")

¹ Ж. Карафутто. № 3. Тоёхара, 1936, с. 80.

² Там же, с. 80-81.

Во главе каждой группы, взвода и роты стояли надсмотрщики. Среди них наиболее жестокими являлись "богасира" ("надсмотрщик с дубинкой"), которые возглавляли группы, состоявшие из 5-10 человек. Таким образом, в целом "такобэя" организовывалась по военной системе.

"Такобэя" характеризовалась строжайшей дисциплиной: "тако" (так называли рабочих "такобэя") во избежание группового побега или бунта запрещалось разговаривать между собой и задавать вопросы надсмотрщикам. В ночное время за порядком следил сторож-надсмотрщик. "Тако" ходили на работу и домой колонной под строгим контролем. При этом на руки им надевали наручники, как каторжникам. В случае проявления недовольства в какой бы то ни было форме или случайного нарушения дисциплины, виновные и даже невинные - все подряд - подвергались жестокому палочному избиению, от которого они иногда умирали¹.

"Такобэя", будучи жесточайшей формой эксплуатации, свидетельствовала о том, что тяжелый физический труд подневольных рабочих был обесценен до крайности. Труд "тако" не был нормирован и они не знали даже каков их заработок, сколько денег идет на одежду и обувь, которые предоставляли им подрядчики. Хозяева "такобэя" наживались и на питании. За пищу и выдаваемые иногда табак и sake эксплуататоры высчитывали огромные суммы, в результате чего "тако" всегда оставались должниками².

Таким образом, хорошо продуманный метод закабаления путем прямого обмана ставил рабочих в положение пожизненных рабов и "тако" было практически невозможно избежать зависимости от хозяев.

"Такобэя" отчетливо проявилась и в условиях труда, и в

¹ И. Карафуто. № 3. Тоёхара, 1936, с. 82.

² Там же, с. 82.

методах использования "тако" как рабочей силы. Они работали на наиболее тяжелых и опасных участках работ, причем их рабочее время длилось не менее 16 часов в сутки. Кроме того, надсмотрщики обращались с "тако" как с рабочим скотом. Они заставляли даже больных работать наравне со здоровыми. Так, бывший "тако" Кимура Тоётаро в интервью, данном корреспонденту еженедельника "Карафутто" отметил следующее: "Больного, который не мог ходить пешком, носили на носилках до места работы, после этого "надсмотрщик с дубинкой" давал больному лопату. Если больной не мог держать лопату, то ему не давали пищу. Надсмотрщик избивал его до потери сознания, затем обливал холодной водой. Многие умирали от сердечного приступа, тела умерших бросали под камни"¹.

Избивали и физически слабых, отстававших в работе от других. Палочному избению подвергались и вновь прибывшие рабочие. В первые дни их специально избивали для того, чтобы приучить к дисциплине, выработанной владельцами "такобэя", физически ослабить во избежание возможного случая побега, сломить их волю. Избиение носило повседневный характер, и после первых дней пребывания в "такобэя", "тако" переставали чувствовать боль в момент избения и ощущали только страх².

Система "такобэя" и по форме наказания была близка к рабству. Об этом говорят различные формы пыток, которым подвергались "тако" за нарушение правил распорядка. Иногда их подвешивали над горящим костром, подвергали и другим пыткам. Вспоминая свою прошлую адскую жизнь в "такобэя", Миядзаки Сюдзи говорил: "Везером раздевают догола, связывают руки, ноги, после чего тело смазывают самогоном и бросают во двор. Сразу же слетаются комары и выса-

¹ И. Карафутто. № 3. Тоёхара, 1936, с. 82.

² Накано Ёсио. Указ. соч., с. 22.

сывают кровь. В первые две минуты можно терпеть, но через пять минут даже крепкие люди теряют сознание. Говорят, что через двадцать минут люди умирают..."¹. пытки нередко кончались смертельным исходом².

На Южном Сахалине и Курильских островах рабочая сила "тако", как наиболее дешевая, использовалась довольно широко. В 1923-1926 гг. на Хоккайдо, включая Курильские острова, "тако" насчитывалось 25-35 тыс. чел., в 1937 г. - около 30 тыс. чел.³. Что касается Южного Сахалина, то там численность "тако" была сравнительно меньше, чем в вышеупомянутых районах. Об этом свидетельствуют как косвенные материалы, так и рассказы бывших старожилов острова. На Южном Сахалине было около 30 фирм-подрядчиков по земельно-строительным работам, имевших "тако". Такими являлись фирмы "Эндо-гуми", "Окура-гуми", "Хориути-гуми" и другие. Из них примерно 10 фирм и мело по 300-500 "тако", другие - меньше. Отсюда можно предполагать, что численность "тако" составляла 5-6 тыс. человек.

Что касается высокой смертности среди "тако", то размеры ее также точно не установлены, к тому же они всячески скрывались властями. Известно, что на строительстве железной дороги между Тоёхара и Маока, которая проходит через горные ущелья, особенно на строительстве так называемого "чертова моста", погибло очень много "тако" - японцев, корейцев и китайцев⁴. Надо полагать, что на Южном Сахалине смертность среди "тако" была не меньше, чем на Хоккайдо и Курильских островах, где она составляла, по неполным данным, 0,8%

¹ М. Карафута. № 3. Тоёхара, 1936, с. 85.

² Там же, с. 85-86.

³ Хоккайдо си. т. 4. Токио, 1937, с. 940.

⁴ Пак Ген сик. Указ. соч., с. 41.

в год от общей численности "тако"¹.

Система "такобэя" тщательно скрывалась от общественности. Однако вопиющие факты бесчинств не могли не стать достоянием гласности. Материалы, свидетельствующие об истинном положении "тако", хотя редко, но все же просачивались в печать. Прогрессивные и революционно настроенные деятели требовали от властей запрета системы "такобэя".

Под давлением растущего недовольства рабочих "тако", а также передовой общественности Хоккайдо, власти вынуждены были издать указы (1914 и 1919 гг.)², призванные смягчить сложившуюся систему. Однако, вмешательство властей в систему "такобэя" ограничилось формальным изданием законов, система по-прежнему продолжала существовать.

На Южном Сахалине еще в течение ряда лет "такобэя" продолжала процветать. Лишь только в середине 20-х годов центральные власти Японии вынуждены были вмешаться в дела "такобэя". Так, в 1925 г. министерством по делам колоний был издан специальный указ³, который был направлен на смягчение наиболее жестоких злоупотреблений: надевать наручники, использовать труд больных и т.п. Безусловно, не в интересах властей было полностью покончить с этой рабской системой, и поэтому она продолжала существовать.

Далее, рассмотрим экономическое положение крестьян Южного Сахалина. Основываясь на данных аграрной статистики, можно проследить соотношение между собственниками земли и арендаторами, которое характеризует социальную структуру деревни. В период 1931-1940

¹ Хоккайдо си. т. 4. Токио, 1937, с. 940.

² Там же, с. 939-940.

³ Хоккайдо си. № 4. 1937, с. 939.

гг. число крестьян, работавших только на собственной земле, составляло 76-80% от общего числа, арендаторов - 14-15%, число собственников небольших наделов земли, вынужденных дополнительно арендовать ее у богатеев - 6-9%^I. Несмотря на то, что на Южном Сахалине количество крестьян, имевших собственную землю, было довольно большим, число арендовавших землю, полностью или частично, составляло около 20% всех крестьян. Таким образом, при наличии свободных земель и малочисленности крестьянства на Южном Сахалине все же определенная часть крестьян не имела достаточного количества земли и относилась к числу малоземельных или безземельных.

В сельском хозяйстве Южного Сахалина кулаки использовали наемный труд. Положение крестьян-арендаторов, работавших по найму у кулаков, было тяжелым. За аренду земель южно-сахалинские крестьяне выплачивали кулакам обычно натурой, как и в собственно Японии. По рассказам старожилов, размер этой натуральной платы составлял около 50% урожая у арендованных ими участков. Помимо этого за эти участки кулаки получали и денежную плату. Кроме того, владельцы земель устанавливали минимум урожайности с 1 танбу (около 10 соток). При таких условиях, чтобы прокормить свою многодетную семью, сахалинским крестьянам-арендаторам приходилось работать не меньше, чем крестьянам в Японии. Они работали обычно от зари до темноты, в полевых работах были заняты все члены семьи, дети и женщины.

Крестьяне, особенно безземельные и малоземельные, жили гораздо беднее, чем рабочие. Это объясняется тем, что сельскохозяйственная продукция, получаемая крестьянами Южного Сахалина, доставлялась на рынки позже, чем сельхозпродукция Хоккайдо, и поэтому не выдерживала конкуренции. Она продавалась дешевле и доходы крестьян

^I Сёва дзюгонэн Карафутто тё токэйсё. Тоёхара, 1942, с.40-41.

были весьма небольшими. Кроме того, урожайность полей Южного Сахалина уступала урожайности в других районах Японии. К тому же, как упомянуто выше, товары на Южном Сахалине стоили примерно в полтора раза дороже, чем в метрополии. Все это сказывалось на экономическом положении сельского населения острова. По имеющимся данным, в начале 30-х годов при наличии 6 членов семьи среднемесячный расход на питание составлял около 60 иен, на одежду - примерно 15 иен. Следовательно, месячное питание одного человека составляло 10 иен или 33 сен в день. О низком уровне жизни крестьян говорит тот факт, что бедняки-крестьяне обычно питались кашей, сваренной из риса, смешанного с рожью или овсом.

Вследствие этого основная масса крестьян вынуждена была искать дополнительные средства существования. Они в свободное от сельскохозяйственных работ время, зимой и ранней весной, уходили на заработки в лесную промышленность и на рыбный промысел, а часть крестьян стала переходить в более доходные отрасли производства или же возвращаться в метрополию.

Таким образом, несмотря на то, что на Южном Сахалине и Курильских островах заработная плата рабочих была несколько выше, чем в Японии, в наличие было сравнительно больше свободных земель, положение трудового населения мало отличалось от положения трудящихся собственно Японии. Рабочие и крестьяне жили всегда в большой нужде. Об их тяжелом положении, кабальной зависимости от своих хозяев - эксплуататоров говорит японская поговорка: "Крестьянин, что кунжутное семя, - чем больше жмешь, тем больше выжмешь".

§ 2 Национальная политика по отношению к аборигенам и корейцам

Японское господство на Южном Сахалине и Курильских островах наложило глубокий отпечаток на жизнь местного населения, при-

вела к изменению условий их жизни, самым отрицательным образом повлияла на их хозяйственную деятельность, традиционную культуру и быт. Отношение Японии к национальным меньшинствам Южного Сахалина и Курил ярко характеризует национальную политику буржуазного государства. В.И. Ленин говорил о двух политиках, двух мировоззрениях в национальном вопросе: о буржуазном национализме и пролетарском интернационализме, соответствующих двум великим классовым лагерям^I.

Малые народности являлись объектом жестокой экономической эксплуатации со стороны японских колонизаторов. Колонизаторы широко афишировали тот факт, что они будто бы научили эти народности промышленному рыболовству и сельскому хозяйству. Однако, это делалось исключительно в интересах колонизаторов и предпринимателей в ущерб жизни самих аборигенов. Под предлогом "покровительства аборигенам" японские капиталисты и кулаки широко эксплуатировали их как наиболее дешевую рабочую силу. Труд аборигенов не нормировался ни временем, ни оплатой. Они получали за свой труд ровно столько, сколько хозяин считал нужным заплатить им. Существовали и другие формы закабаления аборигенов. Они выражались в оказании "помощи" им в виде продажи товаров первой необходимости и в их спаивании за счет японских предпринимателей и т. д. Аборигенное население не в состоянии было расплатиться с долгами, в результате чего попадало в постоянную кабальную зависимость от своих хозяев.

В условиях капиталистической Японии жизнь малых народностей острова в основном зависела от вылова лососевых, которые составляли основу их питания. Однако японские рыбопромышленники хищническим промыслом разрушали эту материальную основу существования айнов, ороков и нивхов. Айны вынуждены были жаловаться местным властям, наивно надеясь на их помощь. Как и следовало ожидать, их положение не улучшилось.

^I Ленин В.И. Соч., т. 24, с. 123.

Идейной основой национальной политики японского империализма был буржуазный национализм, шовинизм, пренебрежительное отношение ко всем неапонским народам.

Нами рассмотрены некоторые особенности национальной политики японского империализма в отношении аборигенного населения острова. В частности, заслуживает особого внимания правовое положение малых народностей. Японские власти дифференцированно подходили к решению национальной проблемы, мотивируя это особенностями исторического развития айнов с одной стороны и других аборигенов. С начала японского господства на южной части Сахалина они распространили на айной общепринятое японское гражданское законодательство¹. Для детей айнов в двух районах были открыты специальные школы². Однако, по отношению к орокам и нивхам японцы проводили политику наиболее крайней дискриминации. Для их детей школа была открыта только в 1930 г. и только в 1933 г. на них распространилось гражданское законодательство Японии³. Однако неайнские народности до освобождения Советской Армией Южного Сахалина так и не получили японского подданства.

Это в достаточной степени свидетельствует о том, что японские власти даже по отношению к столь немногочисленным коренным жителям Южного Сахалина проводили политику национального разъединения по принципу "разделяй и властвуй". Они угнетались всей системой капиталистической Японии. Колонизаторы сознательно разжигали и поддерживали национальную вражду между ними. Японцы, создавая видимость невмешательства в дела малых народностей Южного Сахалина, цинично выдавали себя сторонниками национального примирения.

¹ Сёва дзюэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1935, с. 343.

² Тайсё хатинэн Карафутто тёдзи ёран. Саппоро, 1919, с. 143.

³ Сёва дзюэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1935, с. 343.

Буржуазная историография Японии возхваляла политику японского империализма в решении национального вопроса в отношении аборигенного населения острова. Известный айновец Нисидзурю Садаёси писал, что в прошлом малые народности острова были ленивыми и сплошь неграмотными, и только японцы приобщили их к культуре и цивилизации^I. Такое утверждение не имеет основания. Об этом свидетельствуют факты. К моменту оккупации Южного Сахалина малые народы находились на стадии разложения родового строя. Развитие капиталистических отношений ускорило гибель патриархального строя, но привело аборигенов к полной колониальной зависимости от японских монополий. Традиционный уклад жизни айнов был нарушен; часть их насильственно была оторвана от привычных занятий и вовлечена в сельскохозяйственное производство, а часть использовалась на добыче сырья для нужд промышленности. Они вынуждены были жить обособленно в своих резервациях, где были предоставлены воле судьбы. Здесь, в резервациях, консервировались архаичные и отсталые черты их жизни и быта; население было изолировано от влияния извне. Малые народы были оторваны от общественно-культурной жизни острова. Вследствие этого у аборигенных жителей длительное время был чрезвычайно низкий культурный и материальный уровень жизни. Среди айнов не было грамотных людей. Учителями в айнских школах обычно были японцы или приглашенные хоккайдские ассимилировавшиеся айны. Подавляющая часть аборигенного населения Южного Сахалина оставалась неграмотной до освобождения в 1945 г. Советской Армией, что может служить критерием "цивилизованности" населения.

Как сказано выше, в 1909 г. на Южном Сахалине впервые были созданы айнские школы - одна в селе Отихо на восточном побережье другая - в селе Тарандомари на западном побережье. В 1920 г. коли-

^I Карафутто додзин. Тоёхара, 1940, с.2.

чество школ достигло 10, где обучалось 179 детей, примерно 40% от общего числа детей айнов школьного возраста¹. Посещаемость японских школ детьми айнов была низкой вследствие презрительного, высокомерного отношения японских детей к айнам. В последующие годы количество школ для айнских детей под предлогом финансовых затруднений стало сокращаться. Губернатор Южного Сахалина неоднократно заявлял, что многие айны достаточно ассимилировались среди японцев, и их дети могут учиться в японских школах. В последующие годы эта тенденция усилилась. В 1933 г. в связи с принятием айнами японского подданства айнские школы были расформированы, и детям пришлось учиться в японских школах.

Таким образом, вводя образование среди айнов, японские власти стремились его использовать в качестве средства, ведущего к ассимиляции народности.

Колониально-националистическая политика японского империализма в области образования отчетливо проявилась и в отношении к неайнским аборигенам южной части Сахалина. Так, дети ороков, нивхов и других малых народностей в течение почти 30 лет не обучались в школах. Только в 1930 г. в районе Сисука открылась, наконец, школа для детей ороков, нивхов и других народностей. В 1940 г. в этой школе обучалось около 25-35 учащихся², что составляло примерно 60% детей школьного возраста. Такое положение японские идеологи объясняют отсталостью общественного и интеллектуального развития этих малых народностей.

Эта расистская теория японских колонизаторов не может служить оправданием национального угнетения отдельных народностей юж-

¹ Карафуту тёдзи иппан. Саппоро, 1924, с.144.

² Додзин но ханаси. Тоёхара, 1940, с.37.

ной части Сахалина. Она лишний раз свидетельствует о том, что национальная политика Японии строилась на принципах превосходства одного народа над другими.

При рассмотрении национальной политики японского империализма в отношении коренного населения Южного Сахалина особое место занимают проблемы гигиены и здравоохранения. Известно, что вследствие бесправного положения аборигенов острова, вопросы санитарии и здравоохранения малых народностей никем не решались. В лучшем случае в период эпидемических заболеваний производились прививки против оспы, холеры и других болезней. О крайне неудовлетворительном состоянии медицинского обслуживания местного населения говорит и тот факт, что среди них было много венерических больных, зараженных сифилисом и гонореей. По материалам обследования аборигенов Поронайского района в 1936 г. в районах рыбного промысла 60% женщин-аборигенов страдало от этих болезней¹. Ненормальные жилищные и санитарные условия жизни и труда способствовали широкому распространению легочных и желудочных заболеваний. Широко были распространены кожные болезни. В результате этого отмечалась высокая смертность аборигенов, особенно грудных детей и женщин.

Все это привело к резкому сокращению численности коренного населения южной части Сахалина². Официальные данные о смертности аборигенов острова в статистических сборниках и справочниках губернаторства отсутствуют. Однако статистические данные о численности местного населения косвенно свидетельствуют о высокой смертности. Так, за 1905-1940 гг. число аборигенов сократилось с 2600 до 1660 чел.³, т.е. почти на 17,5%. Главной причиной такого сокращения нуж-

¹ Ж. Карафуто тэхо № 1. Тоёхара, 1937, с.160.

² Додзин но ханаси. Тоёхара, 1940, с.19-20.

³ Сёва дзюгонэн Карафуто тэ токэйсё. Тоёхара, 1942, с34.

но считать вымирание от эпидемических заболеваний и тяжелых условий труда и жизни. Таковы последствия "цивилизаторской миссии" японского империализма среди аборигенов Южного Сахалина.

Таким же было отношение японских колонизаторов и к корейцам, проживавшим на Южном Сахалине. В период японского господства в Корее народ этой страны был бесправным. Режим, установленный в Корее иноземными хозяевами, служил основой жестокой эксплуатации и национального гнета корейских крестьян и рабочих. Преследования и расправы с политически неугодными для японских поработителей корейцами были обычным явлением. Поэтому в силу социально-экономических и политических причин многие корейцы вынуждены были оставлять свои родные места и мигрировать в поисках работы и убежища в различные районы Японии, ее колонии и за границу, в том числе и на Южный Сахалин.

По нашему мнению, миграцию корейцев по характеру и форме, можно разделить на два этапа. В первый период с 1910 по 1938 гг. миграция корейцев за пределы Кореи была свободной. Лишь в последние годы этого периода началось строгое ограничение въезда корейцев в Японию и на Южный Сахалин¹ из-за боязни большого притока корейцев в метрополию и ее колонии.

По социальному составу корейские переселенцы являлись крестьянами-бедняками, завербованными японскими подрядчиками на различные хозяйственные работы. В 1910 г. число этих корейцев составляло 33 чел., а в 1920 г. - 510 чел. После аннексии Кореи миграция корейцев в Японию и ее колонии усилилась. К 1930 году численность корейского населения в собственно Японии составляла уже около 40 тыс. чел.², а на Южном Сахалине свыше 8 тыс. чел. Однако с начала 30-х годов до 1940 г. заметного увеличения корейцев в южной части Саха-

¹ Пак Ген Сик. Тёсэндзин кёсэй но кироку. Токио, 1963, с. 50.

² Ямасита Рюмон. Указ. соч., с. 114.

лина не наблюдалось, а в отдельные годы даже отмечалось уменьшение численности корейского населения. Уменьшение численности корейцев на острове объясняется, с одной стороны, ограничениями, введенными японскими властями на въезд корейцев, а, с другой стороны, стремлением самих рабочих, находившихся в тяжелом экономическом и бесправном положении, вернуться на родину после истечения договорного срока.

Во второй половине 30-х годов расширение агрессивных военных действий Японии вызвало необходимость издания законов: "О всеобщей и государственной мобилизации", "О трудовой повинности нации" и др. которые подчиняли всю деятельность в области экономики, политики и трудовых ресурсов страны интересам военизации. В связи с этим в некоторых отраслях экономики Японии и в ее колониях резко возросла потребность в рабочей силе, особенно на стратегически важных предприятиях и на строительстве военных объектов. Резервом рабочей силы для японских милитаристов являлась Корея, откуда бралась в основном молодежь военно-призывного возраста. По характеру и форме мобилизация носила военно-полицейский характер. По указу генерал-губернатора Кореи каждый уезд и село в обязательном порядке выделяли определенный контингент людей. Уклонившиеся от трудовой повинности подвергались шестимесячному тюремному заключению. Мобилизованным рабочим выдавалось обмундирование военного образца, и под охраной полицейских они специальным поездом доставлялись в порт Пусан. Отсюда после получения пропуска они прибывали на Южный Сахалин и распределялись по шахтам.

В 1939 г. японские власти насильно мобилизовали 85 тыс. корейцев на работы в различные районы Японии и ее колонии, в том числе на Южный Сахалин и Курильские острова^I. В 1940-1941 гг. под

^I Пак Ген Сик. Указ. соч., Токио, 1963, с. 50.

лозунгом "Увеличим добычу угля во имя Родины и во имя войны" было отправлено на шахты Японии, Южного Сахалина и островов Южных морей свыше 197 тыс. корейцев. В 1942 г. было насильственно мобилизовано и отправлено на шахты и земельно-строительные работы в Японию и на Южный Сахалин 330 тыс. чел.¹. В 1943-1944 гг. в связи с развертыванием военных действий на Тихом океане, было мобилизовано 600 тыс. корейцев на строительство аэродромов, портов и на другие работы², из них 120 тыс. чел. приходилось на 1943 г.³. Следует отметить, что около половины этих рабочих использовались на угольных шахтах. Так, если на Хоккайдо около 50% горнорабочих составляли корейцы⁴, то на Южном Сахалине их было свыше 50%⁵. В масштабе всей Японии корейские рабочие угольных шахт составляли 31%⁶. Таким образом, труд корейцев использовался в интересах японской армии в самых трудоемких отраслях промышленности.

Мы не располагаем точными данными о количестве насильно мобилизованных на Южный Сахалин корейских рабочих. Однако, статистические данные губернаторства о национальном составе населения острова позволяют сказать, что их было около 20 тыс. чел. В 1939 г. до начала насильственной мобилизации на Южном Сахалине жило около 9 тыс. корейцев, а в 1945 г. - свыше 40 тыс.⁷.

¹ Пак Ген Сик. Указ. соч., Токио, 1963, с. 51-54.

² Там же, с. 54.

³ Аоки Такэтаро. Нихон номин ундо си. т. 4, Токио, 1956, с. 15.

⁴ Пак Ген Сик. Указ. соч., с. 57.

⁵ ГАСО. ф. I и-с, оп. I с., д. 152.

⁶ Пак Ген Сик. Указ. соч., с. 57.

⁷ АСГУ. Основной фонд № 3786. История геологического изучения угольных месторождений о. Сахалина. Южно-Сахалинск, 1970, с. 5.

Социальный состав корейцев Южного Сахалина был почти однородным и состоял из рабочих. В количественном отношении рабочие угольной промышленности составляли около 70% от общего числа, земельно-строительные рабочие - 20%, чернорабочие целлюлозно-бумажной и лесной промышленности - 5%, прочие категории - 3%. Наименьшее число корейцев (2%) было занято в сельском хозяйстве, несмотря на то, что оно для них являлось традиционным.

Главной причиной такого распределения корейцев являлось то, что подавляющая часть их была насильственно мобилизованной и распределялась властями по отдельным отраслям и предприятиям без согласия самих рабочих. Кроме того, это связано с тем, что данная отрасль хозяйства на Южном Сахалине была малопродуктивной. Следует отметить, что среди корейцев имелись и эксплуататорские элементы, которые наживались за счет своих соотечественников. Это субподрядчики земельно-строительных объектов и шахт, а также владельцы кабаков, публичных домов и магазинов. Но их число было крайне незначительным.

На Южном Сахалине корейские рабочие, мобилизованные на шахты, фактически превратились в заключенных^I. Шахтеры жили в казарменных условиях. Так, на шахте Найбути работало около 1140 корейских шахтеров. Эти рабочие были размещены в 6 общежитиях "Синва рё" (Общежитие "Новое согласие"). Всеми общежитиями управлял главный надзиратель из числа японцев. Каждое общежитие также возглавлялось японским надзирателем, подчинявшимся главному надзирателю. В каждом общежитии был военрук - японский военный служащий. Весь контингент общежития делился на роты, роты - на взводы, взвод - на несколько подразделений в составе 20 чел в каждом. Командирами роты и других низших подразделений назначались корейцы. По воскресеньям, в свободное от работы время, шахтеры занимались военным делом. Выход в

^I Локи Такэтаро. Указ. соч., с. 15.

поселок без разрешения командира запрещался.

Корейские горняки работали в условиях отсутствия техники безопасности. Они выполняли наиболее тяжелые работы, причем в худших условиях, чем японцы. Так, корейские шахтеры производили выемку угля в основном вручную, тогда как многие японские шахтеры применяли технику. Рабочий день длился более 12 часов, а в субботу на 2 часа больше в знак "служения Родине, во имя победы армии".

Дискриминация корейских шахтеров проявлялась и в оплате труда. В годы второй мировой войны на Южном Сахалине заработная плата забойщиков и проходчиков японской национальности составляла 4-5 иен в день, а крепильщиков - 4 иены. А насильственно мобилизованные корейские рабочие получали - 2,5-3 иены в день в течение всего мобилизационного срока. Пак Ген Сик приводит сравнительную таблицу оплаты труда корейских и японских шахтеров Хоккайдо за период империалистической войны на Тихом океане. Судя по этой таблице, корейские рабочие получали до 50 иен в месяц, а японские - 90 иен^I, т.е. почти в два раза меньше. Аналогичное положение было и на Южном Сахалине. Следует также отметить, что корейские шахтеры вообще не получали на руки деньги. Администрация шахт обязывалась после вычета за питание, одежду, общежитие и прочие расходы переводить их заработок в сберкассу. Только по просьбе рабочего администрация разрешала определенную часть заработка высылать родным.

Шовинистический характер политики японского империализма по отношению к корейцам Южного Сахалина проявился и в области народного образования, где осуществлялась японизация корейского населения. На Южном Сахалине корейские дети могли поступать в японские школы и учиться вместе с японскими школьниками. Однако дискри

^I Пак Ген Сик. Указ. соч., с. 84.

минация корейских школьников начиналась с первых лет учебы в начальных классах. Она выражалась в различных формах. Так, преподавание в школах велось только на японском языке, в старосты классов назначались японские дети. Что касается средних школ, то туда принимали крайне ограниченное число корейцев. В начале 40-х годов количество корейских учащихся в средних школах Южного Сахалина составляло всего около 30 чел., т.е. менее 1% от общего количества учащихся средних школ, в то время как численность корейского населения составляла примерно 8% от общего количества жителей. Аналогичная картина наблюдалась и в системе среднетехнических училищ.

Национально-шовинистическая политика в области образования проводилась и при подборе учителей школ и училищ. В южной части Сахалина среди учителей не было корейцев, за исключением одного преподавателя по математике в индустриальном техникуме в г. Эсутору. По указанию губернатора корейцев не принимали в педагогическое училище г. Тоёхара. В отделах народного образования при городских и районных муниципалитетах острова не было ни одного служащего из числа корейцев.

Таким образом, правящие круги Японии на практике проводили японизацию корейского населения. Японские империалисты воспитывали корейских школьников в духе "ямато". Они сознательно не пускали корейских детей в средние учебные заведения, превращая их в резервы дешевой рабочей силы, которой не хватало на Южном Сахалине.

подавляющая часть корейского населения на Южном Сахалине не имела политических прав. Она не участвовала в политических кампаниях и других мероприятиях политического характера. Только незначительная часть корейцев из числа свободных переселенцев принимала участие в выборах в местные муниципалитеты. В годы второй мировой

войны было избрано несколько корейцев в местные муниципалитеты. Эти люди использовались японскими властями в качестве агентуры среди корейского населения. Следует отметить, что избирательный закон, действовавший в годы второй мировой войны на острове, ограничивал избирательный ценз и для тех немногих корейцев, которые могли избирать. Об этом свидетельствует статья 6 избирательских прав, где говорится, что "местные органы имеют право по своему усмотрению лишать лиц права участия в выборах"¹. На южной части Сахалина эта статья в основном касалась корейцев.

В условиях японского господства на Южном Сахалине и Курильских островах национальные вопросы решались в интересах господствовавшей нации. Правильное решение национального вопроса возможно лишь в странах социализма на основе ленинской национальной политики. "Только в СССР обеспечен экономический, политический и культурный расцвет всех советских народов, больших и малых. Национальный вопрос, как показал пример нашей страны, можно решить только при отрицании всех и всяких форм принуждения, при признании равенств и суверенитета народов, при устройстве их судьбы, признании добровольности и сотрудничества как начала прочного объединения народов"².

§ 3 Милитаризация общественной жизни населения

Свержение буржуазной власти в России и создание социалистического государства рабочих и крестьян вызвало у правящих кругов Японии страх и ненависть к Советской России. Вместе с тем, дальневосточная окраина России, где в силу сложной внутренней политической обстановки советская власть еще не везде была установлена, представ

¹ Карафуто тихо сэйдо хоки ёран. Тоёхара, 1937, с.12.

² КПСС о резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, 1954, в. 771.

ляла для японской военщины объект захвата.

Япония была одним из инициаторов интервенции на советском Дальнем Востоке¹ и совершила неслыханные грабежи, зверства над его мирным населением. Это вынужден был признать даже махровый атаман белогвардейщины - ставленник японского империализма Семенов. Он говорил: "...японские войска относились к населению крайне бесчеловечно. Грабеж, насилие, бандитизм и убийства были обычным явлением. Захват японскими войсками г. Хабаровска можно назвать беспримерным в истории грабежом..."².

Однако японская интервенция, как и интервенции западных держав и США, провалилась. Советская Россия разбила войска интервентов, уничтожила внутреннюю контрреволюцию и прочто установила советскую власть на Дальнем Востоке.

После провала интервенции и с установлением дипломатических отношений между Советским Союзом и Японией наступило временное "затишье". Но Япония готовила захват Маньчжурии, что послужило началом открытой агрессии японского империализма на Дальнем Востоке как против Китая и Монгольской Народной республики, так и против Советского Союза.

Правящие круги страны готовили почву для осуществления широкой агрессии на Дальнем Востоке. В 1932 г. Япония вышла из Лиги Наций. Это означало вызов японских империалистов политике сохранения "статус кво" в Маньчжурии. Затем, в 1935 г. Япония заявила о своем отказе от Вашингтонского соглашения о сокращении вооружений и об их ограничении. Далее, Япония покинула вторую Лондонскую конференцию по сокращению вооружений. В 1936 г. она заключила с фашистскими

¹ Документы внешней политики СССР. т. I, М., 1957, с. 85.

² Нихон но тайсо инбо. Токио, 1948, с. 20.

Германией и Италией троичственный союз. Японская дипломатия каждый раз отклоняла советское миролюбивое предложение о заключении двустороннего пакта о ненападении¹. Более того, в 1938 и 1939 гг. она спровоцировала вооруженные инциденты в районах оз. Хасан и р. Халкин-Гол с целью захвата советского Приморья и Монгольской Народной Республики

Милитаризация страны усиливалась. Еще в 1936 г. премьер-министр Хироита провозгласил генеральную линию внутренней политики так называемое "Обновление политики", которая, по-существу, оставалась неизменной до капитуляции Японии в 1945 г. Это означало создание в стране такого режима, при котором политика, экономика, культура, вся жизнь народа были подчинены интересам войны. Вслед за этим правительство запретило празднование 1 мая. На 69-ой чрезвычайной сессии парламента были приняты законы "О контроле за опасной корреспонденцией" и "О контроле за опасными мыслями". Антикоминтерновский пакт, заключенный между Японией и Германией, усилил репрессии против коммунистов и социалистов. В 1938 г. были изданы законы "О государственной мобилизации", затем "О всеобщей мобилизации наций", а позже "О трудовой повинности" и т. д.

Империалистическая Япония, готовясь к "большой войне", разрабатывала конкретные планы и методы захвата и оккупации чужих территорий. В разработке этих планов участвовали не только государственные, но и полуправительственные организации.

В 1937 г. было создано "Общество для изучения политики государства" ("Кокусаку кэнкю кай")², которое сыграло большую роль в разработке планов японской агрессии на Дальнем Востоке. Членами этого "Общества" являлись видные генералы, государственные и обще-

¹ Документы внешней политики СССР. т.16, М., 1970, с.16; Международное отношение на Дальнем Востоке. М., 1972, с.113.

² Маморэ! кэнзэки хоппо но сэймэйсэн. Токио, 1939, с.50.

ственные деятели страны. Это "Общество" разработало "десятилетний план строительства сферы взаимного сопроцветания в Восточной Азии", в которую должны были быть включены как японские колонии, так и страны Юго-Восточной и Южной Азии. В годы империалистической войны на Тихом океане оно участвовало в осуществлении политики Японии на оккупированных ею территориях.

С целью сбора материалов шпионского характера о Советском Союзе в 1937 г. было создано так называемое "Общество Тайсэй" во главе с такими видными генералами как Хаяси, Харада и др.¹ "Общество" изучало "русские проблемы". Поэтому его членами, как правило, были люди, осведомленные в вопросах внутреннего положения Советского Союза.

Не менее реакционную роль сыграл "Комитет по управлению территориями" ("Тоти тайсаку иинкай"), организованный в октябре 1941 г.² Не только генералы, но и некоторые министры были его членами. "Комитет" являлся прямым соучастником разработки плана ведения войны "на юге и на севере", представленный в декабре 1941 г. кабинету четырех министров³. В частности, в плане "Комитета" правительству были даны рекомендации об управлении территориями Советского Союза в случае их захвата японскими войсками. В нем говорилось: "Через три-четыре месяца после оккупации послать на оккупированную территорию Советского Союза вооруженных колонистов с целью обеспечения японской армии продовольствием и овощами и расширения там влияния Японии"⁴.

¹ Маморэ! кэнзэки хоппо но сэймэйсэн. Токио, 1939, с. 50.

² Нихон но тайсо инбо. Токио, 1948, с. 71.

³ В кабинет четырех министров вошли премьер-министр, министры сухопутных сил, военно-морского флота и иностранных дел.

⁴ Нихон но тайсо инбо. Токио, 1948, с. 71.

Один из руководителей "Комитета" Ядзи Кадзуо признал на Хабаровском процессе, что "Комитет" разработал план раздела азиатской части и территории СССР между Японией и Германией. В своем заявлении суду он писал: "...хотя в то время (в 1941 г. - Л.Б.) не представлялось возможным определить будущую судьбу Советского Союза в отношении раздела его территории из-за наличия японо-германского соглашения, но было известно, что приморская территория (под "приморской" Ядзи понимает весь советский Дальний Восток - Л.Б.), а также территория, граничащая с Маньчжурией, перейдут к Японии, Сибирская железная дорога станет совместным владением Японии и Германии, Омск будет его границей"^I.

Таким образом, вышеупомянутые "Общества" и "Комитет", хотя и считались общественными, но на самом деле являлись полуправительственными организациями милитаристского направления, которые содействовали осуществлению так называемой "континентальной политики" японского империализма и милитаризма в Азии.

Наряду с указанными "Обществами", в Японии и ее колониях были созданы различные "общественные организации", которые осуществляли гегемонистскую и агрессивную политику японского империализма на местах. Так, на Южном Сахалине при содействии властей возникли такие организации, которые способствовали воспитанию населения в духе японского национал-шовинизма и милитаризма. Особые надежды японский империализм возлагал на молодежные организации. Ведущей молодежной организацией являлась "Мужская молодежная организация Южного Сахалина" ("Карафутто сэйнэн дан"). Она представляла собой местное отделение молодежных организаций страны. В Японии эти молодежные организации стали создаваться во второй половине второго десятилетия XX в, а в южной части Сахалина молодежное движение получи-

^I Нихон но тайсо инбо, Токио, 1948, с.72.

ло широкое развитие примерно с 20-х годов, т.е. с периода японской интервенции в Сибири и на русском Дальнем Востоке. В 1941 г. на Южном Сахалине было 627 таких организаций с общей численностью 25 тыс. чел.¹.

Основной задачей молодежных организаций милитаристы считали воспитание молодежи в духе "ямато". В программе говорилось: "Указывать императорскую семью, быть преданным Родине... Воспитывать храбрость и закалять здоровье..."². Она была призвана воспитывать молодежь в духе беспрекословного служения императору, готовности стать храбрым воином и защитником интересов японского милитаризма.

Деятельность реакционных молодежных организаций носила военный характер. Молодежь совместно с солдатами участвовала в военных походах, жила в специальных общежитиях. Молодежи специально читались лекции самурайского характера о войне в Китае и в бассейне Тихого океана. Проводились военная подготовка, военно-спортивные соревнования, сборы, конференции и съезды.

В 1938 г. в Токио работал XIУ съезд "Молодежных организаций Великой Японии", на котором присутствовали представители реакционной японской молодежи и 30 членов фашистской молодежной организации Германии - "гитлерюгенд"³. Приняли участие в работе съезда и представители южно-сахалинских молодежных организаций.

На этом съезде министр просвещения произнес речь, в которой он дал характеристику "миссии" японской молодежи. "Молодежи Великой Японии, - говорил он, - предстоит важная задача; нужно спасти Азию, помочь цивилизации азиатов. Для этого мы, японцы, очищаем дорогу от тех, кто мешает нашему справедливому, гуманному делу..."⁴.

¹ Сёва дзюгонэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1942, с.182.

² Нихон но сэйнэн. Токио, 1943, с.23.

³ Д. Карафутто тёхо. № II. Тоёхара, 1938, с.25.

⁴ Там же с. 27.

В милитаризацию страны были вовлечены женщины. В г. Тоёхара существовало отделение всеяпонского "Общества женщин-патриоток" ("Айкоку фудзин кай"). Южно-Сахалинское отделение женского "Общества" образовалось в 1914 г. Целью создания этого "Общества" являлась мобилизация женщин Южного Сахалина для оказания моральной помощи фронтовикам и членам их семей. Отделение "Общества" занималось организацией проводов солдат на фронт, помощи семьям фронтовиков и т. д.

По мере усиления японской агрессии, деятельность "Общества" расширялась. Быстро росло оно и количественно. Так, в 1931-1932 гг. число членов южно-сахалинского отделения "Общества" составляло примерно 6-8 тыс. чел., а в 1933-1934 гг. - около 12 тыс. чел.¹. В 1938 г. оно достигло 24 тыс. чел., а в 1940 г. - свыше 31 тыс. человек².

В последние годы всеяпонское "Общество женщин-патриоток" на Южном Сахалине было переименовано в "Женское общество обороны" ("Кокубо фудзин кай"). Однако, переименование не изменило характера деятельности этой организации. Наоборот, "Женское общество обороны" стало более активно заниматься организацией помощи японской военщине. В 1942 г. при заходе военного корабля в порт Одомари представители южно-сахалинского отделения "Женского общества" устроили его посещение. Подобные мероприятия "Женское общество" проводило часто, и каждый раз его представители восхваляли агрессию японских милитаристов, называя ее "освободительной миссией" японцев в отношении народов Востока. Кроме того, "Общество" проводило сбор денег на военные нужды, поощряло организацию среди

¹ Сёва дзюгонэн Карафуту тё токэйсё. Тоёхара, 1942, с. 215.

² Там же, с. 215.

женщин "всенародных копилек" и т. д.

С обострением империалистических противоречий в мире вообще и в бассейне Тихого океана в частности Япония усиленно стала готовиться к мировой войне и начала фашизацию страны. В 1940 г. с приходом к власти кабинета Коноэ в стране усилилось наступление на демократические свободы. Парламент безоговорочно санкционировал все явно агрессивные действия правительства и военщины. С целью усиления милитаризации страны в октябре 1940 г. была создана так называемая "Ассоциация помощи трону" ("Тайсэй ёкусан кай"). Она фактически направляла и контролировала деятельность правительственных органов всех ступеней.

С приходом к власти в стране ярого милитариста генерала Тодзё в 1942 г. произошла перестройка структуры этой "Ассоциации" с целью полной фашизации страны. В частности, в нее были влиты распушенные профсоюзные центры. Кроме того, проведены некоторые изменения в "Табеле чиновнических рангов", направленные на более широкое вовлечение военщины в государственный аппарат. Далее, в связи с оккупацией обширной территории Китая и стран Юго-Восточной Азии, в 1942 г. было учреждено новое министерство, которое называлось "Министерством Великой Восточной Азии" ("Дайтоа сё")^I. Оно должно было сыграть роль министерства по делам колоний - новых оккупированных территорий в бассейне Тихого океана - способствовать "поддержанию порядка" и установлению там японского господства.

Этим не ограничились милитаристские действия Японии. Полностью изменилась и система образования. Был сокращен срок обучения в средних и высших учебных заведениях, пересмотрены их программы с учетом "духа времени" воюющей Японии. Проводилась чистка преподавателей. Коммунисты, политически неблагонадежные элементы, про-

^I Ё. Кокусай хёрон. Токио, 1944, с. 23.

грессивно настроенные демократические деятели различных взглядов и профессий подвергались арестам и репрессиям.

Таким образом, в стране были ликвидированы последние остатки буржуазных свобод и окончательно установился военно-полицейский режим. С образованием "Ассоциации помощи трону" новые общественные организации милитаристского направления появились не только в самой Японии, но и в ее колониях. На Южном Сахалине в 1941-1942 гг. возникли "Движение служения Отечеству на Южном Сахалине", "Движение общественной трудовой помощи Южного Сахалина" и "Общество служения Отечеству через производство на Южном Сахалине"^I, которые выполняли директивы "Ассоциации помощи трону".

"Движение национального служения Отечеству на Южном Сахалине" ("Карафутто кокумин хоко ундо") состояло из комитета содействия, двух бюро, нескольких отделов и секторов. В бюро комитета входило два отдела - общих дел и руководства. Первый занимался организацией совещаний, конференций, сборов и вел пропаганду, а второй - территориальной организацией труда и другими вопросами.

"Движение служения Отечеству на Южном Сахалине" ("Карафутто кокумин хоко ундо") ставило своей целью воспитать население в духе беспрекословного служения императору во имя победы в войне. "Движение" руководило и направляло деятельность всех остальных общественных организаций южной части Сахалина. Кроме того, оно частично контролировало хозяйственную деятельность губернаторства. Одним из основных направлений работы этого общества являлась идеологическая обработка населения, преследовавшая цель убедить население в том, что Япония является носителем идей справедливости и мира в Восточной Азии и в бассейне Тихого океана, что этой частью земли могут управлять только японцы, обладающие превосходством над другими нациями.

^I Карафутто дзюситинэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1953, с. 6.

Формы и методы идеологической работы были различные: проведение лекций, бесед, организация собраний, совещаний, конференций, показ кинофильмов и т.д. Здесь следует отметить, что в этих мероприятиях уделялось большое внимание обработке населения в духе ненависти к советскому строю и его действительности. Так, лекторы представляли своим слушателям, что "в Советском Союзе самовольно нельзя менять место жительства и место работы..."¹. Очень низко оценивали уровень образования и медицины в Советском Союзе. Так, утверждали, что в 1940 г. "на Северном Сахалине был лишь один врач, по квалификации соответствующий японскому. Там очень мало школ. За последние три-четыре года построена всего одна средняя школа (в Александровске). В Александровске и Охе есть библиотеки, но это одно название..."². Такова была пропаганда японских идеологов, направленная на то, чтобы настроить население пограничной территории Японии против Советского Союза.

"Движение служения отечеству на Южном Сахалине" помогало проведению в жизнь военно-экономической политики Японии. Оно непосредственно вмешивалось в дела предпринимателей и шахт и требовало увеличения производства угля, повышения производительности труда и т.д. Оно одобрило продление рабочего времени, занималось изысканием и "регулированием" рабочей силы. Кроме того, это общество организовывало всенародный сбор денег и пожертвований государству от частных лиц и коллективов на строительство самолетов. Создавались копилки школьников на военные расходы государства.

В 1942 г. на Южном Сахалине было организовано "Общество служения Отечеству через производство ("Карафутто сангё хококу ундо"). Это было насильственное отраслевое объединение промышлен-

¹ Ж. Карафутто. № 4. Тоёхара, 1940, с. 81.

² Там же, с. 80-82.

ных рабочих по производственному принципу с целью максимальной эксплуатации и закрепления их в важнейших отраслях экономики, что было чрезвычайно необходимо Японии в условиях империалистической войны в бассейне Тихого океана. В программе "Общества" указывалось: "Мы должны сохранять устой государства, добиваться высоких успехов на производстве и быть преданными императору..."¹. Председателем "Общества" являлся губернатор. Местные отделения "Общества" возглавлялись мэрами районных муниципалитетов. Районные "Общества" формировались и действовали под контролем полиции. Хотя они назывались добровольными организациями, но создавались принудительно, под нажимом полиции. В марте 1942 г. на Южном Сахалине было 194 местных отделений этого общества, которые охватывали 65 тыс. рабочих или 70% общего числа рабочих Южного Сахалина².

"Общество служения Отечеству через производство на Южном Сахалине" было создано на основе правительственного указа о "трудо-вой повинности нации". Производственные отряды формировались административным путем и определялись на шахты и строительство военных объектов. Так, в 1942-1943 гг. в Японии и ее колониях было 1 миллиона человек насильственно были отправлены на работы через эти "Общества"³. В их числе были и южно-сахалинские рабочие⁴.

Для членов "Общества" была введена система регистрационных книжек, без которых воспрещался прием на работу и переход рабочих с одного предприятия на другое. Такие меры позволяли регулировать использования рабочей силы, особенно на шахтах и земельно-строи-

¹ Сёва дзюситинэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1943, с.78.

² Там же, с.77.

³ Аоки Такэтаро. Нихон номин ундо си. т.4. Токио, 1959, с.15.

⁴ Там же, с.15.

тельных объектах стратегического значения.

Наряду с этими на Сахалине существовали и другие организации и движения, поддерживавшие внутреннюю и внешнюю политику правительства и являвшиеся проводниками политики Японии в ее колониях. Так, в годы второй мировой войны под предлогом быстреего претворения идеи "единения Японии и Кореи" в Японии и ее колониях, в том числе и на Южном Сахалине было организовано "Кёва кай" ("Общество содействия и согласия")^I. Это общество носило полицейский характер. Об этом свидетельствует тот факт, что его отделения создавались при местных отделениях полиции. Во главе такого общества стоял начальник местного отделения полиции, его заместителем был какой-либо прояпонски настроенный кореец. Членами руководства общества являлись корейцы, сотрудничавшие с полицией и властями. Для обеспечения материальных доходов общества и активизации его работы, все корейские рабочие Южного Сахалина насильственно включались в число его членов и с них ежемесячно взимались членские взносы.

"Общество содействия и согласия" вело среди корейцев агитационно-пропагандистскую работу, которая должна была способствовать японизации корейцев. Основной формой этой работы были лекции, беседы, показ кинофильмов, сбор денежных пожертвований на войну и т.д. "Общество" тесно сотрудничало с полицией и жандармерией, выполняло полицейско-сыскные функции, выявляя политически неблагонадежных корейцев и собирая на них материалы для доносов в полицию.

Подобные "общественные организации" были созданы ради достижения Японией своих агрессивных целей в Азии, в том числе и на советском Дальнем Востоке. Об этом свидетельствует послание президента "Ассоциации помощи трону" Коноэ Фумимаро (он же премьер-ми-

^I ГАСО. ф. I и-с, оп. I с, д. 46.

нистр), направленное в марте 1941 г. "Движению служения Отечеству на Южном Сахалине". "Южный Сахалин, - говорилось в нем, - расположен на переднем крае японской обороны и колонизации, и при сложившейся международной обстановке он имеет исключительно важное значение в составе японской империи. Наше влияние должно распространяться на всю Восточную Азию. Поэтому новое национальное движение несет большую ответственность за судьбы Японии..."¹.

§ 4 Классовая борьба

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на развитие революционного, демократического движения в Японии. Сведения о революции проникали в массы японского народа. Рыбаки и моряки прибрежных районов северной части Хонсю, которые доходили до берегов русского Дальнего Востока, в том числе и Сахалина, слышали "замечательные рассказы о большевистской революции" и распространяли их среди своих земляков². Идеи Октября оказали самое прямое влияние на дальнейший ход революционного рабочего движения в Японии. Непосредственным отзвуком пролетарской революции в России явились массовые народные волнения 1918 г., известные под названием "рисовых бунтов". Придавая огромное значение "рисовым бунтам", вождь японского пролетариата Сэн Катаяма отмечал: "Несомненно, что эти бунты носили революционный характер и возникли под непосредственным влиянием Октябрьской революции в России..."³.

Октябрьская революция и "рисовые бунты" явились теми событиями-

¹ Я. Карафута дзихо. № 4. Тоёхара, 1941, с. 6.

² Катаяма Сэн. 15-летию рисовых бунтов 1918 г. в Японии. "Коммунистический интернационал". М., 1933, № 26-27, с. 12.

³ Катаяма Сэн. Статьи и мемуары. М., 1959, с. 121-122.

ями, на основе которых произошли качественные изменения классовой борьбы японских трудящихся. После 1918 г. по всей стране развернулось забастовочное движение, во главе которого стояли рабочие основных отраслей промышленности. Один за другим стали организовываться профсоюзы. В 1919 г. была создана "Японская федерация труда" ("Нихон родо содомэй" или "Содомэй"). "Содомэй" все больше приобретала характер классового, рабочего профсоюзного объединения. В 1920 г. японские трудящиеся впервые праздновали 1 мая. В 1922 г. возник "Японский крестьянский союз" ("Нихон номин куммай") и активизировалась борьба крестьян. В 1923 г. в Японии произошло 1680 арендных конфликтов против 256 в 1918 г.¹

С развитием капитализма в Японии, несмотря на усилившуюся реакцию, рабоче-крестьянское движение крепло и развивалось. В 20-30-х годах число стачек колебалось от 1000 до 25000 в год, а число участников - от 50 тыс. до 200 тыс. чел.². В 1937 г., с началом войны в Китае, японское правительство запретило стачки и усилило военно-полицейский террор.

Коммунистическая партия Японии, созданная в 1922 г., сыграла большую роль в развитии классовой борьбы в Японии. Она организовывала экономическую и политическую борьбу рабочих и крестьян, распространяла среди них идеи марксизма-ленинизма. Об активной деятельности японских коммунистов говорят судебные "дела коммунистов 1928 г.", по которым было привлечено свыше 1000 чел., среди них 37 руководителей компартии страны³.

Компартия Японии в течение 23 лет работала в трудных нелегальных условиях. Многие японские коммунисты находились в колони-

¹ Иноуэ Киёси и др. Указ. соч., с. 98.

² Лиф Ш. Война и экономика Японии. М., 1940, с. 213.

³ Сёва гонэн си. Токио, 1931, с. 84-85.

ях японской империи. Так, на Южном Сахалине по архивным материалам ГАСО, примерно с конца 20-х годов активизировалась деятельность японских коммунистов. Особенно заметно усилилась их деятельность в 30-х годах¹. По данным полицейского управления Южно-Сахалинска, в 1930 г. среди молодежи призывного возраста распространялись листовки, изданные "Союзом против войны" ("Хансэн домей"). В этих листовках разоблачалась агрессивная сущность японской внешней политики. По всей вероятности, эта деятельность прямо была связана с деятельностью "Пролетарской молодежи Южного Сахалина"².

О деятельности южно-сахалинских коммунистов свидетельствуют и другие факты. Так, в 1933 г. губернатор Южного Сахалина Имамура дал полицейскому управлению особое указание по обеспечению выборов в местные муниципальные органы, в котором говорилось, что "необходимо следить за печатными изданиями и выявлять, кто их распространяет"³. Кроме того, различные указания губернаторов, дававшиеся полицейскому управлению, также говорят о деятельности подпольных политических организаций и демократических элементов против существующего режима и властей⁴.

Помимо архивных, мы располагаем и другими данными. По рассказам старожилов, в начале 30-х годов коммунисты вели активную нелегальную работу. В поселке Урю и г. Тиннай (Красногорск) работал врач Сато Сэйдзи, являвшийся членом коммунистической организации. Он поддерживал связь с местными коммунистами и сочувствовавшими им под видом вызова "пациентов" к себе. В это же время в Урю

¹ ГАСО. ф. I и-с, оп. Iс, д.19, 10, 19, 23.

² ГАСО. ф. I и-с, оп. Iс, д.19.

³ ГАСО. ф. I и-с, оп. Iс, д.23.

⁴ ГАСО. ф. I и-с, оп. Iс, д.9,10,24.

проводились первомайские демонстрации школьников, организованные учителями, за что последние были уволены с работы как неблагонадежные. Празднование Дня солидарности трудящихся всего мира в условиях бесправия и жестокого военно-полицейского режима, несомненно, свидетельствует о работе коммунистов по пропаганде пролетарской идеологии. В Тиннай директор школы японец Ота был отстранен от работы по подозрению в принадлежности к подпольной коммунистической организации.

Демократически настроенные элементы проводили в то же время легальную работу с целью подрыва позиции японского империализма и колониализма. Демократические настроения наблюдались чаще всего среди интеллигенции, особенно у писателей и журналистов. Так, в 1930 г. в Токио была издана книга писателя Кобаяси Такидзи "Краболов", в которой автор на фактических материалах разоблачал капиталистические формы эксплуатации и жестокость в обращении с рабочими-рыбаками на японских краболовных базах, промыслявших у берегов Курильских островов, Южного Сахалина и Камчатки^I. О политическом значении этой книги говорит тот факт, что полиция считала ее "очень вредной".

Тяжелое экономическое положение трудящихся, их бесправие в условиях господства военно-полицейского режима на Южном Сахалине, милитаризация экономики, ухудшавшая и без того тяжелое положение народа, - все это заставляло искать действенные формы и методы борьбы за свои права. Большое значение в пробуждении политического сознания народа, активизации его классовой борьбы сыграла деятельность японских коммунистов.

В условиях Южного Сахалина классовая борьба трудящихся при-

^I ГАСО. ф. I-с, оп. с, д. 19.

нимала различные формы. Рабочие боролись за улучшение условий труда, за повышение заработной платы и другие права. Например, настойчивую и упорную борьбу вели рыбаки. Так, в апреле 1906 г. на западном побережье о. Сахалина наблюдался массовый ход сельди. Однако, по рыболовному закону 1905 г. бедные рыбаки были лишены необходимых орудий лова и не могли ловить ее. В июле 1906 г. в Маока собрались рыбаки и мелкие работоторговцы и провели свое первое собрание, на котором приняли обращение к начальнику управления гражданских дел при военном Управлении Южного Сахалина¹. Требования были очень скромными и носили чисто экономический характер.

Первое собрание рыбаков и работоторговцев не приняло ни устава, ни программы, тем не менее оно имело большое значение в дальнейшей борьбе рыбаков за свои права против политики губернатора, защищавшей интересы рыбопромышленников.

В 1907 г. представители рыбаков добились обсуждения вопроса на заседании парламента 23 созыва об изменении "Временных правил рыболовства в водах Южного Сахалина. Однако абсолютным большинством голосов справедливые требования рыбаков были отвергнуты.

В апреле 1907 г. губернатор издал новый закон о рыболовстве сроком действия в шесть лет². Этот закон не только не изменил классовые дискриминации, лежащие в основе положения о рыболовстве, но и поставил простых рыбаков в более трудное положение, так как стоимость лицензий на лов рыбы повысилась. Кроме того, большинство рыбаков по-прежнему не могли ловить основные виды рыб. Надежды рыбаков на великодушие гражданского губернатора о. Сахалина Кусуносэ не оправдались.

¹ Сугимото Дзэндзиро. Указ. соч., стр. 50.

² Карафутто смсэй сандзюнэн си. Токио, 1936, с. 155.

В августе 1907 г. в Холмске открылось объединенное собрание рядовых рыбаков западного побережья Южного Сахалина, в котором приняли участие около 500 делегатов. Собравшиеся надеялись на сочувствие губернатора и составили обращение к нему, но их требования были снова отвергнуты. Однако рыбаки не прекратили борьбу за свои права. В мае 1908 г. в Одомари был создан "Союз рыбного промысла жаберными сетями на Южном Сахалине", куда входили рыбаки районов залива Анива. "Союз" принял декларацию, в которой говорилось: "Цель создания настоящей организации рыбаков добиться изменения ныне действующего закона о рыболовстве, а именно, получить разрешение промысла жаберными сетями¹.

Почти одновременно по примеру рыбаков районов залива Анива подобный союз был создан и в Маока, на западном побережье острова, насчитывавший около 1200 членов. Союз принял декларацию и соответствующее решение. В то время на Южном Сахалине число рыбаков и членов их семей, включая и сезонных рабочих, составляло уже около 30 тыс. чел.². Все рыбацкое население острова было охвачено борьбой, которая все более приобретала политический характер.

9 июня 1909 г. вг. Одомари приехал зам. министра внутренних дел Японии К. Итики для инспектирования острова. Рыбаки, добиваясь улучшения жизненных условий, решили использовать приезд Итики в своих целях. Они устроили на улицах Одомари, недалеко от муниципального здания, где остановился зам. министра, митинг. Выступавшие обвиняли рыбопромышленников, администрацию и полицейских Южного Сахалина в классовой дискриминации. Этот митинг превратился в демонстра-

¹ Сугимото Дзэндзиро. Указ. соч., с. 124г

² Я. "Карафуто тэхо". т. 4, №8, Тоёхара, 1937, с. 135.

цию, в которой приняло участие свыше 1000 рыбаков района залива Анива¹. Демонстранты ворвались в полицейский участок, сломали окна, мебель, избили полицейских. На усмирение демонстрантов были брошены полицейские и жандармские подразделения. Губернатор Хираока, получив информацию о том, что вооруженные полицейские и жандармы не справляются с "бунтовщиками", запросил помощь от командующего военным гарнизоном Тоёхара. Прибывшие вооруженные солдаты вместе с полицейскими жандармами жестоко расправились с демонстрантами².

Заместитель министра внутренних дел Японии К.Итики и губернатор Хираока, узнав о кровавом инциденте, тайком покинули муниципалитет и спешно выехали в Тоёхара. Началась судебная расправа над активными участниками демонстрации. Несколько человек были осуждены и брошены в тюрьму, другие отправлены в трудовой лагерь. На остальных, в том числе и на двух корреспондентов газет, наложены штрафы.

К.Итики, будучи очевидцем событий 9 июня сказал губернатору Хираока, что "рыбаки Южного Сахалина подвергались влиянию красных"³. Он категорически запретил удовлетворять требования борющихся рыбаков.

Выступления рядовых рыбаков Южного Сахалина 1905-1909 гг. явилось последствием влияния первой русской буржуазно-демократической революции на японское пролетарское движение. В ходе этой борьбы экономические требования нередко перерастали в политические. Это подтверждает положение В.И.Ленина о том, что "Пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок

¹ Сугимото Дзэндзиро. Указ. соч., с. 184.

² Там же, с. 186.

³ Сандзюнэн о катару. Тоёхара, 1936, с. 75.

от русско-японской войны и от русской революции"¹.

В последующие годы классовая борьба японских рыбаков продолжалась. В результате этого, после долгих лет борьбы, в 1916 г. рабочие добились отмены "Правил", запрещавших им промышлять горбушу, кету и сельдь².

Борьба рабочих за улучшение условий труда и жизни имела место и на рыболовецких судах. По имеющимся данным, в 1930 г. на краболовной базе "Эторофу-мару", которая вела лов в северных водах Курил, рабочее время длилось более 20 часов в сутки. К тому же судовая администрация "Эторофу-мару" постоянно кормила рабочих тухлой рыбой, горохом и пищевыми отходами. В результате такого отношения со стороны властей физически слабые рабочие болели и не могли выходить на работу. Однако администрация заставляла их работать, ссылаясь на то, что рыбаки завербованы работать, а не болеть, и краболовный сезон требует от каждого рабочего полной отдачи силы и времени. Тогда часть рабочих, возмущенная крайне бесчеловечным отношением судовой администрации к больным, объявила забастовку. Забастовщики предъявили умеренные требования: сократить рабочее время до 16 часов, улучшить питание, не заставлять больных работать.

Администрация, напуганная развитием таких событий, решила физически уничтожить организаторов забастовки и ее участников. Глубокой ночью надсмотрщики ворвались в каюты и дубинками убили 15 чел., а тела убитых выбросили в море³.

Эта забастовка краболовов носила стихийный характер. Она была слабо организована, не были вовлечены в забастовку все рыбаки, хотя в условиях базы можно было бы добиться этого.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 221.

² Сугимото Дзэндзиро. Указ. соч., с. 137.

³ Сёва Гонэн си. Токио, 1931, с. 472.

Бесчеловечные условия жизни вынуждали включаться в пассивную борьбу и "тако" - самых бесправных рабочих Южного Сахалина и Курильских островов. "Тако" искали различные формы сопротивления. Одной из форм борьбы с эксплуататорами были многочисленные побеги. Совершая их, "тако" спасались от пожизненной кабалы. Побег "тако" были частыми и носили массовый характер. По имеющимся данным, в 1921 г. на Хоккайдо и Курильских островах пытались бежать 22% общего числа "тако"¹.

Борьбу против эксплуататоров вела и крестьянская беднота, занимавшаяся в богатые хозяйства в качестве батраков. Между ней и зажиточными крестьянами часто возникали конфликты, нередко они расследовались судебными органами и "решались" вмешательством властей. По рассказам старожилов, были случаи, когда отдельные крестьяне-арендаторы отказывались работать на арендованной земле в знак протеста против несоблюдения хозяевами условий договоров. Частый переход крестьян-арендаторов из сельского хозяйства в другую отрасль производства характеризует не только их тяжелое экономическое положение, но и недовольство своими хозяевами-кулаками.

В классовой борьбе участвовало и корейское население Южного Сахалина. Социально-экономическое и политическое положение корейского населения не могло не наложить свой отпечаток на антияпонское национальное движение в этом районе. Однако в условиях реакции это движение носило стихийный характер. очевидцы рассказывают, что в 1943 г. на шахте Найбути возник конфликт шахтеров с администрацией, так называемый "инцидент вяленой сельди". Дело заключалось в том, что администрация несколько дней кормила рабочих протухшей сельдью. Рабочие возмутились и объявили бойкот. Волнения корейских горняков отмечались и в 1945 г. на шахте в пос. Тайхэй (Ударный) уезда Эсу-

¹ Хоккайдо си. т. 4, Токио, 1937, с. 941.

тору. Причиной их послужило презрительное, шовинистическое отношение японской администрации шахты и уполномоченного полиции Сано к группе корейских шахтеров. Конфликт был улажен при помощи прояпонских пособников.

Ядром антияпонского национального движения корейцев являлась "лига братства", имевшая два течения. Одно течение преследовало политическую цель: сплочение местных корейцев-единомышленников во имя борьбы за независимость своей Родины; другое течение носило экономический характер и сводилось к оказанию взаимопомощи членам "лиги братства". Второе течение, действовавшее в легальных условиях, получило повсеместное распространение. К "Лиге братства" политического течения примыкали в основном грамотные люди молодого возраста.

Формы и методы деятельности "лиги братства", преследовавшей политическую цель, заключались в следующем: ежемесячный сбор ее членов, разъяснение военно-политической обстановки в Азии, в том числе в Японии и Корее, патриотическое воспитание населения в духе патриотизма против японского господства в Корее. Подпольная деятельность "лиги" отмечалась в 1941 г. в г. Сиритору. Повидимому "лига братства" имела связь с подобными организациями Японии и Кореи, о чем свидетельствуют полицейские сведения-материалы о наблюдении за корейцами^I

Таким образом, архивные, литературные и другие материалы позволяют нам достаточно уверенно судить о том, что велась политическая деятельность подпольных организаций коммунистов, молодежи и демократических элементов Южного Сахалина. Это движение было направлено против реакционной внутренней политики японского империализма и его колониального режима.

^I ГАСО. ф. I и-с, оп. с. I, д. 24, 46, 114.

ВЫВОДЫ

В годы японского господства на Южном Сахалине и Курильских островах социальная политика правящих кругов Японии была направлена на максимальное использование населения в качестве рабочей силы. Японские колонизаторы жестоко эксплуатировали рабочих, особенно в отраслях, имеющих военно-стратегическое значение. Основой национальной политики японского милитаризма был великодержавный шовинизм. Неяпонское население, аборигены и корейцы, являлись наиболее дешевой и бесправной рабочей силой. Они подвергались дискриминации, гнету и насильственной ассимиляции.

В середине 30-х годов в Японии в связи с приходом к власти военщины началась усиленная милитаризация и фашизация страны, подготовка ее к "большой войне". Накануне и в годы второй мировой войны общественная жизнь населения Южного Сахалина и Курильских островов была милитаризована. На местах создавались различные "общественные" организации, которые формировали и направляли так называемые "общественные" патриотические движения в интересах правящих кругов страны и ее военщины. Суть этих движений заключалась в том, чтобы воспитать население в духе национал-шовинизма и милитаризма, максимально использовать все резервы рабочей силы, включая школьников, студентов и даже женщин и стариков. Формы и методы осуществления милитаризации общественной жизни населения были различны. "Общественные" движения Южного Сахалина и Курильских островов играли определенную роль в действиях милитаристской Японии, направленных против Советского Союза и стран Азии.

Под влиянием первой русской революции 1905-1907 гг., Великого Октября и успешного социалистического строительства на советском Дальнем Востоке, в том числе на севере Сахалина, среди населения японских колоний росли революционно-демократические настроения. В условиях реакции японские коммунисты, прогрессивные демократические силы, трудящиеся островов боролись против эксплуататоров, официальных властей и существующего режима страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С завершением Великой Отечественной войны в 1945 г. исконно русские земли - Южный Сахалин и Курильские острова - были возвращены Советскому Союзу. Это было справедливым и законным актом окончания второй мировой войны. Отныне эти территории составляют Сахалинскую область, входящая в состав РСФСР.

После освобождения Южного Сахалина и Курильских островов их природные богатства в общей системе народного хозяйства нашей страны используются с учетом наличия промышленных запасов и их воспроизводства. При советской власти самой крупной отраслью хозяйства Сахалинской области является рыбная промышленность, которая оснащена современной техникой и имеет первоклассную рыболовную флотилию. За годы девятой пятилетки, в 1971-1974 гг., добыто более 20 млн. ц рыбы и морепродуктов¹. В валовой продукции области доля рыбной промышленности составляет около 40%. Второй по значению отрасль народного хозяйства - целлюлозно-бумажная промышленность. После 1945 г. в этой отрасли экономики за короткий срок были осуществлены важные мероприятия по развитию и техническому перевооружению бумажной промышленности, так как во время военных действий многие комбинаты были разукomплектованы, износ оборудования и машин к моменту освобождения острова достигал 50-80%. Кроме того, часть оборудования была вывезена в Японию. В 1970 г. по сравнению с 1950 г. производство бумаги и целлюлозы увеличилось соответственно в 3,2 и 5,7 раза².

¹ Статистическое управление Сахалинской области. Производство продукции в натуральном выражении по области. Дело, с. 5-27.

² Леонов П. А. Сахалинская область и перспективы развития ее производительных сил в свете решений XXIУ съезда КПСС. Южно-Сахалинск 1972, с. 36.

На Южном Сахалине проведена большая работа по восстановлению и реконструкции шахт, ибо японские шахты не отвечали современным требованиям. Большое внимание уделялось механизации и автоматизации производственных процессов, улучшению условий труда шахтеров. В шахтах строго соблюдается техника безопасности, устранены возможности возникновения взрывов, пожаров и других бедствий, которые часто отмечались в годы японского господства на острове. За годы девятой пятилетки в 1971-1974 гг. сахалинские шахтеры добыли свыше 1,5 млн. т угля¹. Намечено добыть 5,5 млн. т угля в 1975 г.

В настоящее время большое значение в экономике области имеет сельское хозяйство. Была проведена огромная работа по укреплению сельскохозяйственных предприятий, мелиорации земель и созданию материально-технической базы сельского хозяйства. За двадцатилетие (1946-1966 гг.) посевные площади увеличились в 5,4 раза², что является одним из наглядных примеров, достигнутых в развитии сельского хозяйства. К началу 1970 г. в области было 37 совхозов, в том числе 22 молочно-овощных, 3 свиноводческих, 6 звероводческих, 1 оленеводческий и одна птицефабрика³.

После освобождения Южного Сахалина и Курильских островов

¹ Статистическое управление Сахалинской области. Производство продукции в натуральном выражении по области. Дело, С. 5-27.

² Леонов П.А. и др. Область на островах. Южно-Сахалинск, 1970, с. 236.

³ Там же, с. 236.

резко изменился облик населенных пунктов этих территорий. Города приобрели современный культурный облик. Ликвидированы японские деревянные дома барачного типа, во всех городах и поселках строятся многоэтажные благоустроенные дома.

Особенно разительные перемены произошли в области культурной жизни и здравоохранения. Все дети школьного возраста и основная часть молодежи, независимо от имущественного ценза, социального и национального происхождения, как это было в годы японского господства, учатся в школах, училищах и вузах. Построено множество детских яслей, садов, школ, клубов, домов культуры, кинотеатров и других культурных учреждений. Во всех уголках островов были построены больницы, поликлиники, амбулатории и санатории, где квалифицированные врачи бесплатно обслуживают больных. Этого не могло быть до освобождения Южного Сахалина и Курильских островов.

Изменилось и отношение к малым народам и корейцам. Эти народы получили равные права с другими во всех сферах политической, социально-экономической и культурно жизни области. Советское государство искоренило национальную дискриминацию, гнет и эксплуатацию, которые царили при японском господстве. Среди малых народов и корейцев выросла интеллигенция, появились и ученые. В документах международного совещания коммунистических и рабочих партий говорится: "Мы, коммунисты, выступаем против любых форм угнетения наций и национальных меньшинств, высказываемся за то, чтобы каждая нация или национальная группа развивали собственную культуру и язык..."^I.

^I Международное совещание коммунистических и рабочих партий.

Отныне все национальности, малые и большие, населяющие Са-
халинскую область, живут и трудятся в единой многонациональной
семье Советского Союза на благо своей социалистической отчизны во
имя построения коммунистического общества.

В настоящее время Сахалин и Курильские острова являются
форпостом мира на юго-востоке советского Дальнего Востока. Отныне
эти земли и омывающие их моря служат мостом дружбы и добрососед-
ства между народами Советского Союза и Японии.

Сравнительные японско-русские географические названия
Южного Сахалина и Курильских островов

Яп. ПЦ	Японские названия	Русские названия
I	2	3
I	Анбэцу	Возвращение
2	Анива-ван	Залив Анива
3	Аракури	Выселка
4	Икусагава	Дальнее
5	Каваками	Синегорск
6	Кайдзука	Соловьевка
7	Караману	Листвиничный
8	Карафуто	Сахалин
9	Кита-Карафуто	Северный Сахалин
10	Кита-Сиритокко-ханто	пол-ов Терпения
11	Конума	Ново-Александровск
12	Кунасиру	о. Кунашир
13	Кусано	Луговое
14	Кусюнай	Ильинск
15	Котон	Победино
16	Мануи	Арсентьевка
17	Маока	Холмск
18	Минами-Карафуто (или Карафуто)	Южный Сахалин
19	Мотодомари	Восточный
20	Наёси	Лесогорск
21	Найбути	Быков
22	Найбути-гава	р. Найба
23	Найро	Гастелло

I	2	3
24	Найкава	Тихменев
25	Найхоро	Горнозаводск
26	Намикава	Троицкое
27	Ниси-Карафутосанмяку	Западно-Сахалинские горы
28	Ниси-Сакутан	Башняково
29	Нода	Чехов
30	Ноторо-ханто	Н-ов Крильон
31	Одомари	Корсаков
32	Отитай	Долинск
33	Отихо	Лесное
34	Парамусиру	о. Парамушир
35	<u>Пороонтосари</u> (айнское)	Корсаков
36	Рутака	Анива
37	Рутака-гава	р. Лютога
38	Сакаэхама	Стародубск
39	Сикотан	о. Шикотан
40	Синба	Дачное
41	Сиритору	Макаров
42	Сисука	Поронайск
43	Соя-кайкё	пролив Лаперуза
44	Судзюя-гава	р. Сусуя
45	Судзюя-хэйя	Сусуйская низменность
46	Сюмсю	о. Шумшу
47	Сякотан	Мялокурильск
48	Сяна	Курильск
49	Тайхэй	Ударный
50	Тарандомари	Калинино

I	2	3
51	Тараика-ван	залив Терпения
52	Тараика-ко	оз. Невское
53	Тиннай	Красногорск
54	Тисима рэтто	Курильские острова
55	Тобути	Муравьево
56	Тоёхара	Южно-Сахалинск
57	Тома ригиси	Вахрушев
58	Тома рору	Томари
59	Тоннай-ко	оз. Тунайча
60	Торо	Шахтерск
61	Уруппу	о. Уруп
62	Урю	Кириллово
63	Фурукаппу	Южно-Курильск
64	Фурумаки	Новое
65	Хигаси-Карафутто санмяку	Восточно-Сахалинские горы
66	Хигаси-Найбути	Угле заводск
67	Хигаси-Сисука	Левонидово
68	Хонто	Невельск
69	Хоронай-гава	р. Поронай
70	Эсутору	Углегорск
71	Эторофу	о. Итуруп

Таблица I

Процентное соотношение самодеятельного населения
Южного Сахалина к общему количеству населения
за 1930 и 1940 гг. (в %)^I.

	1930 г.	1940 г.
Сельское хозяйство	9,2	10,6 (4)
Рыбная промышленность	4,4	3,6
Угольная промышленность	0,9	7
Легкая промышленность	4,8	7,1
Транспорт	1,4	2,6
Торговля	8	6,5
Государственные служащие, учителя, врачи, люди свобод- ных профессий	3	3,1
Прочие профессии	9,4	4,5
Несамодетельное население	57,9	54
Безработные	1	1

Примечание: Численность населения острова - 295 тыс.чел. в 1930г.
415 тыс.чел. в 1940 г.; в легкую промышленность вхо-
дят целлюлозно-бумажная, пищевая промышленность и не-
которые мелкие отрасли экономики; в сельское хозяйст-
во входит и лесная промышленность. В 1940 г. соотно-
шение самодеятельного населения в лесной промышленнос-
ти составляло 4% (см.табл.)

^I Сёва гонэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1930, с.41; Сёва дзюгонэн
Карафутто тё токай сё. Тоёхара, 1942, с.26-28.

Таблица 2

Производство целлюлозы и бумаги на Южном Сахалине (в тыс. т)^I.

Г о д ы	Кол-во фабрик	целлюлоза	б у м а г а
1916	2	17	не производилась
1917	4	39	"
1918	4	54	"
1919	5	62	2
1920	5	68	7
1921	5	55	2
1922	6	86	10
1923	6	92	15
1924	6	94	18
1925	7	104	22
1926	7	136	28
1927	8	156	58
1928	8	153	90
1929	8	151	124
1930	8	162	139
1931	8	144	143
1932	8	129	130
1933	8	142	147
1934	8	179	156
1935	9	-	-
1941	9	-	-
1942	9	-	-
1943	9	209	216
1944	9	-	-
1945	9	-	-

Примечание: Данными о производстве целлюлозы и бумаги за 1935-1945 гг. за исключением 1943 г. не располагаем; производство целлюлозы второго сорта не входит в производство целлюлозы, показанной на таблице.

^I Карафута те сисэй сандзюэнэн си. Токио, 1936, с. 474-475; ГАСО, ф. I и-с, оп. I с, д. 152.

Таблица 3

Добыча, вывоз, ввоз и потребление угля Южного Сахалина
(ед. тыс. т)^I

Годы	Кол-во действующих шахт	Добыча	Вывоз	Ввоз	Потребление на Южном Сахалине
1916	4	37	0	22	59
1918	6	105	0	4	99
1920	5	154	0	62	208
1922	6	115	0	58	204
1924	8	200	0	60	259
1926	9	245	6	97	318
1928	12	540	2	43	564
1930	15	645	13	7	663
1932	18	677	52	0,2	617
1934	21	1200	334	1	822
1935	21	1500	493	3	962
1936	18	2150	д а н н ы х	н е т	н е т
1937	23	2620	"	"	"
1938	28	3570	"	"	"
1939	28	4600	"	"	"
1940	35	6320	1800	2	1200
1941	35	6590	д а н н ы х	н е т	н е т
1942	30	4120	"	"	"
1943	29	5010	5000	0	1500
1944	26	2680	"	"	"
1945	18	1750	"	"	"

^I Карафутто тё сисэй сандзюнэн си. Токио, 1936, с. 858-859; Архив Сахалинского геологического управления. Основной фонд № 3786. История геологического изучения угольных месторождений о. Сахалина. Приложение. Южно-Сахалинск, 1970, с. 140; Дай ситидзюго тэйкоку гикай гидзи сёроку. Токио, 1940, с. 63; ГАСО. ф. I и-с, оп. I с, д. I 52.

Таблица 4

Динамика уловов сельди, горбуши и кеты в водах
Южного Сахалина (в тыс. ц.)^I

Годы:	С е л ь д ь		Горбуша		К е т а	
1907	1750		-	(201)	-	(10)
1908	-	(1498)	-	(87)	-	(3)
1909	1270		-	(63)	-	(10)
1910	-	(1732)	-	(164)	-	(18)
1911	-	(1614)	-	(112)	-	(20)
1912	1500		-	(265)	-	(23)
1913	-	(1612)	-	(142)	-	(24)
1914	-	(21119)	-	(104)	-	(22)
1915	-	(2303)	-	(80)	-	(39)
1916	-	(1660)	-	(189)	-	(27)
1917	-	(1726)	-	(433)	-	(11)
1918	-	(1387)	-	(64)	-	(14)
1919	1560		260	(25)	40,9	(31)
1920	1340	(1456)	53,6	(83)	26	(39)
1921	1010	(1114)	160		17	
1922	1460		87,4		16	
1923	1410		300	(30)	27	
1924	-	(1843)	174	(22)	13	
1925	-	(2460)	68		12	
1926	3420		307		21	
1927	3340		90		17	
1928	4730		360		17	
1929	4270		110		12	
1930	4480		150		25	
1931	5470		93		17	
1932	3850		57		8,2	
1933	2750		143		11	
1934	4050		82		17	
1935	2390		340		18	

продолжение

Годы:	С е л ь д ь	Горбуша	К е т а
1936	2530	43	18
1937	1460	155	14 (24)
1938	1370	82	11
1939	2650	244	22
1940	2900	46	26
1941	2870	- (196)	31
1942	- (2080)	- (19)	- (14)
1943	- (2227)	- (105)	- (7)
1944	- (2113)	- (28)	- (5)

Примечание: Прочерки означают отсутствие японских данных; в скобках - показатели, приведенные Г.И. Чернявским, которые восполняют отсутствующие японские данные, или же его данные, значительно расходящиеся с японскими.

I Ж. Суйсан. № 11. Токио, 1913, с. 17; там же, № 5. Токио, 1914, с. 78, № 12. Токио, 1913, с. 1-2; там же, № 10. Токио, 1927, с. 34-35; Карафутто тёдзи иппан. Саппоро, 1924, с. 214; Карафутто тё сисэй сан-дзюнэн си. Токио, 1936, с. 329; Сёва гонэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1930, с. 210-222; Сёва дзюнэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1935, с. 182-186; Сёва дзюнэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1939, с. 270-273; Сёва дзю рокунэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1941, с. 260-265; Сёва дзюситинэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1942, с. 285-290; Чернявский Г.И. Указ. соч. с. 16-17; The Japan year book. Токуо, 1907, р. 591; 1908-1909, р. 630; 1911, р. 714.

Таблица 5

Производство рыбопродукции из основных видов рыбы
на Южном Сахалине (в тоннах)^I

Виды рыбы и продукция из нее	1916 г.	1926 г.	1935 г.	1940 г.
1. Сельдь:				
кормовая мука	30 000	62 500	36 000	45 200
свежая рыба	5 400	2 100	30 400	47 600
ф и л е	2 430	2 700	5 550	6 100
пресносушен.	960	1 370	3 700	4 320
икра	360	2 730	3 670	4 600
малосольная	70	2	1 300	2 220
рыбий жир (ящ.)	61 700	143 000	472 600	134 400
прочие	1 060	830	700	2 150
2. Горбуша:				
малосольная	9 500	18 700	13 500	2 260
свежая	580	5 620	16 000	2 000
икра	450	610	510	70
консервы (ящ.)	5 200	8 200	147 000	6 480
кормовая мука	40	350	120	-
3. К е т а :				
малосольная	960	980	410	590
свежая	180	740	1220	1340
икра	42	32	10	26
консервы (ящ.)	-	-	4740	-
копченая	-	4	13	8

^I Карафуто тэ сисэй сандзюнэн си. Токио, 1936, с.351-353; Сёва дзиро-кунэн Карафуто ёран. Тоёхара, 1943, с.262-266.

Таблица 6

Посевные площади под основными видами сельскохозяйственных культур и их урожайность на Южном Сахалине за 1934 и 1940 гг

Видовой состав с-х культур	Посевная площадь (га)		Урожайность (центнер с ар)	
	1934 г.	1940 г.	1934 г.	1940 г.
О в е с	7 546	6 711	0,435	0,269
Картофель	5 344	2 077	81	68
Кормовые травы	3 913	5 525	68	37
Горох	1 584	1 982	0,214	0,147
Сахарная свекла	103	1 137	257	91
Ячмень	1 223	612	0,238	0,143
Гречиха	1 093	987	0,210	0,106
Пшеница	804	809	0,223	0,148
Редька	717	632	175	187
Капуста	642	323	141	172
Морковь	669	136	0,330	0,151
Прочие	3 169	3 819	-	-
В с е г о	26 807	23 760	-	-

Примечание: Перечень сельскохозяйственных культур дан по их значимости.

¹ Карафуте сангё ронсё. Тоёхара, 1936, с.14; Карафуте тё сисэй сандзюнэн си. Токио, 1936, с.771-772; Сёва дзюгонэн Карафуте тё токэйсё. Тоёхара, 1942, с.46-69.

Таблица 7

Основные данные о железных дорогах Южного Сахалина^I.

Железнодорожные линии	Владения	Начало эксплуат. (год)	Протяженность (км)
Тоёхара-Одомари	государств.	1910	
Тоёхара-Одомари-Сакаэхама	"		96,9
Тоёхара-Каваками	"	1922	21,9
Тоёхара-Маока	"	1920	89,8
<u>Западная береговая железная дорога:</u>			
Найхоро-Хонто	частное	1931	16,4
Хонто - Маока	госуд.	1920	47,3
Маока-Тарандомари	"	1922	-
Тарандомари-Нода	"	1931	47,6
Нода-Томариору	"	1935	-
Томариору-Кусюннай	"	1937	42,3
<u>Восточная береговая железная дорога:</u>			
Отнай-Сисука	частное	1936	245,5
Сисука-Котон	"	1941	75
<u>Остальные линии:</u>			
Каваками-Конума	государств.	1914	21,6
Рутака-Синба	частное	1926	18,6

Примечание: таблица составлена на основании географического деления Южного Сахалина.

^I Сёва гонэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1930, с.46-48; Сёва дзыгонэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1939, с.135-140; Сёва кюнэн Хоккайдо Карафутто нэнкан. Отару, 1934, с.551-552; Дай ситидзюго тэйкоку гикай такуму гидзи сёроку. Токио, 1940, с.196-200.

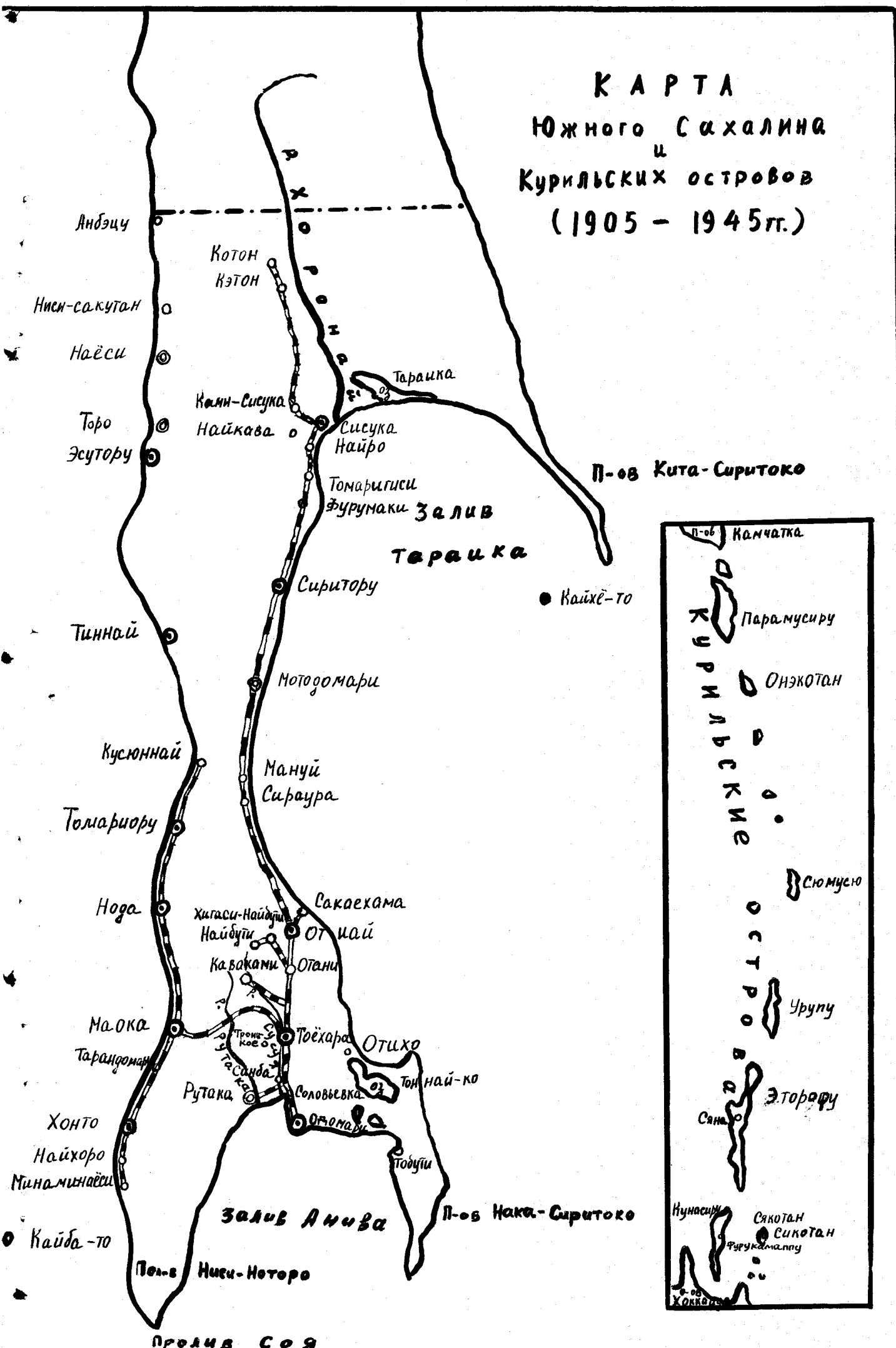
Таблица 8

Основные показатели работы государственного
железнодорожного транспорта на Южном Сахалине^I.

Г о д ы	Грузооборот (в тыс. т)	Число пассажиров (в тыс. чел.)
1911	43	76
1921	320	680
1931	873	1593
1941	1325	4241

^I Сёва саннэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1928, с.335; Сёва дзюёнэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1939, с.256; Сёва дзюситинэн Карафутто ёран. Тоёхара, 1943, с.279.

КАРТА Южного Сахалина и Курильских островов (1905 - 1945 гг.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. ТРУДЫ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

1. Маркс К. Капитал, т. I. Процесс накоплений.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I. Экономическое содержание народничества.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3. Развитие капитализма в России.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4. Китайская война.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9. Падение Порт-Артура.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17. События на Балканах и Персии.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22. Заработки рабочих и прибыль капиталистов в России.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24. Критические заметки по национальному вопросу.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27. Империализм, как высшая стадия капитализма.
10. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41. Беседа с японским корреспондентом Р. Накахира, представителем газеты "Осака Асахи".

II. ДИРЕКТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЦК КПСС

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. тт. I-10. М., 1970-1972.
2. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961.
3. ХУП съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934.
4. ХУШ съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1939.
5. Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Госполитиздат. М., 1969.

6. Отчетный доклад Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972.

Щ. ИСТОЧНИКИ

1. Архивные материалы. Государственный архив Сахалинской области: ф. I и-с, оп. I с, дд. 9, 10, 19, 23, 24, 46, 114, 152.
2. Архив Сахалинского геологического управления. Основной фонд № 3786. История геологического изучения угольных месторождений о. Сахалин. Южно-Сахалинск, 1970.
3. Идзю кюдодзин косэки хо (Родовая запись аборигенов-переселенцев). Б.М., Б.Г.
4. Тэйкоку гикай такуму гидзи сёроку (Стенограммы выступлений на сессии японского парламента по делам колоний). Токио, за 1934, 1935, 1940 гг.

IV. ОФИЦИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ. СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ

На японском языке:

1. Карафутто тё токэйсё. (Статистические сборники губернаторства Южного Сахалина). Тоёхара, за 1928, 1931, 1933, 1935, 1937, 1939, 1940, 1941.
2. Карафутто ёран (Справочники по Южному Сахалину). Тоёхара, за 1914, 1917, 1919, 1924, 1928, 1930, 1931, 1934, 1935, 1936, 1937, 1939, 1941, 1942 гг.
3. Такуму ёран (Справочники по делам колоний). Токио, за 1938, 1939, 1940 гг.
4. Карафутто нэнкан (Ежегодники по Южному Сахалину). Тоёхара, за 1934, 1935, 1936, 1937, 1938, 1939, 1940 гг.
5. Хоккайдо Карафутто нэнкан (Ежегодники по Хоккайдо и Южному Сахалину). Отару, за 1934, 1935, 1936, 1940, 1941 гг.

6. Хоккайдо нэнкан (Ежегодники по Хоккайдо). Саппоро, за 1940 г.
7. Хоккай таймс нэнкан (Ежегодники Хоккай таймс). Саппоро, за 1938, 1939 гг.
8. Карафуте тэхэ (Вестник губернаторства Южного Сахалина). Тоёхара, за 1919, 1936, 1937, 1938 гг.
9. Сёва ёнэн си (История Сёва за четвертый год). Токио, 1930; Сёва гонэн си (История Сёва за пятый год). Токио, 1931; Сёвакюнэн си (История Сёва за девятый год). Токио, 1935.
10. Карафуте такусёку кэйкаку но дзэнбо (Обзор плана колонизации Южного Сахалина). Токио, 1934.

На английском языке:

1. The Japan year book (Ежегодники по Японии). Токио, за 1907, 1908-1909, 1911, 1936 гг.
2. The orient year book (Ежегодник по странам Востока). Токио, 1943.

У. ПЕРИОДИКА

На русском языке

1. Газета "Владивосток" № 3-4, 1886.
2. Газета "Далекая окраина". № 2161, 2166, 2178. Владивосток, 1914.
3. Газета "Правда", за 1974-1975 гг.
4. Газета "Советский Сахалин", за 1946-1947 гг.
5. Вестник Азии. Харбин, 1909-1927.
6. Вестник Маньчжурии. Харбин. 1925-1934.
7. Известия Академии Наук СССР. Серия истории и философии. т. УШ, № 2, М., 1951.

8. Известия Восточного института. Владивосток, т.2, выпуск 5. 1901; т.3. Вып.2. 1902; т.3. Вып.4, 1902; т.8, 1903; т.4, 1903; Особое положение. 1907.
9. Ж. Голос. № 16. СПб, 1878.
10. Ж. Исторический вестник № 2-3, СПб, 1894.
11. Ж. Китай и Япония. Хабаровск, № 93, 1912.
12. Ж. Коммунистический интернационал. М., 1933.
13. Ж. Нива. № 28. СПб, 1905.
14. Ж. Природа и люди Дальнего Востока. № 3-4, 12. Владивосток, 1906.
15. Ж. Проблемы Дальнего Востока. М., 1972-1975.

На японском и корейском языках:

1. Газета Йоммури за 1948-1951.
2. Газета Маинити за 1947-1951.
3. Газета Синсэймей (Новая жизнь). Южно-Сахалинск, за 1948.
4. Газета Тёсон родондя (Корейский рабочий). Южно-Сахалинск, за 1949-1965 гг.
5. Газета Ленин и гилло (на корейском языке). Южно-Сахалинск, за 1966-1975 гг.
6. Ж. Дзикёку дзёхо (Информация о международном положении).
7. Ж. Карафутто (Южный Сахалин). Тоёхара, 1935-1939.
8. Ж. Карафутто дзихо (Новости Южного Сахалина). Тоёхара, 1940-1942.
9. Ж. Карафутто когё кайси (Известия угольной промышленности Южного Сахалина). Тоёхара, т.6, 1939; № 3, 1943.
10. Ж. Карафутто тёхо (Вестник губернаторства Южного Сахалина). Тоёхара, 1937-1938.
11. Ж. Кокусай гэппо (Ежемесячник по международному положению). Токио, 1937-1938.

12. Ж. Суйсан (Рыболовство). Токио, № 10, 1913; № 3, 1924; № 9, 1913
№ 1, 1927; № 10, 1935.
13. Ж. Суйсан кай (Ассоциация рыбопромышленников). № 5, 1931; № 12,
1940.
14. Ж. Дай Нихон суйсан кайхо (Известия рыбопромышленного общества
Великой Японии). Токио, № 334, 1910.

VI. ИССЛЕДОВАНИЯ И ДРУГИЕ РАБОТЫ

На русском языке:

1. Аболтин В.Я. Остров сокровищ. М., 1928.
2. Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849-1853 гг. М., 1974.
3. Багров В.Н. Южно-Сахалинские и Курильские операции. М., 1959.
4. Берг Л. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. Л., 1935.
5. Власов С.Т. Леса Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.
6. Гальперин Л.П. К вопросу о генезисе капитализма в Японии. М.,
1962.
7. Гольденберг Д. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 - декабрь
1941 гг.). М., 1959.
8. Гримм Д. Сборник договоров и других документов по истории между
народных отношений на Дальнем Востоке (1842-1923 гг.). М.,
1927.
9. Еллинский Б. Сахалин - черная жемчужина Дальнего Востока. М.-Л.,
1928.
10. Японский милитаризм. М., 1973.
11. Зимина Т.А. Овощеводство Сахалина. Южно-Сахалинск, 1957.
12. История дипломатии. Т.3. М., 1945.
13. История международных отношений и внешняя политика СССР.
т. 1-2, М., 1967.
14. История, социология и философия Дальнего Востока. Владивосток,
1971.

15. История Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1963.
16. Иноуэ Киёси. История современной Японии (перевод с японского). М., 1958.
17. Каманин Л. Первые исследователи Дальнего Востока. М., 1933.
18. Катаяма Сэн. Статьи и мемуары. М., 1959.
19. Ким Сын Хва. Очерки истории советских корейцев. М., 1965.
20. Козырева Р. В. Древний Сахалин. Л., 1967.
21. Колотов Н. А. Океан в огне. Владивосток, 1972.
22. Коровин Е. А. Япония и международное право. М., 1936.
23. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.-Л., 1949.
24. Крушанов А. И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. 1918-1920. Владивосток, 1972.
25. Кутаков Л. Н. Портсмутский мирный договор. М., 1961.
26. Латышев И. А. Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане. 1931-1941. М., 1955.
27. Леонов П. А. Сахалинская область и перспективы развития производительных сил в свете решений XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза. Южно-Сахалинск, 1972.
28. Леонов П. А. и др. Область на островах. Южно-Сахалинск, 1969.
29. Лебедев В. Советский Сахалин. М., 1933.
30. Лилеев. Остров Сахалин. СПб, 1906.
31. Лиф Ш. Война и экономика Японии. М., 1940.
32. Марков С. Русские люди на Курильских островах. Пенза, 1946.
33. Материалы по истории и культуре народов Дальнего Востока. Выпуск I. Владивосток, 1973.
34. Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
35. Международные отношения на Дальнем Востоке. т. I-2, М., 1973.
36. Меклер Г. К. Хоккайдо. Экономический очерк. М., 1968.
37. Микуль М. С. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении. СПб, 1873.

38. Нарочницкий А. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке / (1869-1895 гг.). М., 1956.
39. Невельской Г.И. Подвиги русских офицеров на Дальнем Востоке. Владивосток, 1950.
40. Никольский А.М. Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных. "Записки императорской Академии Наук". т. 60. СПб, 1889.
41. Октябрь и Япония. М., 1968.
42. Панов А.А. Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905.
43. Певзнер Я.А. Монополистический капитал Японии ("Дзайбацу") в годы второй мировой войны и после войны. М.-Л., 1950.
44. Пилсудский Б. Аборигены о. Сахалина. СПб, 1909.
45. Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Л., 1960.
46. Полевой П.И. Русский Сахалин. СПб, 1914.
47. Попов К. Экономика Японии. М.-Л., 1936.
48. Попов К.М. Техничко-экономическая база Японии. М., 1937.
49. Позднеев Д. Материалы по истории северной Японии и ее отношений к матерку Азии и России. т. 1-2. Токио-Иокогама, 1900.
50. Полонский А. Курилы. Записки Российского географического общества по отделению этнографии. IY. СПб, 1871.
51. Рыжков А.Н. Подвиги русских людей на Сахалине и Курилах. Омско-Сахалинск, 1955.
52. Сахалинская область. Омско-Сахалинск, 1960.
53. Сенченко И.А. Очерк истории Сахалина. Омско-Сахалинск, 1957.
54. Сергеев М.А. Курильские острова, М., 1947.
55. Тихменев П. Обзорение образования Российско-Американской компании и действия до настоящего времени. ч. I, СПб, 1861.
56. Топеха П.П. Рабочее движение в Японии. М., 1974.
57. Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М., 1960.

58. Хондзё Эйdzиро. Социальная история Японии (перевод с японского языка). М., 1935.

На японском и европейском языках:

- I. Акисаса Сэйносукэ. Сёкуминти сэйсаку си (История колониальной политики). Токио, 1933.
2. Аоки Такэтаро. Нихон номин ундо си (История крестьянского движения в Японии). Токио, т. 4, 1959.
3. Араки Садао. Нихон но симэй (Миссия Японии в период Сёва). Токио, 1932.
4. Асами Торо. Нихон сёкуминти точирон (Управление колониями Японии). 1929, Токио.
5. Дай Нихон такусёку си (История колонизации Великой Японии). Токио, 1934.
6. Дай Нихон си кодза (Лекции по истории Великой Японии). тт. I-IO. Токио, 1934.
7. Додзин но ханаси (Рассказы об аборигенах). Тоёхара, 1940.
8. Иноуэ Киёси. Нихон но гункоку сёги (Японский милитаризм). тт. I-2. Токио, 1953-1954.
9. Кадзима Мориносукэ. Тэйкоку гайко но нихон сэйсаку (Генеральная линия внешней политики империи). Токио, 1938.
10. Кадзима Мориносукэ. Нихон но гайко сэйсаку (Дипломатическая политика Японии). Токио, 1966.
- II. Кайтаку дзигё хококу (Догады о деятельности колонизации). Токио, 1885.
12. Кайтаку си нисси (Дневник Колонизационной Комиссии). Б.М., 1873.
13. Кайтаку хансэй ки (Полвека колонизации). Токио, 1944.
14. Карафутто дзити (Самоуправление Южного Сахалина). Тоёхара, 1935.
15. Карафутто дзимин тоситэва дзэхи Корэдакэва (Что нужно знать жителям Южного Сахалина). Тоёхара, 1931.

16. Карафутто додзин (Аборигены Южного Сахалина). Тоёхара, 1940.
17. Карафутто но гёгё (Рыбная промышленность Южного Сахалина). Тоёхара, 1933.
18. Карафутто но ногё (Сельское хозяйство Южного Сахалина). Тоёхара, 1926.
19. Карафутто но суйсан (Рыбное хозяйство Южного Сахалина). Тоёхара. 1934, 1937, 1944.
20. Карафутто ринсэй сандзэнэн си (История лесного хозяйства Южного Сахалина за 30 лет). Тоёхара, 1934.
21. Карафутто сангё ронсё (Сборник статей об экономике Южного Сахалина). Тоёхара, 1936.
22. Карафутто сикон си (История освоения Южного Сахалина). Токио, 1935.
23. Карафутто синрин иппан (Обзор о лесах Южного Сахалина). Тоёхара, 1934.
24. Карафутто сосё (Сборник статей о Южном Сахалине). Тоёхара, 1941-1942.
25. Карафутто тё сисэй сандзэнэн кинэн (Празднование 30-летия со дня образования губернаторства Южного Сахалина). Отару, 1937.
26. Карафутто тё сисэй сандзэнэн си (История управления Южным Сахалином за 30 лет). Токио, 1936.
27. Карафутто тихо сэйдо хоки сбран (Законы об управлении районами Южного Сахалина). Тоёхара, 1937.
28. Карафутто тэкон си (История о тех, кто умер на Южном Сахалине). Тоёхара, 1935.
29. Карафутто хакубуцу кан хококу (Доклады Южно-Сахалинского музея). № 3. 1939; № 4, 1942.
30. Карафутто хоки сбран (Сборник законов по самоуправлению Южного Сахалина). Тоёхара, 1937.

31. Карафутто эйсэй гайкё (Состояние гигиены на Южном Сахалине). Тоёхара, 1942.
32. Карафутто энкаку си (История развития Южного Сахалина). Тоёхара, 1925.
33. Кокумин сосики то кокумин ундо (Народные организации и народное движение). Токио, 1943.
34. Мамия Риндзо. Кита Эдзо дзуко (Описание Северного Эдзо). Токио, 1943.
35. Маруяма дзиро. Эзо Хаято но дзюмму (Покорение племён Эдзо и Хаято). Токио, 1934.
36. Маруяма Тосио. Нихон но насёнаризм (Японский национализм). Токио, 1927.
37. Мацунага Тёкэн. Карафутто оёби Камчатки (Сахалин и Камчатка). Токио, 1905.
38. Маэда Тамон. Тихо дзити но ханаси (Рассказы о самоуправлении муниципальных районами). Токио, 1930.
39. Мейдзи Тайсё си (История эпохи Мейдзи и Тайсё). тт. I-II. Токио, 1929-1930.
40. Миядзаки Райхати. Карафутто си моногатари (История Южного Сахалина). Токио, 1944.
41. Нагата Ёсимаса. Карафутто но тимэй (Географические названия Южного Сахалина). Токио, 1910.
42. Накадзоэ Эйсуке. Дзанинги тёсандзин то соно рэкиси (Корейцы в Японии и их история). Токио, 1971.
43. Накамэ Сатору. Карафутто но ханаси (Рассказы о Южном Сахалине). Токио, 1917.
44. Нисидзуру Садаёси. Карафутто айну (Айны Южного Сахалина). Тоёхара, 1942.
45. Нисидзуру Садаёси. Карафутто ги но сиори (Очерки истории Южного Сахалина). Токио, 1941.

46. Нисидзурү Садаёси. Карафүто танкэн но хитобито (Исследователи Южного Сахалина). Тоёхара, 1941.
47. Нисидзурү Садаёси и др. Карафүто но тимэй (Географические названия Южного Сахалина). Тоёхара, 1930.
48. Нисидзурү Садаёси. Карафүто дзити (Самоуправление Южного Сахалина). Тоёхара, 1935.
49. Нисидзурү Садаёси. Одомари си (История города Корсакова). Тоёхара, 1939.
50. Накадзима Кэндзо. Сёва дзидай (Период Сёва). Токио, 1959.
51. Накано Ёсио. Воспоминание о Южном Сахалине. Маока, 1933.
52. Нихон тайсе инбо (Антисоветский прои ски Японии). Токио, 1948.
53. Нота Кайдзо. Нихон но дзинко то кэйдзай (Население Японии и экономика). Токио, 1941.
54. Нумада Итиро. Нитиро гайко си (История японо-русской дипломатии). Токио, 1934.
55. Овага Синьити. Родося но дзётэй сёби родося ундо си (Положение рабочих и история рабочего движения). Токио, 1932.
56. Огава Унпей. Мансю то Карафүто (Маньчжурия и Сахалин). Токио,
57. Огава Унпей. Нихон то тайрику (Япония и материк). Токио, 1926.
58. Одомари си (История города Корсакова). Одомари, 1939.
59. Окамото Риносукэ. Хоккайдо сико (История Хоккайдо). Токио, 1929.
60. Окамото Сёити. Гёгё хаттацу си (История развития рыбной промышленности). Токио, 1944.
61. Окуяма Рётё. Кёдо но рэкиси (История родного края). Токио, 1960.
62. Ота Сиротаро. Тисима дзицугё тиси (История о деятельности на Курильских островах). Токио, 1893.
63. Оно Тоун. Карафүто тиси (Описание географии Южного Сахалина). Токио, 1935.
64. Осие Камэо. Кокусаку сёкумин си оёби сёкумин ти но Кэнкю (История колониальной политики и исследование о колониях). Токио, 1939.

65. Пак Ген Сик. Тёсэндзин кёсэй рэнко но кироку (Документы о насильственной мобилизации корейцев). Токио, 1967.
66. Сакамото Ясусукэ. Карафутто но Тоёхара (Город Южно-Сахалинск Южного Сахалина). Тоёхара, 1922.
67. Сакамото Ясусукэ. Одомари но энкаку то дзинбуцу (Развитие города Корсакова и его известные люди). Одомари, 1921.
68. Симия Рёкити. Цугару кайкё но ситаки кэнкё (Исследование истории пролива Сангарского пролива). Токио, 1934.
69. Сарасина Гэндзо. Айнэ (Айны). Токио, 1968.
70. Такакура Синьтиро. Эдзо ти (Земля Эдзо). Токио, 1959.
71. Такакура Синьтиро. Тисима гайси (Исторический обзор Курильских островов). Токио, 1965.
72. Такакура Синьтиро. Хоккайдо сёси (Краткий очерк истории Хоккайдо). Саппоро, 1965.
73. Такаока Кумао. Карафутто ногё сёкумин мондай (Сельскохозяйственная колонизация Южного Сахалина). Токио, 1935.
74. Такахара Мисао. Кёкухоку Нихон (Северная Япония). Токио, 1912.
75. Такасу Ёсидзиро. Нихон ва сэкай о сэйдзюку сэн (Япония покорит мир). Токио, 1931.
76. Такахаси Кэмэкичи. Нихон сихон Сиги хаттану си (История развития японского капитализма). Токио, 1924.
77. Такахаси Томио. Эдзо (Аборигены Хоккайдо). Токио, 1963.
78. Тамай Гоити. Нихон но нака но Тёсэн (Корея в Японии). Токио, 1971.
79. Тахата Минору. Кокумин сосики то кокумин ундэ (Народные организации и народное движение). Токио, 1943.
80. Тёсэн гёсэй хо (Административное управление в Корее). Токио, 1930.
81. Торин Рюдзо. Тисима айну (Айны Курильских островов). Токио, 1903.

82. Уэда Тэйдзиро. Нихон дзинко мондай кэнкю (Исследование населения Японии). Токио, 1933.
83. Хоккайдо гайкё (Обзор Хоккайдо). Токио, 1933.
84. Хоккайдо имин сэйсаку (Политика переселения на Хоккайдо). Токио, 1931.
85. Хоккайдо кюдодзин гайкё (Сведения об аборигенах Хоккайдо). Саппоро, 1926.
86. Хосокава Ёсироку. Сёкумин си (История колоний). Токио, 1941.
87. Хоти К. Воспоминания о борьбе рыбаков. Тоёхара, 1935.
88. Якусин Нихон дайкан (Обзор прогрессирующей Японии). Токио, 1937.
89. Ямадзаки Сэйдзи. Дайтоа кёэйкэн но какуруцу (Установление сферы соприкосновения Восточной Азии). Токио, 1944.
90. Ямамото Куматаро. Син Нихон тиси (Новое географическое описание Японии). Токио, 1937.
91. Яманои Хироси. Карафутто дзинбуцу рон (Известные люди Южного Сахалина). Токио, 1937.
92. Ямасита Рюмон. Карафутто рон (Рассуждения о Южном Сахалине). Токио, 1929.
93. John J. Stephan. Sakhalin: a history (История Сахалина). Oxford, 1971.
94. John J. Stephan. The Kuril Islands. Russo-Japanese Frontier in the Pacific. Oxford, London, 1974.